4
Р-89

Русские народные говоры

лингвогеографические исследования

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

77601

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ

лингвогеографические исследования

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1983

4
Р-89
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР
77601

В сборнике освещаются актуальные вопросы современной описательной диалектологии, представлена разработка целого ряда отдельных особенностей строя русского языка. Публикуемые в сборнике карты обогащают представления о территориальном размещении диалектных вариантов изученных элементов языка.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Р.И. АВАНЕСОВ

Р $\frac{4602010000357-233}{042(02)-83}$ 357-83-III

© Издательство "Наука", 1983 г.

С.В. БРОМЛЕЙ

О МОРФОЛОГИЧЕСКОМ ВЫПУСКЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Сектором истории языка и диалектологии Института русского языка АН СССР завершено создание морфологического выпуска ДАРЯ[1]. Выпуск содержит 112 карт[2] и 12 а. л. сопроводительных текстов.

Большая часть морфологических карт посвещена формам словоизменения, – они и составляют основной корпус карт грамматического выпуска ДАРЯ. Сравнительно небольшая часть карт посвящена средствам формообразования: это карты по образованию форм сравнительной степени (59, 60), инфинитива (101–103), причастий и деепричастий (109–112)[3].

1.0. Картографирование диалектных различий в морфологическом выпуске (как и в двух других; I – "Фонетика", III – "Синтаксис. Лексика") ведется в соответствии с принципами теории лингвистической географии, выработанными в процессе создания русского диалектологического атласа[4]. Основным из этих принципов является то, что объект картографирования определяется его местом в системе диалектного языка в целом, понимаемого как сложная система, состоящая из частных (диалектных) систем, проявляющих наряду с чертами общности и черты различий. Последние и являются объектом картографирования. Поэтому подход к картографированию того или иного элемента – всегда результат анализа соответствующего ему диалектного различия, осмысления его места в системе языка, определения объема языковых факторов, которые он охватывает. Все это реализуется и при картографировании в ДАРЯ явлений морфологии.

В данной статье мы охарактеризуем построение карт настоящего выпуска как реализации данного подхода на примерах картографирования морфологических явлений.

---

[1] Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. II. – "Морфология". Редактор выпуска С.В. Бромлей (хранится в Институте русского языка АН СССР).

[2] См. в приложении к настоящей статье полный перечень карт II вып. ДАРЯ с указанием авторов (Аналогичный перечень карт I вып. ДАРЯ "Фонетика" и статью о нем Т.Ю. Строгановой см. в кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981).

[3] Различия в формах словообразования представлены в ДАРЯ незначительным количеством карт в связи со слабой разработанностью этого раздела диалектологии на этапе составления "Программы". Эти карты включены в III вып. ДАРЯ – "Синтаксис. Лексика", поскольку различия в словообразовании широко отражаются и в собственно лексических картах.

[4] См. подробнее: Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И. Аванесова (Глава I. Лингвистическая география и структура языка) М., 1962, где эти принципы изложены Р.И. Аванесовым.

1.1. Как известно, основная часть диалектных различий русского языка в области морфологии не касается самого наличия или отсутствия тех или иных форм словоизменения. Различия в этой области относятся в основном к структуре форм словоизменения, распределению синонимичных аффиксов по разным классам основ. В области строения системы словоизменения имеет место различение или совпадение (полное или по отдельным признакам) тех или иных форм в пределах отдельных парадигм[5]. Картографированию таких различий и посвящены карты настоящего выпуска ДАРЯ.

Структура форм словоизменения может варьироваться по говорам в связи с различиями в фонемном составе одних и тех же окончаний, – основной вид различий, касающийся в той или иной мере всех частей речи (ср. различия типа *тра́вкой*: *тра́вкуй* и т. д., *в худы́х*: *в худы́ф* и т. д. *несёшь*: *несешь* и т. д. *но́сят*: *но́сют* и т. д.); в наличии или отсутствии чередований в основе (*люблю, любишь ...*: *любю, любишь ..., могу, можешь ... могут*: *могу, могешь ... могут*), а также места ударения (*люблю́, лю́бишь*: *лю́блю, лю́бишь*; *споко́йнее, румя́нее ...*: *споко́йнее́, румя́нее́ ...*).

Любое из этих различий охватывает определенный класс словоформ: 1) все словоформы, реализующие данную форму словоизменения, например, различие окончаний прилагательных с конечной фонемой ⟨х⟩ или ⟨ф⟩ относится ко всем словоформам предл. п. мн. ч. (*в худы́х, бе́лых, то́нких* ... и т. д.: *в худы́ф, бе́лыф, то́нкиф*); 2) либо класс словоформ, границы которого определяются некоторым структурным признаком: в словах, характеризующихся определенной основой (например, различия в чередованиях, противопоставляющих основу 1 л. ед. ч. основе во всех других формах глаголов, имеет место только у глаголов II спряжения с основой на губные и зубные согласные), или в словах, которым свойственно то или иное ударение (например, различие окончаний твор. п. ед. ч. существительных I склонения с фонемой ⟨о⟩ или ⟨у⟩ характеризует только слова этой категории с ударением на основе: *сте́нкой*: *сте́нкуй*, *ве́рбой*: *ве́рбуй* ...[6]; структурные ограничения такого рода приводят иногда к выделению по своим морфологическим особенностям одного слова; например, подвижное ударение при чередовании ⟨г⟩ // ⟨ж⟩ в основе характеризует только глагол *мочь*, в связи с чем диалектные варианты парадигм настоящего времени по признаку чередований и по признаку ударений у этого глагола имеют значительное своеобразие и отличаются от вариантов парадигм у остальных глаголов с основной на заднеязычные согласные.

В соответствии с местом этих различий как различий морфологических, реализующихся во всех словоформах данного класса, они картографируются в принципиально лексически неограниченном круге словоформ, хотя

---

[5] Подробную характеристику морфологических различий русских говоров как объекта картографирования см.: Вопросы теории лингвистической географии (Раздел II главы 2 Диалектные различия в формах словоизменения. Авторы раздела С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова).

[6] Иногда такого рода условия реализации (признаки класса, в пределах которого данное различие имеет место) недостаточно выявлены, предположительны. Например, для данного различия – роль исхода основы на разные согласные (в первую очередь задненебные) или двусложность окончания (*-ойу*: *-уйу*). Эти предположительные условия также учитываются при картографировании (см. карту 3).

практически этот класс, как показано выше, может состоять из конечного числа словоформ и даже из одного слова.

Поэтому вынесенная в название формулировка темы карты, содержащая указание на грамматическую форму и соответствующий ей класс слов, по существу уже определяет тот материал, на основе которого проводится картографирование. В комментариях этот материал (если карта составлена без применения статистики, – см. с. 10) характеризуется обычно лишь с количественной стороны. На отдельные слова или группы слов авторы карт обращают внимание (иногда выносят их на карту) только в тех случаях, когда они в силу каких-то причин выбиваются из общих закономерностей. Такими причинами могут быть особенности их фонетического строения (например, глаголы *ткать* и *скать* отклоняются от системы чередования, присущей всем другим глаголам с основой настоящего времени на заднеязычный согласный в связи с особенностями фонетической структуры основы, состоящей из сочетания согласных; см. карту 95), морфонологические особенности (ср. выделение на карте 98, посвященной чередованиям в основе глаголов II спряжение глаголов с основой на *д-* в некоторых западных говорах, связанные, по-видимому, с характеризовавшим некогда эти глаголы исходом на *дж-*, сохранившимся в части говоров, ср. *хаджу*, *виджу* ...); в отдельных случаях обособлению слова (словоформы) в морфологическом отношении может способствовать и преимущественное его употребление в определенных синтаксических условиях (ср., например, особенности в образовании формы сравнительной степени с основой *скор-*, – карта 59). Все подобного рода отклонения, связанные с определенными словами (или группами слов), если не находят особого отражения на картах, обязательно оговариваются в комментариях к ним. В принципе же отсутствие в них всякой лексической характеристики материала является для морфологических карт нормой: оно свидетельствует о том, что явление как морфологическое одинаково реализуется во всем массиве словоформ выделенного грамматического класса, охарактеризованного, как правило, уже в названии карты[7].

1.1.2. Другим распространенным типом морфологических различий является различие в количестве синонимических окончаний у той или иной формы словоизменения и в распределении таких окончаний по классам словоформ. Так, например, в одних говорах в форме предл. п. мн. ч. существительных имеет место только одно окончание *-ах* (или -аф), в других – часть существительных может иметь окончание *-ох* (при *-ах* у остальных): *в костёх*, *на санёх*, *у конёх* и т. д. Или формы инфинитива в одних говорах могут иметь шесть суффиксов: *-чи* (*печи́*), *-чь* (*стричь*), *-ти*, (*идти́*), *-ть* (*ходи́ть*), *-сти* (*нести́*), *-сть* (*класть*), в других только три: *-чь*, *-ть*, *-сть*. Классы словоформ, оформленные каждым из суффиксов говоров первого типа,

---

[7] Поскольку название карты не может быть слишком громоздким, в нем иногда используются характеристики картографирумого объекта, подобные следующим "Форма инфинитива глаголов типа *нести*, *грести*" (карта 101). В таких случаях подробная характеристика картографируемого класса слов дается в комментариях. В них же приводятся и полные списки слов закрытых классов, так как в этих случаях читателю может быть интересен лексический состав слов, среди которых в диалектах сохраняются представители непродуктивного класса, не сохранившиеся в литературном языке; так например, в комментарии к карте 101 среди глаголов на *-сти* приводятся такие, как *вязти* (вязать), *бости* (бодать), *скусти* ('щипать').

соответственно в говорах второго типа оказываются объединенными попарно одним суффиксом.

Различия этого типа также могут быть связаны со структурно вычленимыми в системе языка классами основ (ср. последний пример, где различия пар суффиксов инфинитива в говорах первого типа определяются акцентным типом глаголов) и в пределах этих классов безразличны к лексике. Они, как и различия в фонемном составе окончаний, рассмотренные выше, характеризуются в названиях и комментариях посредством соответствующих признаков (типов основ, акцентных типов и др.). Однако среди различий в количестве и распределении синонимичных окончаний часть составляют такие, где оформление словоформы тем или иным аффиксом небезразлично к лексике: словоформы одних слов выступают с одним окончанием, других слов – с другим, причем в каждом говоре круг слов, оформляемых тем или иным аффиксом, различен[8]. Картографирование таких различий требует пристального внимания к словарному составу материала; только количественная его характеристика уже не является достаточной.

В связи с лексической закрепленностью формальных элементов сам объект картографирования для диалектных различий подобного типа каждый раз подлежит выбору и требует обоснования, причем различный выбор объекта теснейшим образом связан с собранным по данному явлению материалом (его полнотой, регулярностью приведения в ответах тех или иных слов), а также с характером его территориальной локализации.

Такого рода различия, отражающие свойственные диалектному языку в его современном состоянии живые морфологические процессы, неравномерно охватывающие по говорам разные слова, наиболее адекватно было бы и картографировать на материале отдельных слов, поскольку каждое из них с данным окончанием занимает особую территорию распространения. Однако такой способ картографирования неэкономен, к тому же он все равно не может дать представление о всех словах; картогрифирование же нескольких слов, представленных в "Программе" в качестве примеров на данное явление (каждое из которых к тому же встречается не во всех ответах), вряд ли может представить интерес. Поэтому в ДАРЯ такие явления картографируются обычно одним из двух способов.

Если разные слова с данным окончанием не слишком расходятся в своем территориальном распространении, располагаясь примерно на одной территории, то для картографирования выбирается одно слово, наиболее часто встречающиеся в материалах (см. карту 18 "Формы предл. п. ед. ч. существительного *город*") и в этом случае все его формы находят полное отражение. Это слово является как бы представителем целой группы слов, характеризующихся в комментариях через свойственные им формальные признаки. В других случаях, при больших территориальных расхождениях разных слов, интересующий вариант окончания картографируется (в пределах того круга основ, где он получил тенденцию к распространению)

---

[8] Диалектные различия подобного типа в морфологии называются нерегулярными. Их более детальную характеристику см.: Вопросы теории лингвистической географии, с. 75–85.

на материале любых словоформ (т. е. без учета конкретной лексики). Такие карты выявляют ареалы, в пределах которых имеет место данная языковая тенденция, см., например, I и III темы на карте 60 "Продуктивность суффикса сравнительной степени -ее и его разновидностей" (I) и "Формы сравнительной степени типа *удобне́е, спокойне́е*" (III). В тех случаях, когда это возможно (имеем в виду количественную сторону собранного материала), на таких картах показана также статистическая характеристика явления, отражающая разную интенсивность, с которой оно проявляется на разных территориях (см. I тему указанной карты). На части карт, посвященных явлениям такого рода, выбирается вариант картографирования, объединяющий оба описанных выше способа. Картографирование одного слова с полным противопоставлением его вариантов сопровождается показом тенденции в распространении одного из этих вариантов, картографируемой на материале любых слов того же класса. При таком показе общая тенденция и ее частное проявление в одном слове объединяются в пределах одной карты и взаимно дополняют друг друга. Таким способом выполнен, например, ряд карт, посвященных форме им. п. мн. ч. существительных (карт 24–27), а также карта 16, посвященная форме предл. п. ед. ч. существительных мужского и среднего рода.

1.2.0. Морфологические различия могут касаться отдельных форм словоизменения (или формообразования) или же целой системы форм – парадигмы.

1.2.1. Различия отдельных форм словоизменения в свою очередь относятся к форме в целом, при этом на карте такие формы являются предметом противопоставления (ср., например, формы им. п. мн. ч. *дом* : *домы́*: *до́мы*[9] или формы предл. п. ед. ч. существительных муж. р. *на конце́*: *на конци́*: *на концу́*) или же эти различия касаются только отдельных признаков данной формы. Последнее имеет место в том случае, когда в составе той или иной формы варьируется один ее элемент (или признак), а иногда два (или более), но каждый из них образует самостоятельное диалектное различие, так как каждый из признаков реализуется в своих вариантах в разных классах словоформ и имеет разное территориальное распространение. При картографировании варианты таких признаков выделяются в качестве членов самостоятельных междиалектных соответствий, например ⟨х⟩ : ⟨ф⟩ в составе окончаний в форме предл. п. мн. ч. у любых существительных (а также и прилагательных): *на рука́х, в се́лах* ...: *на рука́ф, в се́лаф* ... (*в ста́рых, на свои́х* ...: *в ста́рыф, на свои́ф* ...). У части существительных, как мы упоминали, в этой же форме может иметь место диалектное различие, связанное с гласной окончания: ⟨а⟩ : ⟨о⟩ (или ⟨е⟩). Оно реализуется только в пределах тех говоров, которым свойствен признак ⟨х⟩ того же окончания: *в гостях, на санях* ...: *в гостёх* (*-ех*), *на санёх* (*-ех*) ... Эти различия окончания существительных в форме предл.

[9] Отвлекаемся здесь от того, что данное различие, как и многие другие, не является однолинейным, однопланным. Оно содержит различия: 1) по характеру окончания, 2) по месту ударения. Выражение при картографировании разных планов подобного рода многопланных различий разными картографическими средствами – общая черта подхода к картографированию в ДАРЯ диалектных различий любых уровней. О специфике многопланных различий в морфологии см.: Вопросы теории ..., ч. II, раздел 3, гл. 2.

п. мн. ч. как самостоятельные диалектные различия картографируются на разных картах ДАРЯ (см. карты 39, 40).

Некоторые из различий, связанных с отдельным признаком окончания, реализуются в двух или более формах данной парадигмы; например, если в форме род. п. мн. ч. прилагательных имеется по говорам различие типа *от худы́х, без молоды́х* ...: *от худы́их, без молоды́их* ..., то оно имеет место также и в других косв. падежах (*к худы́м, к молоды́м* ...: *к худы́им, к молоды́им* ... и т. д.), при чем и в пределах одного говора, если отмечается *от худы́их*, то есть и *к худы́им* и *с худы́ими*, – т. е. этот признак равномерно реализуется во всех формах парадигмы, где он потенциально может проявиться. Такие различия, где целый ряд форм проявляет полную эквивалентность по данному признаку, в принципе равнозначны одноименному различию в одной (любой) форме. Они картографируются на материале всех форм, где данное различие имеет место, но на карте, посвященной такому различию, знак может быть поставлен, при неполном материале (содержащем не все формы) на основании любой из форм, которая приведена в ответе, причем в комментариях нет надобности оговаривать, на основе каких именно форм поставлен знак в каждом данном нас. п. (см., например, карту 53, посвященную упомянутому выше различию). Эквивалентность картографируемых форм по данному признаку делает вполне законным такое использование материала.

Вопрос о целесообразности картографирования разных признаков одной и той же формы на одной или на разных картах может решаться по разному (в том числе и в зависимости от разных привходящих обстоятельств, например, от степени загруженности той или иной карты). Однако, несомненно, что распределение их по разным картам целесообразно по крайней мере в тех случаях, когда разные признаки данной формы реализуются в разном наборе форм и в разных классах слов. Например в форме 3 л. ед ч. глаголов I спряжения с ударенными окончаниями (типа *идёт, несёт*) имеют место различия в гласном окончании ⟨ о ⟩ : ⟨ е ⟩, в наличии или отсутствии конечного *т*, и в случае наличия последнего – в твердости или мягкости *т*. Различие ⟨ е ⟩ : ⟨ о ⟩ характеризует, кроме данной формы, также формы 2 л. ед. ч. и 1 и 2 лиц мн. ч. Это – различие в системе форм (см. об этом ниже), которое целесообразно показать на отдельной карте (см. карту 83). Различие в наличии и отсутствии *т* имеет место и в форме 3 л. мн. числа, причем оно проявляется неодинаково у глаголов I и II спряжений в зависимости от ударенности или безударных окончаний. Чтобы читатель легко мог сопоставлять распространенность этого признака во всех этих категориях случаев, целесообразным оказалось отделить его при картографировании от других и показать его реализацию с необходимой дифференцией материала на одной карте (отдельно для формы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., см. карты 81, 82). Что касается признака *т* : *т'*, то он реализуется одинаково у всех форм 3 л. (как единственного, так и множественного числа), независимо от их принадлежности к спряжениям, и картографировался соответственно на материале всего массива тематических глаголов (см. карту 80).

Итак, при картографировании отдельных признаков авторы карт ДАРЯ, как правило, отвлекаются от других, представленных в тех же формах, учи-

тывая для каждого данного признака тот круг форм и классов слов, в которых он реализуется[10].

Однако во всех случаях, когда соотношение признаков в пределах одной и той же формы может представлять специфический интерес, они картографируются как признаки именно этой формы на одной карте (см. карту 84, посвященную форме 3 л. ед. ч. глаголов I спряжения с ударением на окончании, где в центре внимания именно соотношение указанных признаков в данной форме).

1.2.2. Различия в системе форм, или собственно парадигматические различия, имеют место в говорах в случаях:

1. Когда не менее двух форм парадигмы имеют диалектные варианты по одному и тому же признаку, но не во всех говорах сохраняется их эквивалентность. Так, например, в окончаниях мн. ч. прилагательных может варьироваться ударенная гласная (⟨е⟩ : ⟨и⟩), но этот признак в одних говорах однородно реализуется во всех формах (ср. *молоды́е*, *молоды́х*, *молодым* ...: *молоде́и*, *молоде́х*, *молоде́м* ...), а в других при ⟨е⟩ в им. п. выступает ⟨и⟩ в косв. пп.: *молоде́и*, но *молоды́х*, *молодым* ...

2. Когда две или более форм парадигмы в одних говорах различаются, а в других – совпадают, причем совпадение может осуществляться в окончании, специфичном как для одной, так и другой из совпадавших форм, например в твор. и предл. п. муж. р. ед. ч. местоимений *мой*, *твой*, *свой* (ср. *в моём*, *с моим*: *в моём*, *с моём*: *в моим*, *с моим*).

Наиболее адекватным способом картографирования таких различий является синетический способ обозначения соотношения форм парадигмы на карте, т. е. такой, при котором каждая из диалектных разновидностей этих соотношений получает особый знак на карте.

Однако попытки картографирования таких различий на карте этим способом встретились со значительными трудностями, которые связаны с вариативностью форм, имеющей место в системе многих говоров (например, наличие в них сосуществования форм типа *молодых* и *молоде́х* или *в моём* и *в моим* и т. д.). В связи с неопределенностью, возникающей при установлении парадигматических отношений в условиях такой вариативности у части (а иногда и у всех) учитываемых при картографировании форм, более предпочтительным является метод аналитического показа всех вариантов каждой отдельной формы (или группы форм, связанных отношениями эквивалентности). Он позволяет исследователю, пользующемуся данными такой карты, более объективно и самостоятельно судить о вероятности тех или иных парадигматических связей картографирумых форм на разных участках территории, в пределах которой имеет место такая вариантность. Синтетический подход к картографированию удалось реализовать для по-

[10] В отдельных случаях на разных картах могут быть показаны не разные признаки той или иной формы, а разные конкретные варианты данной формы. Так, формы мн. ч. прилагательных, если они образуются с окончаниями, начинающимися фонемой ⟨е⟩ (*молоде́и*, *молоде́х* ...), выделены на отдельную карту (49), где картографированы их парадигмы (⟨е⟩ только в им. п. ед. ч. или также и в косв. падежах). Это сделано из тех соображений, что формы с гласной ⟨и⟩ окончания (*молодые*, *молодых* ...) практически распространены повсеместно, а проявляющиеся в им. п. мн. ч. различие в стяжении и его отсутствии, характерно только для форм, где в окончании имеет место фонема ⟨и⟩ (*молодые*, *сухие* ...: *молоды́*, *сухи́* ..., см. карту 57).

добного типа различий в немногих картах (см., например, карту 95, посвященную чередованиям в глаголах).

В случаях картографирования различий в парадигмах, касающихся определенного признака в нескольких ее формах, когда каждая из форм может в системе отдельного говора отличаться по его реализации от остальных, карта строится таким образом, что на ней отражается только "диалектный"[11] член междиалектного соответствия. Это вызвано тем, что построение карты, посвященной такому сложному различию как противопоставленной (с показом "литературного"[11] варианта) сделало бы ее черезчур перегруженной и вызвало бы затруднения чисто технического порядка в ее построении. Описанным способом строится, например, карта 83, на которой сведения о наличии гласной ⟨ е ⟩ в каждой из форм парадигмы настоящего времени (2, 3 лиц ед. ч. и 1, 2 лиц мн. ч.) глаголов I спряжения с ударенными окончаниями накладываются друг на друга. Тем самым на карте вырисовываются ареалы различных сочетаний форм с данным признаком, что соответствует разным парадигмам глаголов I спряжения, выделенным по этому признаку. Поскольку материал по данному явлению полный (нередко даже обильный), то отсутствие указаний в карте на наличие гласной ⟨ е ⟩ в окончании той или иной формы практически означает наличие в ней только окончаний с гласной ⟨ о ⟩. Таким образом, мы пренебрегаем при данном построении карты только показом наличия или отсутствия окончаний с гласной ⟨ о ⟩ в тех случаях, когда в той же форме отмечено указанное на карте окончание с гласной ⟨ е ⟩.

2. Как мы говорили, среди карт морфологического выпуска ДАРЯ имеются карты, построенные с показом количественной характеристики явления. Способы показа характеристики языкового явления при его картографировании не отличаются от тех, которые были применены в вып. I "Фонетика". Количественная характеристика может быть нанесена на карту путем непосредственного отражения данных о количестве примеров, которым данное явление иллюстрируется в каждом из ответов (так, например, картографирована I тема на карте 60), а может быть предварительно обобщена для групп непосредственно соседствующих населенных пунктов, относящихся к примерно равным по площади территориям, для которых вычисляется суммарная относительная частота примеров с данным вариантом окончания[12]. Примером применения этого метода в морфологических картах является карта 14. Метод предварительной статистической обработки диалектного материала для картографирования с показом количественного соотношения вариантов, разработанный Н.Н. Пшеничновой[13], применен в настоящем выпуске ДАРЯ не только для показа интенсивности проявления данной языковой черты на разных территориях ее распространения (см.

[11] Кавычки в этих случаях указывают на условность этого разграничения ("диалектный" – "литературный" член междиалектного соответствия), так как применительно к диалектному языку любой реализующийся в нем языковой вариант является диалектным.

[12] Метод впервые применен И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, см. их статью: К вопросу о постпозитивных частиц в русских говорах. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. III. М., 1962.

[13] См.: *Пшеничнова Н.Н.* Лингвистическое картографирование на основе анализа материала статистическим методом. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. м., 1973.

карту 85), а также и в новой функции – для выявления чисто лингвистических характеристик. Так, карты 88, 90, 92, построенные с применением этого метода и посвященные явлению стяжения гласных (в результате утраты интервального [й] на стыке основы и окончания) в формах настоящего времени глаголов I спряжения, имеют своей целью выделить зону, где результаты фонетического в своей основе (и сохраняющее такой характер в большей части северорусских говоров) явления морфологизовались в акающих среднерусских говорах, вследствие чего соответствующие глаголы (в отличие от тех глаголов I спряжения, где для стяжения не было условий) приобрели здесь особую систему слогоизменения ср. *ду́маю* (или *ду́му*), *ду́маш, ду́мат ... умéю, умéш, умéт* ... и т. д. – так называемое III спряжение[14]. Территориальные границы распространения этого типа спряжения могли быть выявлены только с применением статистического метода обработки относящегося к этому явлению материала при его картографировании[15].

3. Многие из карт морфологического выпуска ДАРЯ освещают не одну, а две или больше тем, что обычно видно из самого названия карты, где разные темы помечаются римскими цифрами.

Как правило, темы, объединенные на одной карте, находятся в теснейшем единстве. Обычно это – варианты одной и той же формы у разных классов слов (см. например, карты 39, 101). Реже объединение одной или нескольких тем носит более внешний характер; будучи объединены отношением к одной и той же грамматической категории, темы эти относятся к разным аспектам диалектного варьирования относящихся сюда форм. Ср., например, темы освещенные на карте 60.

Помимо этого на многих картах основная тема осложняется некоторыми побочными, не отраженными в названии. Эти побочные темы обычно выражены изоглоссами. По своей функции они также различны. В одних случаях они служат дополнительным материалом карты, помогая понимать характер распространения того диалектного различия, которое для данной карты является основным. Например, на карте 83, посвященной распространению окончаний с гласной ⟨ е ⟩ у глаголов I спряжения (*несéшь, несéт, несéм, несéте*) даны: 1) изоглосса распространения форм 3 л. глаголов с конечным мягким *т'*, которая определяет фонетическую причину неперехода [е] > > [о] в окончании 3 л. ед. ч.; 2) изоглосса форм 2 л. мн. ч. с ударением на окончании (типа *несите́*), которая снимает для территории в пределах этой изоглоссы сам вопрос о наличии оппозиции ⟨ е ⟩ : ⟨ о ⟩ в окончании этой формы; 3) изоглосса наличия сочетаний мягких согласных на стыке окончания и постфикса *-ся* в возвратных формах глаголов, которая также определяет фонетические условия неперехода [е] > [о] в соответствующих формах (*нес* [ет'с'] *а*), ср. наличие в тех же говорах фонемы ⟨ о ⟩ у невозвратных глаголов, имеющих конечный *т* твердый (*не* [с'от]).

Функцию, отличную от этой последней (в прямом смысле – дополнительной), несут изоглоссы, отражающие на некоторых картах побочные те-

[14] См.: *Бромлей С.В.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас, 1970. М., 1972. Термин "III спряжение" в данном его понимании впервые введен в книге: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[15] См. статью Н.Н. Пшеничновой в данном сборнике.

мы. Они как бы предлагают читателю связать тему данной карты с другим явлением, часто другого уровня языка (фонетического) для интерпретации (исторической или структурной) картографируемого явления. Например, на карте 85, посвященной безударным окончаниям *-ат*: *-ут* у глаголов исконно II спряжения (*но́сят*, *ви́дят* ...: *но́сют*, *ви́дют* ...), дается изоглосса совпадения гласных на месте этимологических ⟨ е ⟩ и ⟨ и ⟩ в конечном заударном слоге. Ее показ на данной карте имеет своей целью обратить внимание на то, что при окончании *-ут* в 3 л. мн. ч. этих глаголов в условиях совпадения в их парадигме также и других безударных окончаний I и II спряжений (различающихся в других говорах фонемами ⟨ е ⟩ (⟨ о ⟩) и ⟨ и ⟩), данные глаголы совпадают по своему спряжению с глаголами I спряжения, имеющими безударные окончания, образуя "общее" спряжение[16].

4. Морфологические диалектные различия вычленяются среди различий других уровней языка на основании двух критериев: с одной стороны это различие должно представлять синтаксическое тождество, с другой не быть обусловленным фонетическим строем говоров. На этом основании различия типа *два мужики́* и *два мужика́*, хотя и выражается во флексиях существительного, не признаются морфологическим по первому критерию, а рассматриваются как синтаксическое (см. вып. III ДАРЯ), поскольку это факт разного согласования числительных *два, три, четыре* с существительными: в одних говорах в форме род. п. ед. ч., в других в форме им. п. мн. ч. (ср. в последних – *две ноги́*, *три око́шки* и т. д.). Различия же типа *ба́б* [ой], *сте́нк* [ой] ...,: *ба́б* [ай], *сте́нк* [ай] ...: *ба́б* [ъй], *сте́нк* [ъй] ... и т. п. хотя также представлены во флексиях, не могут быть отнесены к морфологическим по второму критерию, так как они обусловлены фонетической системой говоров (ср. в тех же говорах соответственно *го́р* [о] *д*, *го́р* [а] *д*, *го́р* [ъ] *д* и т. д.) и на морфологическом уровне должны рассматриваться как тождество. Формы же *ба́б* [уй], *сте́нк* [уй] по отношению к другим указанным выше формам твор. п. ед. ч. жен. р. в их совокупности представляют особый, именно морфологический (а не фонетический) вариант. Наличие в них [у] не обусловлено фонетической системой говоров, так как нет говоров, где бы любому ударенному [о] в позиции заударного конечного слога соответствовал [у]. Звук [у] реализует здесь не фонему ⟨ о ⟩, а фонему ⟨ у ⟩. Различия же в фонемном составе окончаний (в данном случае окончания -⟨ ой ⟩, представленного фонетическими вариантами -[ой], -[ай], -[ъй], и окончания -⟨ уй ⟩) являются морфологическими, составляя наиболее распространенный тип морфологических диалектных различий русского языка. Картографирование различий в фонемном составе окончаний той или иной грамматической формы предполагает объединение всех фонетических вариантов в соответствии с фонемами, которые реализованы в звуковом составе этих окончаний, ср. объединение -[ой], -[ай], -[ъй] в окончании -⟨ ой ⟩ твор. п. ед. ч. существительных жен. рода на *-а* при противопоставлении его окончанию -⟨ уй ⟩ (см. карту 3); или объединение -[ов], -[оф], -[оў], -[ow] в окончании -⟨ ов ⟩ род. п. мн. ч. существительных при противопоставлении его окончанию *-ей* и нулевому на картах, посвященных

---

[16] Термин введен в статье: *Бромлей С.В.* Противопоставленность I и II спряжения в русских говорах и литературном языке. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

этой форме (36–38). Объединение диалектных вариантов окончаний, обусловленных фонетической системой говоров и потому представляющих собой тождество на уровне морфологии, как очевидное условие выделения единиц этого уровня в комментариях не оговаривается. Особые фонемы, отсутствущие в литературном языке ⟨ê⟩ и ⟨ô⟩ (сохранившиеся в части говоров – первая на месте старого *ѣ*, вторая – на месте исконного *о* под восходящим ударением), представленные в говорах рядом аллофонов ([ê], [иê], [ᴵ̯ê] и др ... [ô], [оў], [ᵘ̯о] и др.)в морфологическом выпуске ДАРЯ всегда, независимо от реального их звучания в говорах, обозначаются соответственно как ⟨ê⟩ и ⟨ô⟩.

Отграничение морфологических диалектных различий от синтаксических в ДАРЯ не составляло трудностей, чего нельзя сказать об отграничении их от фонетических.

Тесно связанные своим происхождением с явлениями фонетического уровня, некоторые морфологические различия в части современных говоров еще не вполне оформились как таковые, не полностью отделились от своей фонетической базы, тогда как в других – уже морфологизовались. Таковы различия, возникшие на базе стяжения – процесса в своей основе фонетического, вызванного утратой интевокального [й], но тесно связанного особенностями своей реализации с отдельными морфологическими категориями, в связи с чем посвященные ему карты (54–57 и 88–94) и помещены в грамматическом выпуске ДАРЯ[17]. От них следует отделить различия, также имевшие некогда в своей основе фонетическую базу, (т. е. с диахронической точки зрения фонетические), но в настоящее время, в связи с завершением в далеком прошлом породивших их фонетических процессов, полностью относящихся к различиям в фонемном составе определенных морфем. Так, различия окончаний -[ой] : -[ый] : -[эй] в им. п. ед. ч. прилагательных (*молодóй*: *молоды́й*: *молодэ́й* и др.); в основе наст. вр. и повел. накл. глаголов типа *рыть* (*рóю*:*ры́ю*:*рэ́ю* или *рой*:*рый*:*рэй* и др.), в формах повел. накл. глаголов типа *бить* (*бей*:*бий*) связано в прошлом с разной судьбой фонетических сочетаний редуцированных с [j] по говорам. В настоящее время нельзя указать фонетических условий, определяющих соответствия элементов [ой] : [ый] ([ий]) : [эй] ([ей]) в говорах. Поэтому с синхронной точки зрения их следует относить к морфологическим. Они также отражены в картах настоящего выпуска ДАРЯ (см. карты 42, 100).

Специфические трудности связаны с установлением фонемного состава флексии. Они возникают при картографировании форм с безударными окончаниями в говорах (главным образом южнорусских), которым свойственны разные типы совпадения фонем в заударной позиции: это совпадение в разных говорах данного типа охватывает неодинаковые по составу группы фонем (в заударном слоге после мягких согласных, например, совпадать в части говоров могут все различающиеся под ударением фонемы) и реализуется в разных звуках. Разные типы совпадения фонем в заударных

---

[17] О формировании на базе стяжения особого типа словоизменения глаголов – III спряжения см. с. 11 в связи с использованием статистического метода для определения территориальных границ его распространения.

слогах не удалось выявить достаточно полно (см. ДАРЯ, вып. I. "Фонетика") в связи с неполнотой собранного материала, так как в "Программе" соответствующие вопросы были сформулированы по отношению не ко всем гласным. В этих условиях картографирование фонемного состава безударных окончаний в части случаев заменялось картографированием звуков, варьирующихся по говорам в том или ином окончании.

На картах такого типа за различиями в звуках в одних случаях может стоять различие в фонемном составе окончания (или морфологическое различие), а в других – различие в позиционном варьировании одной и той же фонемы (или фонетическое различие). Квалификацию для говоров этих различий как морфологических или как фонетических автор карты на себя взять не может. Такое вынужденное "соскальзывание" на фонетический уровень при картографировании того или иного различия всегда специально оговаривается в комментариях (см., например, карту 50). Дальнейшее изучение данных таких карт на этапе более глубокой проработки типов нейтрализации гласных фонем в заударном положении даст возможность внести эти уточнения.

5. В заключение следует отметить, что карты морфологического выпуска ДАРЯ, как и выпуска фонетического, в большей своей части демонстрируют определенный и во многих случаях сплошной (не прерывистый!) характер ареалов, запечатленных на них языковых явлений, в особенности их специфически диалектных разновидностей. Немаловажно и то, что многие явления морфологии близки по своим общим конфигурациям к ареалам фонетических явлений, повторяя их основное направление в пределах того или иного пучка изоглосс, что и позволило авторам новой диалектологической карты русского языка в ряду других языковых черт широко использовать явления грамматики при выделении различных, в том числе и основных единиц диалектного членения русского языка[18]. Это показывает в то же время, что русские диалекты на этапе их фиксации для атласа характеризуются достаточно глубокой дифференциацией, пронизывающей весь их строй – фонетику, морфологию. Это же можно сказать и о явлениях синтаксиса (см. III вып.), хотя в каждом их этих уровней различия касаются в основном второстепенных сторон, не затрагивая определяющих черт их организации. Это одновременно обеспечивает и их значительную близость, обусловливающую свободную возможность общения лиц разной диалектной принадлежности.

К числу элементов грамматического строя языка, которые не дают четких изоглосс, образуя зачастую разорванные, "кружевные" ареалы разной степени плотности на разных частях общей территории своего распространения, относятся в основном лишь явления, представляющие собой так называемые нерегулярные морфологические различия (см. выше сноску 8). Как нам приходилось отмечать выше, это те точки морфологической системы диалектного языка, где активно протекают живые процессы, в разной

---

[18] *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970. Вспомним, что авторы "Опыта диалектологической карты русского языка в Европе", Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков, при решении вопросов отнесения говоров к основным наречиям русского языка и среднерусским говорам опирались в основном на фонетические черты (оканье–аканье [г] – [ɣ]), которые они считали наиболее важными для вычленения диалектов, см.: там же, с. 33.

мере проявляющиеся в разных говорах (имеем в виду широту охвата соответствующих словоформ). Их изучение представляет также специфический интерес, так как в самом характере их протекания (в том виде, в каком они были захвачены на момент обследования) можно усматривать модель исторических изменений подобного же характера, некогда имевших место также и в других частях структуры диалектного языка. Подобного же рода изменения (например, распространение окончания мн. ч. *-á*) дают себя знать и в литературном языке, и для их изучения материал соответствующих карт ДАРЯ дает необходимый диалектный фон (хотя, конечно, это далеко не единственный пример необходимости учета явлений диалектного языка для изучения литературного).

Для более подробного ознакомления с кругом картографированных явлений приведем полный перечень лингвистических карт, составляющих выпуск.

Диалектологический атлас русского языка
(Центр Европейской части СССР)
Выпуск II – "Морфология"

№ карты	Название карты	Автор
1	Форма родительного падежа единственного числа существительных на *-а* с ударенными окончаниями	Л.Н. Булатова, И.А. Букринская
2	Форма дательного и предложного (местного) падежей единственного числа существительных на *-а* с ударенными окончаниями	Л.Н. Булатова
3	Безударное окончание в форме творительного падежа единственного числа существительных женского рода I склонения	В.Н. Теплова
4	Форма дательного падежа единственного числа односложных существительных III склонения с исконно подвижным ударением в сочетании с предлогом *к*	А.И. Сологуб
5	Форма дательного падежа единственного числа односложных существительных III склонения с исконно подвижным ударением в сочетании с предлогом *по*	А.И. Сологуб
6	Форма предложного падежа единственного числа односложных существительных III склонения с исконно подвижным ударением	А.И. Сологуб

№ карты	Название карты	Автор
7	Формы дательного и предложного падежей единственного числа существительного *лошадь*	А.И. Сологуб
8	Форма творительного падежа единственного числа существительных *печь, лошадь*	А.И. Сологуб
9	Форма именительного и винительного падежей единственного числа существительного *мать,*	А.И. Сологуб, В.Н. Теплова
10	Форма именительного падежа существительного *свекровь*	А.И. Сологуб
11	Окончания I склонения у существительных среднего рода с ударением на основе	А.К. Васильева
12	Согласование прилагательных с существительными исконно среднего рода в именительном падеже единственного числа	А.К. Васильева
13	Согласование прилагательных в форме женского рода с существительными исконно среднего рода в родительном и предложном падежах единственного числа	А.К. Васильева
14	Употребительность окончания -(у) в предложном падеже единственного числа неодушевленных односложных существительных мужского рода типа *дом, бок*	Е.Г. Бурова
15	Форма предложного падежа единственного числа существительного *лес*	Е.Г. Бурова
16	Форма предложного падежа единственного числа существительного *конец* (I). Ударенное окончание -(и) у существительных мужского и среднего рода в предложном падеже единственного числа (II)	И.А. Букринская
17	Безударное окончание -(у) в форме предложного падежа единственного числа неодушевленных существительных мужского рода с неоднослож-ной основой и неподвижным ударением на основе	Е.Г. Бурова
18	Форма предложного падежа единственного числа существительного *город*	Е.Г. Бурова

№ карты	Название карты	Автор
19	Окончание -⟨у⟩ в форме предложного падежа единственного числа одушевленых существительных мужского рода	Е.Г. Бурова
20	Окончание -⟨у⟩ в форме предложного падежа единственного числа существительных среднего рода	Е.Г. Бурова
21	Существительное *мышь*: его грамматический род и форма именительного падежа единственного числа	В.Н. Теплова
22	Наличие формообразовательного элемента *-ен-* в форме единственного числа существительных *имя, семя*	О.Е. Кармакова
23	Форма единственного числа существительных мужского рода с суффиксом *-ушк-* (I) и *-ишк-* (II), обозначающих лицо	В.Н. Теплова
24	Форма именительного падежа множественного числа существительного *дом* (I). Окончание -⟨и⟩ в этой форме у других существительных мужского рода (II)	Н.А. Липовская
25	Форма именительного падежа множественного числа существительного *глаз* (I). Диалектное окончание -⟨и⟩ в этой форме у других существительных мужского рода, обозначающих парные предметы (II)	Н.А. Липовская
26	Форма именительного падежа множественного числа существительного *крестянин* (I). Окончание -⟨а⟩ в этой форме при твердом конечном согласном основы у существительных, обозначающих людей по социальному признаку или месту жительства (II)	Н.А. Липовская
27	Основа множественного числа и форма именительного падежа множественного числа существительного *волос* (I). Диалектное образование основы с суффиксом -⟨j⟩- в этой фор-	Н.А. Липовская

1091

№ карты	Название карты	Автор
	ме у других существительных мужского рода (II)	
28	Основа множественного числа с суффиксом -(ов j)- существительных *сын, брат, дядя, зять, сват*	Н.А. Липовская
29	Основа множественного числа с суффиксом -(j)- существительных *сын, брат, дядя, зять, сват*	Н.А. Липовская
30	Основа множественного числа существительных *сын, брат, дядя, зять, сват*,равная основе единственного числа	Н.А. Липовская
31	Окончание -(а) в форме именительного падежа множественного числа существительных женского рода	Н.А. Липовская
32	Форма именительного падежа множественного числа существительных *мать, дочь*	Н.А. Липовская
33	Окончание в форме именительного падежа множественного числа существительных среднего рода с основой на парный твердый согласный	Н.А. Липовская
34	Форма именительного падежа собирательных существительных	Н.А. Липовская
35	Основа в формах множественного числа существительных, обозначающих детенышей	Н.А. Липовская
36	Форма родительного падежа множественного числа существительных мужского рода с основой на *ц-*	Н.А. Липовская
37	Форма родительного падежа множественного числа существительных женского рода с основой на парный твердый согласный	Н.А. Липовская
38	Форма родительного падежа множественного числа существительных женского рода на *-ня*	Н.А. Липовская
39	[ф] на месте [х] в окончании предложного падежа множественного числа существительных (I) и в родительном и предложном падежах множественного числа прилагательных (II)	А.К. Васильева

№ карты	Название карты	Автор
40	Фонема ⟨о⟩ (⟨е⟩) в окончаниях дательного и предложного падежей множественного числа существительных	Т.Ю. Строганова
41	Форма творительного падежа множественного числа существительных I и II склонения	А.К. Васильева
42	Ударенная гласная фонема односложного окончания, соответствующего литературному -⟨ой⟩, в формах существительных и прилагательных	Н.Н. Пшеничнова
43	Нестяженные окончания винительного падежа единственного числа женского рода адъективного склонения	Т.Ю. Строганова
44	Согласный или его отсутствие в окончании родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода	Т.Ю. Строганова
45	Конечная гласная фонема в окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода адъективного склонения	Т.Ю. Строганова
46	Гласная в ударенном окончании предложного падежа единственного числа прилагательных мужского и среднего рода	А.К. Васильева
47	Твердость или мягкость заднеязычного согласного основы в предложном падеже единственного числа прилагательных мужского и среднего рода с безударными окончаниями	Т.Ю. Строганова
48	Двусложное ударенное окончание именительного падежа множественного числа прилагательных	Л.Н. Булатова, И.А. Букринская
49	Гласная ⟨е⟩ в ударенных окончаниях множественного числа адъективного склонения	К.Ф. Захарова
50	Двусложное безударное оконча-	Л.Н. Булатова,

№ карты	Название карты	Автор
	ние именительного падежа множественного числа прилагательных	И.А. Букринская
51	Форма творительного падежа множественного числа адъективного склонения	А.К. Васильева
52	Твердость или мягкость заднеязычного согласного в исходе основы существительных и прилагательных с ударением на основе в форме творительного падежа множественного числа	Л.Н. Булатова
53	Окончание прилагательных с начальным сочетанием [ыи] в формах косвенных падежей множественного числа	А.К. Васильева
54	Стяжение гласных в окончании именительного падежа единственного числа прилагательных женского рода	Н.Н. Пшеничнова
55	Стяжение гласных в окончании винительного падежа единственного числа прилагательных женского рода	Н.Н. Пшеничнова
56	Стяжение гласных в окончании именительного падежа единственного числа прилагательных среднего рода	Н.Н. Пшеничнова
57	Стяжение гласных в окончании именительного падежа множественного числа прилагательных	Н.Н. Пшеничнова
58	Различие по твердости и мягкости в исходе основы кратких предикативных прилагательных множественного числа типа *сыты, рады*	И.Г. Валина
59	Суффикс сравнительной степени *-ее* и его разновидности	С.В. Бромлей, Е.Г. Бурова
60	Продуктивность суффикса сравнительной степени *-ее* и его разновидностей (I). Форма сравнительной степени с суффиксом *-оше* (II). Формы сравнительной степени типа *удобне́е, спокойне́е*	С.В. Бромлей
61	Основа в формах родительного, винительного и дательного, предложного падежей личного местоимения 1-го лица	В.Н. Теплова

№ карты	Название карты	Автор
62	Основа личного местоимения 2-го лица и возвратного в формах родительного, винительного и дательного, предложного падежей	Т.Ю. Строганова
63	Окончания в форме родительного и винительного падежей единственного числа личных местоимений 1 и 2-го лиц и возвратного (I). Окончание -(и) в форме дательного и предложного падежей тех же местоимений	Т.Ю. Строганова
64	Энклитические формы личных местоимений 1 и 2-го лиц и возвратного	Т.Ю. Строганова, В.Н. Теплова
65	Форма именительного падежа единственного числа местоимения 3-го лица женского рода (I) и распространение формы [йон] (II)	А.И. Сологуб
66	Форма родительного падежа единственного числа местоимения 3-го лица женского рода в сочетании с предлогом	А.И. Сологуб
67	Наличие – отсутствие начального *н* в форме родительного падежа единственного числа местоимения 3-го лица женского рода после предлога	А.И. Солгоуб
68	Форма винительного падежа единственного числа местоимения 3-го лица женского рода	А.И. Сологуб
69	Форма именительного падежа множественного числа местоимения 3-го лица	А.И. Сологуб
70	Форма именительного падежа единственного числа мужского рода местоимения *тот* (I). Указательные местоимения со сложной основой *энт-, вонет- (онет-, унет-)* (II)	Н.Н. Пшеничнова, О.Е. Кармакова
71	Форма именительного падежа единственного числа женского рода местоимения *тот*	А.И. Сологуб
72	Форма винительного падежа единственного числа женского рода местоимения *тот*	В.Н. Теплова
73	Форма винительного падежа единственного числа женского рода местоимения *один*	В.Н. Теплова
74	Односложное окончание роди-	Н.Н. Пшеничнова

№ карты	Название карты	Автор
	тельного, дательного, предложного и творительного падежей женского рода (I) и двусложное окончание родительного падежа единственного числа женского рода (II) местоимения *тот, один*	
75	Форма именительного падежа единственного числа среднего рода местоимения *тот*	А.И. Сологуб
76	Форма именительного падежа множественного числа местоимения *тот*	А.И. Сологуб
77	Форма творительного и предложного падежей мужского рода единственного числа местоимений *мой, твой, свой*	К.Ф. Захарова
78	Гласная ⟨е⟩ или ⟨о⟩ окончания местоимений *мой, твой, свой* в формах косвенных падежей единственного числа женского рода	К.Ф. Захарова
79	Гласные ⟨и⟩ и ⟨е⟩ окончаний в формах множественного числа местоимений *мой, твой, свой*	К.Ф. Захарова
80	⟨т⟩ или ⟨т'⟩ в окончаниях 3-го лица глаголов	В.Н. Теплова
81	Отсутствие конечного *т* в форме 3-го лица единственного числа глаголов I и II спряжений	Е.Г. Бурова
82	Отсутствие конечного *т* в форме 3 лица множественного числа глаголов I и II спряжений	Е.Г. Бурова
83	Ударенный гласный ⟨е⟩ или ⟨о⟩ в окончаниях 2-го и 3-го лиц единственного числа глаголов I спряжения с основой на парные твердые согласные	С.В. Бромлей
84	Форма 3-го лица единственного числа глаголов I спряжения с ударенными окончаниями	С.В. Бромлей
85	Гласный в безударном окончании 3-го лица множественного числа глаголов не I спряжения	С.В. Бромлей, Н.Н. Пшеничнова
86	Форма 2-го лица множественного числа настоящего времени глаголов I спряжения с неподвижным ударением на окончании	С.В. Бромлей

№ карты	Название карты	Автор
87	Форма 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения глаголов *дать, есть*	А.И. Сологуб
88	Сочетание ⟨ˊaje⟩ и его соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения	Н.Н. Пшеничнова
89	Сочетание гласных на стыке основы и окончания в глаголах с основой на ⟨ˊaj⟩-	Н.Н. Пшеничнова
90	Сочетание ⟨ˊaje⟩ и его соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения	Н.Н. Пшеничнова
91	Сочетание гласных на стыке основы и окончания в глаголах на ⟨ˊaj⟩-	Н.Н. Пшеничнова
92	Сочетание ⟨ˊeje⟩ и его соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения	Н.Н. Пшеничнова
93	Сочетание ⟨óje⟩, ⟨úje⟩ и их соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения	Н.Н. Пшеничнова
94	Окончание ⟨ˊaj⟩ и его соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения	Н.Н. Пшеничнова
95	Основа в формах настоящего времени глаголов типа *печь, беречь*	С.В. Бромлей
96	Основа в формах настоящего времени глагола *лечь*	С.В. Бромлей
97	Основа (I) и место ударения (II) в формах настоящего времени глагола *мочь*	С.В. Бромлей
98	Основа и место ударения в формах настоящего времени глаголов II спряжения типа *просить, любить*	С.В. Бромлей
99	Основа в формах настоящего времени глаголов типа *сыпать, дремать* при их отнесенности ко II формообразовательному разряду	С.В. Бромлей
100	Основа в формах настоящего времени и повелительного наклонения глаголов типа *крыть* (I) и в форме повелительного наклонения глаголов типа *любить*	Н.Н. Пшеничнова
101	Форма инфинитива глаголов типа *плести, грести* (I), типа *класть* (II) и типа *ходить* (III)	С.В. Бромлей

№ карты	Название карты	Автор
102	Форма инфинитива глаголов с основой на заднеязычные согласные	С.В. Бромлей
103	Форма инфинитива глагола *идти*	С.В. Бромлей
104	Основа с исходом на ⟨е⟩ в формах инфинитива и прошедшего времени глаголов типа *кричать* и типа *дышать*	Н.А. Липовская
105	Возвратная глагольная частица в положении после гласной	К.Ф. Захарова
106	Возвратная глагольная частица в форме единственного числа мужского рода прошедшего времени на *л-*	К.Ф. Захарова
107	Возвратная частица в форме 2-го лица единственного числа глаголов	К.Ф. Захарова
108	Возвратная частица в форме 3-го лица множественного числа глаголов	К.Ф. Захарова
109	Образование страдательных причастий прошедшего времени от глаголов с основой инфинитива на *-оро-*, *-оло-* и с основой на корневое *а* из *ę*	Е.В. Немченко
110	Диалектные формы страдательных причастий прошедшего времени от глаголов на -ать и от глаголов II спряжения на -ить	Е.В. Немченко
111	Образование причастий на -ши от глаголов с основой прошедшего времени на гласный (I). Распространение причастий на *-овши*, *-омши* и типа *вземши*, *сжомши* (II)	Е.В. Немченко
112	Образование кратких действительных причастий прошедшего времени от глагола *идти* и однокоренных приставочных	Е.В. Немченко

Е.Г. БУРОВА

ПРОТЕТИЧЕСКИЕ ГЛАСНЫЕ В ПОЗИЦИИ ПЕРВОГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА В РУССКИХ ГОВОРАХ

Как известно, во многих говорах русского языка начальные сочетания согласных, где первым компонентом является сонорный, произносятся с протетическим гласным, образующим дополнительный слог, например: *ольняной, уржаной, аржи, ильну* и т.п. Наличие такого гласного, а также его длительность и качество определяются, по-видимому, многими условиями, но прежде всего и в наиболее явном виде это связано с положением консонантного сочетания по отношению к ударному слогу. Так, если протетические гласные в позиции 2-го предударного слога (*аржано́й, оржано́й* и т.п.) распространены территориально очень широко[1], то в позиции 1-го предударного слога (*аржи́, иржи́*) они наблюдаются на гораздо меньшей территории. Употребление протетических гласных в этом положении имеет четко ограниченный ареал распространения на западе среднерусских и южнорусских говоров. При установлении диалектного членения русского языка это явление названо в качестве одной из отличительных черт, характеризующих юго-западную диалектную зону[2].

В данной статье рассматривается именно эта черта – наличие протетических гласных перед консонантными сочетаниями начального ударенного слога, т.е. в положении 1-го предударного слога: например, [а]*ржи́*, [и]*льну́*, [а]*мгла́*, [и]*нра́виться*...

Юго-западная диалектная зона разделяет эту черту с белорусским языком, в котором данное явление было описано академиком Е.Ф. Карским[3]. Употребление протетических гласных в юго-западной диалектной зоне русского языка в общих чертах близко к описанию, сделанному Е.Ф. Карским. Ввиду смежности территорий это вполне естественно, тем более что его описание включает в себя данные, относящиеся к некоторым областям юго-западной диалектной зоны русского языка, говоры которых по принятой тогда классификации относили к белорусским или переходным от белорусских к южновеликорусским[4].

За истекший с тех пор более чем полувековой период сведения о реализации данного явления в современных говорах существенно пополнились в связи с собиранием материала для диалектологических атласов русского и белорусского языков. Многочисленные факты употребления протетических гласных нашли также отражение в материалах, собранных для составления диалектных словарей Псковской, Смоленской, Брянской областей, Словаря белорусских говоров. Наличие нового богатого

---

[1] См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 377, карта 103.

[2] С.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, с. 97, 98.

[3] *Карский Е.Ф.* Белорусы, вып. 1. М., 1955, с. 260–264.

[4] См.: Диалектологическая карта русского языка в Европе, составленная Московской диалектологической комиссией. Пг., 1914.

материала позволяет охарактеризовать эту диалектную особенность более подробно.

Настоящее описание опирается в основном на данные, собранные для ДАРЯ. В некоторой степени привлекался также материал региональных словарей[5].

Как установлено экспериментальными исследованиями, многие начальные сочетания согласных в русской речи тем или иным способом устраняются. Одним из способов их устранения является произношение гласных элементов перед группой согласных[6]. Однако при аудитивном восприятии фиксируются не все такие гласные, а лишь те, длительность которых оказывается достаточно большой: равной или приближающейся к длительности этимологических гласных в той же позиции. Собиратели материала для диалектологического атласа могли отмечать именно такие – доступные для слухового восприятия гласные, наличие которых представляет собой отклонение от литературной нормы. В подавляющем большинстве случаев они обозначались как гласные полного образования и вполне определенного тембра: *а*, *и*, *у*, *о*. Лишь в единичных случаях для обозначения протетического гласного в положении 1-го предударного слога употреблена буква ъ в строке или над строкой.

Протетический гласный 1-го предударного слога (типа *аржи, ильну*) представлен главным образом в говорах юго-западной зоны и в небольшом регионе вокруг Воронежа (см. карту).

Вне этих ареалов в пределах территории, обследованной для ДАРЯ, данное явление отмечается в редких отдельно расположенных нас. пп. в виде единичных примеров, почти исключительно перед плавными *р* или *л*. Среди этих примеров решительно преобладают формы слова *рожь* и его производные (*ржица, ржище* и т.п.), причем качество протетического гласного во многих (не во всех) ответах, особенно в севернорусских говорах, совпадает с его качеством в словах того же корня, где протетический гласный оказывается не в 1-м, а во 2-м предударном слоге (*оржи́* при *оржано́й, аржи́* при *аржано́й* и т.д.). Несколько реже приводятся с протетическим гласным формы слова *лен*. Относительно часто встречается также *ижа́ть, ижне́т* и т.д. Если преобладание слов *ржи* и *льну* можно объяснить их "заданностью" вопросом "Программы"[7], то к слову *ржать* это относиться не может. Особый случай представляет собой произношение *ольня́ный* или *альня́ный* (но *льну*), распространенное наряду

---

[5] Словарь смоленских говоров. Под ред. А.И. Ивановой. Смоленск, 1974; *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973; Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, вып. 1, 12. Л., 1965, 1977; Картотека Псковского областного словаря, хранящаяся в Псковском педагогическом институте.

[6] См. например: *Любимова Н.А.* Акустические характеристики русских сонантов (групповые и индивидуальные признаки). Автореф. канд. дис. Л., 1966, с. 7–8; Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973, с. 111; *Пауфошима Р.Ф.* О реализации сочетаний смычных согласных в севернорусском говоре. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, с. 117–118.

[7] "Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка". М.–Л., 1947, вопр. 22.

с *ольняно́й, альняно́й* на одной и той же территории, в районе Арзамаса и южнее его.

Совсем иная картина наблюдается в юго-западной зоне. Протетические гласные, образующие 1-й предударный слог, отмечены почти в каждом ответе, относящемся к этому ареалу. Количество и лексическое разнообразие примеров, иллюстрирующих это явление, свидетельствует о том, что протетические гласные в указанном положении здесь весьма употребительны. Оценивая показательность этого материала, следует учесть, что в словарном составе русского языка вообще, и в народно-разговорной его сфере в частности, не так уж много слов с начальным сочетанием согласных, где первым элементом является сонорный[8].

Ввиду того, что мы не имеем исчерпывающего материала ни по одному из говоров, а располагаем только ответами на один из вопросов "Программы", который разные авторы ответов осветили с различной полнотой и степенью внимания, нам придется характеризовать описываемое явление суммарно для всего ареала в целом, отмечая имеющиеся различия там, где это удалось заметить.

Подавляющее большинство примеров, естественно, составляют слова с начальными *р* и *л*. Их преобладание обусловлено рядом факторов. Во-первых, эти согласные, как неоднократно отмечалось[9], в соответствии со своей фонетической природой в определенных условиях (в частности в тех, которые здесь рассматриваются) легко приобретают слоговой характер, в результате чего затем развивается перед сонорным гласный элемент. Во-вторых, среди слов, имеющих в начале сочетание "сонорный + согласный", в народно-разговорной речи встречается больше всего слов именно с начальными *р* и *л*. Наконец преобладание их в ответах могло быть усилено тем, что именно на эти сочетания ориентировала собирателя "Программа".

В ответах встретились примеры произношения с протетическим гласным почти всех слов (за исключением лексики нехарактерной для диалектной речи), начинающихся с указанных сочетаний: *лгать, льгота, льет, льнуть, льстить, рвать, ржать, ржавый,* формы мн. ч. и косвенных падежей слов *лоб, лев, лен, лед, рожь, ров, рот, рей* 'рига', а также многочисленные производные от перечисленных слов (*лгун, льдина, льнище, ржаненький, рвота* и т.п.). Встретились некоторые названия городов и местные топонимы. Наиболее частотны в нашем материале словоформы *ржи* и *льну.* Обращение к диалектным словарям дает еще и другие примеры: смол. *ардель* 'ткань красного цвета', *ардюк* ('некто румяный, здоровый'); пск. *ильзя* 'можно'.

Следующее место по количеству примеров принадлежит протетическим

---

[8] Ср.: *Богомазов Г.М.* Двухфонемные интервокальные сочетания согласных в русской речи. – Рус. яз. за рубежом, 1969, № 3, с. 88.

[9] См.: *Аванесов Р.И.* О слогоразделе и строении слога в русском языке. – ВЯ. № 6, с. 100–101; *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967, с. 176; *Реформатский А.А.* Слоговые согласные в русском языке. – В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971, с. 208; *Еськова Н.А.* К вопросу о свойствах сонорных согласных в русском языке. – Там же, с. 246; *Любимова Н.А.* Влияние позиции на фонетические характеристики русских сонантов. – В кн.: Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973, с. 104–108.

гласным перед сочетанием носового с последующим согласным. Они представлены в словах: *мга, мжить, мгла, мстить, мне,* формы слова *мох* с производными (*мхи, мхом, мшара, мшанник*[10]), *Мценск, нравится.* Имеются случаи произношения гласного перед начальным *нн,* закономерно получающимся из *дн* в соответствии с фонетической системой говора: *Ннепр, нно, нни.* В словарях находим еще брянск. *имжа, имжель* 'мелкий дождь, туман, изморось'; пск. *имчать.* Как видим, и для этой категории консонантных сочетаний с протетическими гласными отмечено большинство из тех слов, употребление которых можно ожидать в диалектной речи. Слово *много* с протетическим гласным не отмечено ни разу.

Примеры с протезой перед *м* и *н* в основном относятся к району, который можно приблизительно ограничить точками: Опочка–Холм–Сычевка–Ельня. В других районах юго-западной зоны соответствующие примеры фиксировались намного реже. Однако мы не решаемся на этом основании делать вывод о том, что они действительно нехарактерны для говоров Брянской, Орловской, Курской, Белгородской областей. Малая представленность их в ответах может объясняться неполнотой последних. Для уточнения территории распространения протезы в данных сочетаниях необходимо привлечение дополнительного материала.

Заметим, что протетические гласные представлены перед начальными сонантами независимо от того, какой – глухой или звонкий – согласный следует за сонантом.

Несколько раз протетические гласные отмечены перед начальным *в,* находящимся перед другим согласным: *ивнук, ивзя́ла, ивьет, ивью́га, увсе* [уфс'о], *увласть*; из словарей: смол. *авнук, авраг* 'враг', пск. *ивсе́льник* 'тот, кого приняли в чужой дом'. На периферии нашего ареала отмечено [а]*вторник,* но это слово с начальным *а* или *о* широко известно на других территориях.

На значительной части юго-западного ареала начальное *в* перед согласным реализуется как [у] или [ў][11], устраняя тем самым сочетание согласных. Единично протетический гласный отмечен и перед ў: *аўшат.*

В юго-западной зоне известно употребление неэтимологических гласных и перед такими сочетаниями согласных, где первый звук не является сонантом. Перед смычными согласными появление гласного отмечается редко: [Иг]*лебович,* [иг]*нать, ипрет, ибьет, иднем, атво́рог, атхорь* ('хорь' – их дъхорь), *атстя* – каждый пример записан лишь в одном нас. п.; *аткать, иткем...* – в 13 нас. п. Приведенные примеры относятся к Псковской, Смоленской, Брянской обл.

Гораздо больше примеров протетического гласного перед фрикативными: [Иɦ]*леб,* [Иɦ]*лебиха* (в 1 нас. п.), [иɣ]*руша* или [иɦ]*руша* (более 80 нас. п.), *ишлет* (1 нас. п.), *иштука* (1 нас. п.), *ижну, ижневень* (3 нас.п.), [ашш]*епки* (2 нас. п.), [ишшас] (3 нас. п.), [ишши] 'щи' (1 нас. п.). Чаще других встречаются подобные примеры перед *с* и *з*: *издесь, издешний* (6 нас. пп.), по одному разу записаны: *издравствуйте, истужа, искресть*

---

[10] Произношение [о/а]*мшанник* известно по говорам очень широко и за пределами юго-западной зоны. Возможно, оно отражает иной морфологический состав слова – с приставкой *о.*

[11] См. ДАРЯ, вып. 1. Фонетика. Карта 57

'скрести', *исправка, испички, испас* 'спас' – название праздника. В словарях зафиксировано: пск. *истог, испутник*; Смол. *агляк* 'глиняный кувшин с узким горлом', *аграбли* (*г*, очевидно, фрикативное).

Вероятно, употребление неэтимологических гласных перед несонорными звуками в действительности встречается несколько чаще, чем это отражено в ответах, поскольку "Программой" не предусмотрено приведение такого материала. Однако яркая диалектность подобных примеров должна была привлекать внимание. Так что можно все же считать, что редкая их фиксация в ответах соответствует действительной ситуации в говорах.

Более многочисленны примеры неэтимологического *и* (не *а*) перед явно выделяемой для современного языкового сознания приставкой *с*: *изделать* (более 30 нас. п.), *изнова, издеть* ('сдеть', т.е. снять с себя), *издать* 'сдать', [ижж]*атое* поле, *избор, ис(т)руб* (24 нас. п.), *изъели* 'съели', *искиснется, искинь, исплесть, исшить* и т.д. Появление *и* в этом случае не ограничено положением 1-го предударного слога: *искати́ться, извали́лся, исказа́л* и т.п.

Для той же территории, где более или менее регулярно встречается протетический *и* в 1-м предударном слоге, характерны еще некоторые факты присоединения этого гласного к началу слова. Имеется в виду употребление предлогов *из* и *ик* в соответствии с предлогами *с* и *к*. Они употребляются независимо от позиции по отношению к ударенному слогу и от того, каково начало следующего слова: *ис песнями, из яечками, из унуком, из учителем, из иконами...; ик зверю, ик вам, ик сараям, ик одной, ик анбару...* Подобных примеров приводится много, но не повсеместно. Главным образом они локализуются на западе Брянской, Курской и Белгородской областей. Кроме того, в говорах юго-западной зоны широко известен начальный *и* в формах прошедшего времени глагола *идти*: *ишла, ишли, ишел,* сохраняющийся, правда, и в неначальном положении: *найшла, взойшли.* Нужно упомянуть еще о распространенной на той же территории форме *игде, ийде,* редко *агде, айде*[12].

Не все рассмотренные неэтимологические гласные одинакового происхождения. Вряд ли фонетическим путем появились *и* и *а* перед смычными согласными или перед таким "удобным" для произнесения, частотным сочетанием, как *ст, зд*[13]. Следует согласиться с Е.Ф. Карским в том, что многие из этих неэтимологических гласных имеют аналогическое происхождение[14].

Представляется вполне вероятным образование фонетической модели "протетический гласный + начальное сочетание согласных" под влиянием слов с протезой перед сочетанием "сонорный + согласный". Последние, хотя и не составляют мощного лексического пласта и относятся в литературном языке к малочастотным[15], для данной языковой территории могут иметь относительно высокую частоту употребления[16], поскольку

---

[12] См.: Аталас русских говоров центральных областей к западу от Москвы. Карта 89.

[13] *Живов В.М.* Типология сочетаний согласных в русских говорах. – ВЯ. 1971, № 2, с. 71–72; *Никонов В.А.* Консонантные сочетания. – РЯНШ, 1962, № 3, с. 26, 28.

[14] См.: *Карский Е.Ф.* Указ. соч., с. 260, 263–264.

[15] См.: сн. 8.

[16] Ср.: *Толстая С.М.* Начальные и конечные сочетания согласных в славянских языках. Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 10–11.

включают в себя названия важных для этой местности сельскохозяйственных культур (*ржи, льна*). Сложившаяся модель используется прежде всего при "неудобных" гетероорганных сочетаниях[17] (*тк, тх, бй...*), но может быть использована и шире – для любого, в том числе и "удобного" сочетания (*пр, ст...*).

Указанная Е.Ф. Карским связь широкого распространения *и* перед *с* (особенно в предлогах и приставках) со смешением предлогов *с* и *из* подтверждается территориальной близостью обоих явлений[18].

Происхождение *и* в словах *игде* и *ишли, ишел* также имеет свои объяснения, не связанные с протетическими гласными[19].

Каковы бы ни были причины появления неэтимологических гласных в начале слова в различных случаях, вся совокупность употребления этих гласных образует заметную характерную черту данного ареала и в известном смысле противопоставляет его остальным территориям, в частности восточной группе южного наречия с примыкающими к ней акающими среднерусскими говорами.

Сравнивая юго-западную диалектную зону с юго-востоком, можно сказать, что для этих территорий характерны противоположные тенденции в реализации начальных консонантных сочетаний. На юго-востоке наблюдаются разбивающие группу согласных вставные гласные[20], в то время как на юго-западе – "приставные", протетические гласные. Эти тенденции, правда, действуют непоследовательно и касаются небольшого частного звена языковой системы. Наиболее яркое их проявление в каждой из зон затрагивает неидентичные категории сочетаний и позиции. Но все же в нашем материале имеется немало фактов, демонстрирующих характерную для этих территорий различную реализацию одних и тех же сочетаний в одинаковых положениях, например, типичное юго-западное *иржи, ивнук, испу́тник ик дому, иткем, имша́ник, ильго́та* и тамб. *ръжи, вънук, къ дому, сапу́тник,* саратов. *тъкем, мыша́ник,* липецк. *лиго́та* (в материалах по юго-западу вставной гласный в подобной позиции отмечен несколько раз лишь в слове *нъравится* и однажды в слове *мъгла*). Подобные различия обнаруживаются и в реализации консонантных сочетаний предударного слога. Правда, сочетания "плавный + согласный", которые представлены в этом положении всего двумя словами (*ржаной* и *льняной* с производными), на обеих сравниваемых территориях произносятся с протетическим гласным [21], но говорам юго-востока все же знакомо и произношение *ръжано́й, р*ъ*жано́й, рыжано́й,* многократно зафиксированное в материалах. Другие же консонантные сочетания в этой позиции в юго-восточных областях как раз наиболее часто разбиваются посредством вставного гласного элемента (*бърала́, въдова́, дъворы́, хъворо́ст, тъворо́г, къ лоха́нке, къ беде́* и т.д.), в то время как в гово-

---

[17] См.: сн. 6, 8, 9.

[18] См.: *Кузьмина И.Б.* Об употреблении по русским говорам предлогов *из, с, з* в конструкциях пространственного значения (по материалам диалектологического атласа). – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973, с. 187–188.

[19] См.: *Карский Е.Ф.* Указ. соч., с. 63.

[20] См.: *Бурова Е.Г.* Гласные вставки в начальных группах согласных в русских говорах. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1980.

[21] См.: ДАРЯ, вып. 1. Фонетика. Карта 14.

рах юго-западной зоны вставок не наблюдается, зато отмечены следующие примеры: *абрусни́ца, уфстава́й, авнима́нье, увьюны́, увзяла́, адвена́дцать, аскоро́мный, ътворо́г, ихвора́ла, иг больнице, ик людям.* Северо-западнее Великих Лук расположен ареал произношения *апшени́ца*[22]. В словарях находим и другие подобные примеры: пск. *авсегда, авсегдашний*, смол. *абрике́т, астату́й, аблазе́* (при *блазе́* – 'хорошо').

Говоря о различии, как бы противоположности, тенденций при разрядке начальных групп согласных в говорах юго-запада и юго-востока, необходимо заметить, что вставка гласных на юго-востоке имеет, по-видимому, характер живой фонетической закономерности, или во всяком случае представляет собой продуктивную действующую модель, а на юго-западе мы скорее всего имеем дело с результатами давно закончившегося процесса, представленными в не столь обширном количестве фактов. Об этом прежде всего говорит характер гласных. Юго-восточные вставки часто не совпадают по качеству со звуками – репрезентантами этимологических гласных в той же позиции. Само наличие их едва ли осознается говорящими. Напротив, начальный гласный перед группой согласных в говорах юго-западной зоны – всегда звук полного образования, не отличающийся от тех, что произносятся в тех же условиях в соответствии с этимологическими гласными, и является "неэтимологической фонемой"[23].

Для выяснения условий, в которых возможно появление протетических гласных, с точки зрения предшествующего фонетического окружения наш материал дает мало возможностей, так как примеры приводятся преимущественно вне контекста. Те контексты, которые имеются, показывают, что протетический гласный возможен не только в абсолютном начале слов и после согласного предыдущего слова, но также и после гласного, в том числе и при сочетании со служебным словом, т.е. в пределах одного фонетического слова, когда группа согласных теряет начальное положение: *нету иржи, норму аржи, надо ильна, для ильна, после ильда, на ильдины, ни ирвоты, мне инравится, два иння, все ирвался, можно имшить, могли изделать, время игнать* и т.д. Примеры взяты из разных областей юго-западной зоны. В то же время имеется немало ответов, где как будто отражена определенная закономерность: после гласного протетический гласный не появляется, например: *ирвать*, но *волоса рвал*; *имшаник*, но *не мшоных*; *ильном*, но *на льну* и т.п. В ряде наиболее полных ответов находим примеры с протетическими гласными и без них в тождественных условиях.

Не исключено, что условия употребления протетических гласных в пределах юго-западной зоны по говорам могут различаться. Для определения этих условий в конкретных говорах мы не располагаем достаточными данными.

Заметно, что состав слов, в которых может появляться начальный

---

[22] См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 410.

[23] *Высотский С.С.* Фонемный состав слова как основа для изучения звукового строя говора. – В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977, с. 41–43.

неэтимологический гласный, не вполне одинаков на всей описываемой территории. Во многих случаях имеет место лексикализация: гласный сохраняется в составе слова в любой его форме, независимо от позиции и от наличия консонантного сочетания: *альна – ален, ильна – илен, ильну – ильняно́й – иленку́* (все примеры из говоров Смоленской обл.). Такой лексикализованный гласный может даже принимать на себя ударение: *и́ржев* – род. п. мн. ч от *рожь* (Воронежский р-н). Лексикализации способствует сохранение консонантного сочетания во всех формах слова. Так, очень широко распространено *иржать, аржать,* зачастую при отсутствии других примеров с протетическими гласными. Особенно прочно неэтимологический гласный может закрепиться в составе слова, если оно является диалектизмом и не может быть скорректировано по его фонетическому соответствию в нормированной речи. Таково, например, смол. *ирза́ть* 'громко хохотать, шумно веселиться' и его производные *ирзу́н, ирзу́ха, и́рзы* 'игры, сопровождающиеся веселым криком, хохотом'. Несомненно лексикализованным является *и* в слове *игру́ша.* В таком виде это слово регулярно фиксируется в южной половине нашего ареала и не встречается в северной его части.

Во многих ответах отражено непоследовательное употребление протетических гласных применительно к одним и тем же словам в одних и тех же фонетических условиях. Возможность такого факультативного употребления протетических гласных могла быть поддержана колебаниями, присущими в определенных случаях этимологическим начальным гласным в юго-западных говорах. Имеются в виду, во-первых, слова с начальным *и* из старого jь, в произношении которых здесь столкнулись две нормы: белорусское *голка, грать, Гнат* и русское *иголка, играть, Игнат*; во-вторых, факультативная утрата в некоторых условиях звука на месте начального *о*[24].

Если в говоре допустимо произношение многих слов в двух вариантах – с начальным гласным и без него, то такая вариативность может распространяться и на слова, не содержащие в своем составе начального этимологического гласного. Вероятно, о такой именно ситуации свидетельствуют факты появления гласного звука перед согласным, за которым следует гласный, и который при изменении слов никогда не попадает в предконсонантное положение. В материалах зафиксирован ряд таких примеров: [а]*горох,* [а]*репей,* [а]*лимон,* [а]*саян,* [а]*левада,* [а]*бечевка,* [а]*решить,* [а]*босиком,* [а] *бадья,* [а]*диван,* [а]*гашник,* [а]*куница,* [а]*шиповник,* [а]*липа,* [а]*ботва,* [и]*лечиться,* [и]*лимоновый.* Из Словаря смоленских говоров: *абосый, аголэй, асода, аяловка* 'яловая корова'. Ср. *баранка/абаранка, барана/абарана, бічоука/абічоука* и др. в белорусских говорах[25].

Сходство ареала протетических гласных 1-го предударного слога с территорией, где наблюдается (или было известно в прошлом[26]) дисси-

---

[24] См.: *Пшеничнова Н.Н.* О фонеме ⟨о⟩ в безударном начале слова в русских говорах. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1980, с. 52.

[25] Слоунік беларускіх гаворак пауночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 1. Мінск, 1979.

[26] См.: *Царева Л.И.* Говоры юго-западной части Псковской области. Автореф. канд. дис. Л., 1954, с. 6–7; *Строганова Т.Ю.* Предударный вокализм северо-запада

милятивное аканье, нам представляется неслучайным. Прояснение и фонологизация гласных элементов, возникавших перед некоторыми консонантными сочетаниями, входившими в ударенный слог, связано с той ситуацией, которая создается в говоре действием принципа диссимиляции гласных. В соответствии с этим принципом на месте начальных *о* и *а* в 1-м предударном слоге может произноситься редуцированный звук, чередующийся со звуком полного образования. Это чередование может осуществляться не только при изменении гласного под ударением, но и вне этого условия, в одной и той же позиции, поскольку диссимиляция в отношении начального гласного проявляется непоследовательно[27]. На этом фоне неэтимологический протетический гласный, близкий по качеству к тому звуку, который произносится по диссимилятивному принципу в соответствии с *о* и *а*, может идентифицироваться с ним и, подобно ему, заменяться гласным полного образования. Качество последнего также находится в определенной связи с общими закономерностями предударного вокализма соответствующих говоров.

В качестве протетических гласных в говорах юго-западной диалектной зоны, как отмечали и предшествующие исследователи этих говоров[28], выступают *и* и *а*. Крайне редко, всего в 4 нас. п. на границе Смоленской и Калужской областей, приводятся примеры с редуцированным звуком, как правило, наряду с примерами, содержащими протетический *и* или *а*. Столь же редкими являются случаи с *у*, представленным исключительно перед консонантными сочетаниями с начальным *в* (*увсе, увласть*). Эти примеры можно рассматривать и как факты лабиализации протетического гласного перед *в*, и как контаминацию типичного для данных говоров произношения *усе, уласть* с литературным *все, власть*.

Из двух гласных (*и* и *а*) преобладающим для всего ареала в целом является *и*. У Е.Ф. Карского указано обратное соотношение вариантов для северо-восточной части белорусских говоров, а значит, и для большей части нашего ареала (см. сн. 3 и 4). Вероятно, это расхождение объясняется тем, что Е.Ф. Карский имел в виду протетические гласные как первого, так и второго предударного слога. В положении 2-го предударного слога в юго-западной зоне русских говоров в качестве протетического гласного выступает главным образом *а*.

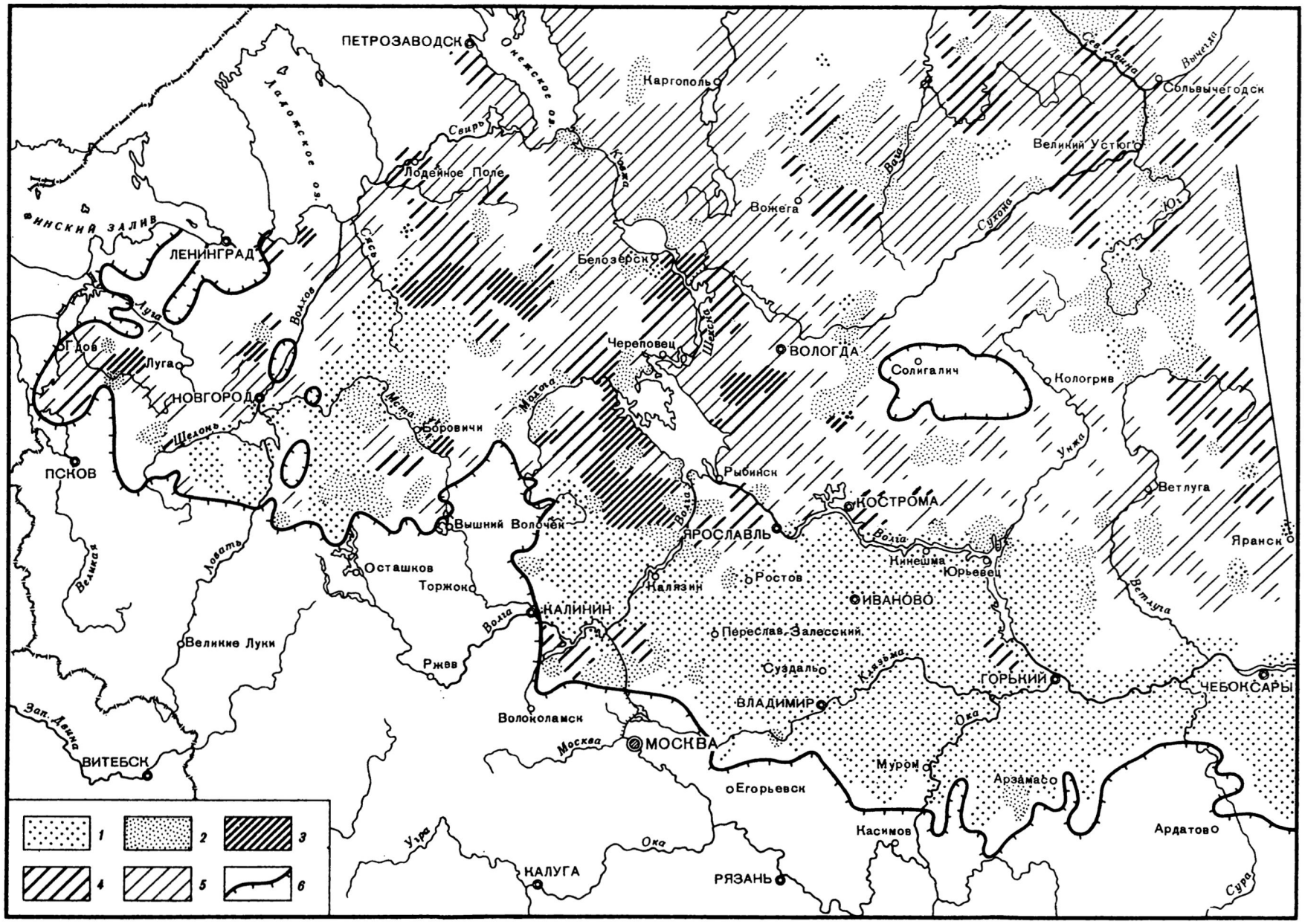
Сравнение нашего материала с репрезентацией ‹о› в первом предударном слоге в начале слова в тех же говорах показывает, что между этими звеньями прямого соответствия не наблюдается. Довольно широко отмечаемый в качестве репрезентанта ‹о› редуцированный почти не встречается в качестве протезы. За то *и*, как протетический гласный, распространен несравнимо шире, чем на месте этимологического *о*[29].

Псковской области. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. т. III. М., 1962, с. 109–110; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 426.

[27] См.: *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 68; *Пшеничнова Н.Н.* Указ. соч., с. 52.

[28] *Карский Е.Ф.* Указ. соч. с. 260–264; *Расторгуев П.А.* Говоры на территории Смоленщины. М., 1960, с. 96; *Орлова В.Г.* Русско-белорусские языковые отношения. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II. М., 1960, с. 8–9.

[29] См.: *Пшеничнова Н.Н.* Указ. соч., карта 1.

Карта. Характер ёканья (т.е. произношения [о] в соответствии ⟨о⟩ в 1-м предударном слоге)

1–2 – 1 тип ёканья – произношение [о] в соответствии ⟨о⟩ после мягких согласных перед твердыми в 1-м предударном слоге: [с'о] *стра́*, [з'о] *рно́*, *с*[в'о] *кро́вь*, *с*[м'о] *та́на*, [н'о] *су́*, [п'о] *ку́*, [н'о] *су́т*, [п'о] *ку́т* и под.: *1* – последовательно или – при [е] – в говорах северного наречия – в единичных случаях, *2* – при сосуществовании [о] с [е] и при [о] в единичных случаях; *3 – 5* – II тип ёканья – произношение [о] в соответствии ⟨о⟩ после мягких согласных перед твердыми при произношении [е] в том же положении в личных формах глаголов типа *нести́*, *печь*: [с'о] *стра́*, [з'о] *рно́*, *с*[в'о] *кро́вь*, *с*[м'о] *та́на* и под., но [н'е] *су́*, [н'е] *су́т*, [п'е] *ку́*, [п'е] *ку́т* и под.: *3* – последовательно или при [е] в единичных случаях, *4* – при сосуществовании [о] с [е], *5* – при [о] в единичных случаях; *6* – граница акающих говоров

К ст. К.Ф. Захаровой, с. 33

Ввиду относительной редкости в речевом потоке слов, в которых может реализоваться гласная протеза, соответствующие примеры в большей части ответов немногочисленны и не представляют различных условий, могущих иметь значение для качества протетического гласного: положение перед твердыми и мягкими согласными, перед разными гласными в ударенном слоге. Поэтому единственно возможным путем рассмотрения материала остается суммарный взгляд на весь ареал в целом. Недифференцированное (т.е. проведенное без учета упомянутых выше условий) картографирование показывает, что в употреблении протетических *и* и *а* имеются территориальные различия: в одних районах отмечено только *и* или только *а*, в других – зафиксированы оба гласных. Анализ материала тех ответов, где приведены примеры и с *и*, и с *а*, не обнаружил какой-либо закономерности в выборе того или иного варианта. Наряду с другими имеются примеры типа *ылбы* (т.е. *ы* перед твердым согласным и перед ударенным гласным верхнего подъема) и *альна* (т.е. *а* перед мягким согласным и перед ударенным гласным нижнего подъема). Таким образом, зависимости от качества последующего согласного, равно как диссимиляции с гласным под ударением, сколько-нибудь последовательно проявляющейся в пределах какой-то территории, не наблюдалось. Не удалось также заметить и лексикализованного распределения гласных, общего для какого-нибудь более или менее заметного региона.

Если обратиться к говорам, где зафиксирован только один из гласных, то на фоне преобладающего широко распространенного *и* выделяются небольшие ареалы, где *и* совсем не отмечено. Особенно заметным и убедительным выглядит компактный район к западу от г. Белева, на периферии территории распространения протетических гласных 1-го предударного слога. В пределах этого ареала обследовано 14 нас. пп., среди ответов есть такие, которые можно считать достаточно полными. Например: *аржи, аржички, аржеть, аржавую, арвешь, арвутся, альды, альду* (д. Рессета Хвастовичск. р-на Калужской обл.); много *аржи, аржоть, арвешь, альну, алгун, алгеть, ...яму альготу* (д. Хлопье Сухиничск. р-н Калужской обл.). Относительная полнота ответов, а также принадлежность их опытным наблюдателям, позволяют говорить о действительном отсутствии протетического *и* в этих нас. п. и относиться с доверием в этом отношении ко всему ареалу в целом. Для предударного вокализма этого ареала характерно следующее: диссимилятивное аканье в настоящее время или совсем отсутствует (3 нас. п.), или отмечается непоследовательно, иногда в виде единичных примеров (8 нас. п.). Только в 3 нас. п. показано последовательно осуществляемое диссимилятивное аканье, не распространяющееся однако на неприкрытый начальный гласный, который и перед *а* сохраняет свое качество: [а]*дна,* [а]*гня,* [а]*пять,* [а]*мбар* и т.д. При наличии диссимиляции перед *а* записаны только звуки среднего или даже нижне-среднего подъема ([ъ], [ъ^{а}]), но не верхнего (не [ы]).

Другой, менее компактный, ареал исключительного распространения протетического *а* протянулся между Вязьмой и Рославлем. В большей части ответов здесь приведено по 1–2 примера с *а*, что не является надежным свидетельством об отсутствии произношения с протетическим *и*. Имеется лишь три более полных ответа из этого региона: *аржи, арваный, арвуть, альна, алба, албом, аткется* (д. Лущиково Дорогобужско-

го р-на Смоленской обл.); *альдины, альдом, аллють* 'льют', *аржавленный, аткешь, аткуть* (д. Сычи Куйбышевского р-на Калужской обл.); *арвали, арветь, аржицы, аржеть, аллеть, аткали, аткуть, атстя, атстю, атстем, об атсте* — формы косвенных падежей от *тесть* (д. Дубровка того же р-на). Однако самый факт группировки материалов без *и* в данном регионе дает нам основание предполагать если не совершенное отсутствие здесь протетического *и*, то решительное преобладание *а*. В большинстве нас. п. этого ареала диссимилятивное аканье носит последовательный характер. Что же касается качества гласного, произносимого в позиции диссимиляции, то и здесь его в основном обозначают как [ъ], а не как [ы] в отличие от окружающей территории. [Ы] (наряду с [ъ]) отмечен лишь в двух ответах из данного района.

Результаты проведенного сопоставления позволяют, как нам кажется, связать распространение протетического *и* с характером звука [не а], произносимого в позиции диссимиляции при диссимилятивном аканье. Естественно предположить, что возникающий перед консонантным сочетанием протетический гласный мог при продлении и прояснении в звук полного образования оформиться как *и* лишь под влиянием такого вокализма, при котором в той же позиции 1-го предударного слога исключена возможность средних гласных [о] и [е], а при некоторых дополнительных условиях исключалась и возможность гласного нижнего подъема [а], вместо которого произносился звук типа [ы]. В этих условиях возможным нелабиализованным гласным в начале слова оказывался только [и].

Широкое распространение протетического *и* на юге Псковской области, где диссимилятивное аканье отсутствует, не противоречит предположению об исторической связи этих двух элементов языковой системы. Исследователи псковских говоров находят в истории их вокализма действие принципа диссимиляции гласных[30].

Р.Ф. ПАУФОШИМА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ САНДХИ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Вопрос о явлениях на стыке фонетических слов в говорах русского языка находится еще в стадии изучения. Некоторые сведения о реализациях согласных в этой позиции содержатся в отдельных публикациях по фонетике русских говоров, однако исследований, где бы освещались указанная проблема в целом, до сих пор нет. А между тем поведение согласных в сандхи оказывается весьма информативным с точки зрения функционирования корреляции согласных по глухости-звонкости и твердости-мягкости в той или иной языковой системе. Иными словами, тот или иной тип сандхи можно считать индикатором коррелятивных отношений согласных в русском языке и его говорах.

---

[30] См. сн. 26.

Были исследованы реализации согласных 1) перед последующими согласными и 2) перед гласными переднего ряда на стыке фонетических слов.

Объектом изучения было поведение согласных в севернорусских говорах с точки зрения их корреляции по глухости-звонкости и твердости-мягкости.

В ряде севернорусских говоров, а именно в говорах на территории Костромской, Ярославской, Владимирской, Ивановской и Горьковской областей наблюдается систематическое различение звонких-глухих согласных в сандхи перед гласными и сонорными. Подробно это явление описано в работе [7, *185–186*]. Ср. примеры:

когда [поjезд о]*становилсе,* [год ыл'и] *два, один ра* [з о]*н идет, и вдру* [г о]*н меня выбирает;*

но:

в обморо [к у]*пал, бросаю* [т о] *середь полу.* (Костромская обл., Межевский р-н).

всегда у [ж ы]*дет он с рыбой, дол* [г о]*тдаст,*

но:

ру [к н']*е хватает* (Костромская обл., Шарьинский р-н).

Отличия от литературного языка представляет только эта позиция сандхи – перед гласными и сонорными, поскольку в других внутрисинтагменных позициях – перед шумными согласными, как звонкими, так и глухими, во всех говорах русского языка шумные согласные ведут себя одинаково – озвончаются (или сохраняют звонкость) перед звонкими и оглушаются (или сохраняют глухость) перед глухими согласными.

Благодаря созданию ДАРЯ ареал этих отношений согласных по глухости-звонкости в севернорусских говорах очерчен с большой точностью[1].

При этом в целом ряде севернорусских говоров, где нет систематического сохранения звонкости согласных в сандхи перед гласными и сонорными, это явление все же наблюдается спорадически. Массовое прослушивание магнитофонных записей позволяет предположить, что явление это распространено едва ли не повсеместно на территории всего русского Севера. Ср. примеры:

третий го [д jа] *работаю, нынце у* [ж jа]*ки лета холодны, го* [д о]*пределить, горо* [д в']*ильгельм* (Вологодская обл., Междуреченский р-н).

колхо [з о]*рганизовали, дене* [г н']*ету* (Архангельская обл., Пинежский р-н).

медве [д' у]*чуял* (Калининская обл., Сандовский р-н).

что [б н']*е испортился, все колоб да коло* [б р]*аньше называлось, дро* [в н']*ет, нало* [г н']*е выплатишь, а свекро* [в' о]*дна осталась* (Вологодская обл., Харовский р-н).

При этом следует иметь в виду, что статистически во всех указанных говорах преобладают случаи произношения глухих коррелятов звонких фонем в позиции перед гласными и сонантами, ср. примеры:

у их ни [с ы] *верх, сне* [к ы]*дет* (Вологодская обл., Междуреченский р-н).

---

[1] Эта территория частично вошла в уже опубликованный "Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" (сохранение звонкости конечными согласными отражено на карте 46).

лю [п л'] *и сосед? сей го* [т у] *било лошадь* (Архангельская обл., Пинежский р-н).

как ра [с в] *ыходила замуж, лоша* [т' в] *ыведут, му* [ш у] *шел, шане* [к р] *азных напекут, кру* [к о] *кружаю, все наро* [т ы] *народ* (Архангельская обл., Мезенский р-н).

досу [к н] *ам было учиться, досу* [к в] *ышивать, дене* [к н'] *е надо, а обе* [т н] *ам там готовой, как ра* [с м] *ы сыты* (Калининская обл., Сандовский р-н).

вра [к н] *ашелся, ле* [т ы] *ще пощиплят, этот коло* [п ы] *вынимали, хле* [п м] *олотили, го* [т н'] *есчастный* (Вологодская обл., Харовский р-н).

Итак, в отношении функционирования глухих-звонких согласных в сандхи исследуемые говоры представляют некоторые черты отличия от литературного варианта русского языка. Вернее, в говорах как бы сосуществуют две системы, одна из которых идентична системе русского литературного языка, а другая отличается от нее и аналогична системе украинского языка.

Действительно, если обратиться к материалу этого восточнославянского языка, то нельзя не отметить сходства в отношении корреляции согласных по глухости-звонкости между ним и севернорусскими говорами. Для этих систем сильными по глухости-звонкости позициями оказываются позиции: конца синтагмы, перед гласными и перед сонорными.

Наконец, есть еще одна деталь, сближающая эти системы, но относящаяся не к фонологическому уровню анализа, а к фонетическому, на что также было обращено внимание в цитированной работе, а именно: наличие полузвонких согласных в интервокальных позициях в звуковой цепи украинского языка и севернорусских говоров [см. 7].

Этот факт дает основание для пересмотра существующего мнения о наличии корреляции по глухости-звонкости в этих языковых системах. Иное, чем в русском литературном языке, распределение сильных и слабых позиций по глухости-звонкости, а также возможность произношения полузвонких согласных в некоторых позициях, позволяет высказать предположение о существовании в этих системах корреляции согласных по напряженности-ненапряженности (fortes-lenes). В свете этой гипотезы находят объяснение и факты "озвончения" глухих перед следующими звонкими, и факты "оглушения" звонких перед следующими глухими: в этих позициях происходит нейтрализация согласных по напряженности-ненапряженности.

Что касается корреляции согласных по твердости-мягкости на стыке слов, то этот вопрос представляется недостаточно изученным не только применительно к диалектному материалу, но и к материалу русского литературного языка.

Прежде всего, следует уточнить классификацию позиций, в которых этимологически твердые согласные могут испытывать палатализацию на стыке слов.

Даже на уровне слухового наблюдения становится ясно, что в отличие от других случаев сандхи в понятие стыка слов здесь должно быть включено сочетание предлога со словом.

Для русского литературного языка эта позиция имплицитно приравнивается к позиции сочетания двух самостоятельных слов [см. 2, 3, 6, 9].

В то время как в сочетании предлога с самостоятельным словом парные по глухости-звонкости согласные ведут себя так же, как и внутри слова (ср. *по* [д а] *кном* – *о* [т а] *кна*, но *са* [т а́] *ни* – *ко* [т а́] *ни*), в этой же позиции парные по твердости-мягкости согласные функционируют так же, как на стыке слов: (ср. [к ы] *ре* – [к'ир'ъ], но [друк ы́ры]).

Итак, позиция сочетания предлога с самостоятельным словом для рассматриваемого случая сандхи может быть приравнена к позиции сочетания двух самостоятельных слов.

В литературном варианте русского языка в этой позиции все парные по твердости-мягкости согласные перед фонемами ⟨и⟩, ⟨е⟩, ⟨j⟩, начинающими следующее слово, выступают в своем основном виде[2].

При этом после твердых согласных фонемы ⟨и⟩, ⟨е⟩ реализуются в гласных среднего ряда [ы], [э]: *от Иры* [ат ы́ры], *брат Иры* [брат ы́ры], *от Эммы* [ат э́мы]; брат Эммы [брат э́мы]; но: *мать Иры* [мат' и́ры], *мать Эммы* [мат' э́мы].

Иной тип сандхи представлен в современном украинском языке. На стыке слов перед гласными переднего ряда здесь возможны только мягкие согласные.

Именно с таким фонетическим явлением на стыке слов мы сталкиваемся и во многих севернорусских говорах.

В заметках С.С. Высотского о гласном *ы* находим следующее замечание: ⟪Распространенность по говорам, как и в литературном языке, вариации *и* – *ы* в примерах типа "кот и повар" общеизвестна, однако такой тип сандхи не является единственным ... несвойственное большинству говоров, как и литературному языку, смягчение конечных согласных перед *и* следующего слова *тех'и друг'их, иван' иваныч', поп' и балда* на окраинах территории южнорусских говоров может объясняться субстратом украинской фонетики, но этот же принцип сандхи встречается /кое-где/ в северной зоне распространения севернорусского наречия⟫ (разрядка моя. – *Р.П.*) [10, с. 81].

Единичный пример такого рода находим у О. Брока [4, с. 82]: [вон' етот], который, впрочем, тут же оговаривается, что возможно, здесь имел место эллипсис: "вон' и этот", хотя и в таком контексте имеет место сандхи, не свойственное литературному русскому произношению.

Говор, описанный О. Броком, типологически близок к наиболее архаическим говорам из числа обследованных нами – к говорам из Междуреченского и Харовского р-нов Вологодской обл. Именно в этих говорах наблю-

---

[2] Вот почему одним из проявлений русского акцента при обучении иноязычному произношению оказывается сочетание в сандхи конечного твердого (даже веляризованного) согласного с начальным [ы], в то время как произношение на любом европейском языке, где нет корреляции согласных по твердости-мягкости, требует сочетания в сандхи невеляризованного и даже слегка палатализованного конечного согласного с начальным [и]. Ср., например, в немецком [darfic] вм. [darf ic]; [mus ic] вм. [mus ic]; [was ist das] вм. [was is das] (последний пример в записи, точно отражающей немецкое нормативное произношение, находим у Пушкина в "Евгении Онегине":

И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас*.

(гл. 1, XXXV)

дается последовательное смягчение этимологически твердых согласных перед *и, е* на стыке слов, а также перед смягченными согласными и *j*.

Вначале будет рассмотрен материал, записанный в Катромском сельсовете Харовского р-на Вологодской обл. (деревни Арзубиха, Полутиха, Злобиха, Макаровская, Дягелево, Никитинская).

Согласные, различающиеся по месту образования, будут последовательно рассмотрены в позициях перед *и, е, j* и смягченными согласными:

Позиция перед *и*

а) губные согласные: [в' ӣн·д·иіу] (АС); [з бл'ина́м' и хл'еба́л'и] (АС)

б) переднеязычные согласные: [ол'ексáндр· ид·е̂от] (КК), [на дву̂р' и снос·и́] (МШ), [он' и говор·и́т] (АС), [он' и поб·ежа́w] (АС), [он од·и́н' и жыw] (ИА), [он' и говор'и́т] (АК), [он' и про́с·ит] (ИА), [мушы́н' и н·е́ было] (АС), [нам·е́л'ут' ийо́] (КК),[3] [же́ншын' и тоо́ молу̂оже] (АС), [он' и в'је̂це] (АС), [дъ нас' и в·ел'и́] (АС), [с'ико́ноӣ] (АС), [как по́ес' ид'о́т] (ИА), [нас' и пого́у̂н·ат] (АС), [етот' ивано́w д·ен] (АК), [вот· и пр·ив·езу́т] (ИА), [вот' и на́о было] (ИА), [тут' и попы́] (ИА).

в) заднеязычные согласные: [так' и жы́л'и] (АС), [их' и вар'и́ш] (АС), [одн'ех' ико́н] (ИА), [к' ико́н'е] (АС).

Позиция перед *э*

а) губные согласные: [в· е́тот м'е̂w-от] (АС), [в· е́ту костр'у́л'у] (АС), [тол'к'ъ зашла́ в' е́тот сосн·е̂ак] (АК), [а там' етот н'ико́л'скъи̯] (КК), [пото́м' е́т'и] (АС).

б) переднеязычные согласные: [wот' ето стару̂шка] (ИА), [вот' е́то] (КК), [в·ет' это] (КК), [нам'е́л'ут' е́тово горо́ху] (АС), [она wот с' е́тои̯ м'ик'и́т·инс'к'оӣ была́] (КК), [с' е́товъ това́р'иша] (АС), [што-то из' е́тово] (ИА).

в) заднеязычные согласные: [к'е́тому] (МШ), [так' ето у нас пр'и́городы называ́иуе̂] (МШ), [как' е́та их / э́тот зна̂ат] (СА), [ʔо́твод-от пр'итвор'а́еца к'етому стowбу́] (КК), [к' е́тому хоз·а́ину] (АС).

Позиция перед *j*[4]

а) губные согласные: [пото́м' ja] (АС), [в' је́с·л'и] (МШ), [об· ју́л'е] (АС).

б) переднеязычные согласные: [из' ју́пк'и] (АС), [вот' иево́ е́даг зъруб'и́л'и] (ИА), [ну вот' ja е́т'и тра́вы тък на в'идо́к / зна̂иу] (АК).

в) заднеязычные согласные: [ну как' ja гът вам закл'уц'е́н'иие да́м] (АС), [и ja к' иему́] (АС), [и бол'ше жып· к' е̂и н·е пошл'и́] (АС), [ja пр'ишла́ к' јо̂и] (АК), [к' и́м гул'е́т·] (ИА), [их' а̂ за́wтраком накормл'у́] (АС), [их' и̂ишо́ зал'јо̂ш водо̂и] (АС).

В позиции, поведение твердых согласных в которой недостаточно иссле-

---

[3] Примечательно, что в результате возникает форма 3-го лица глагола *намелютъ*, сходная с южнорусской.

[4] Фонетические реализации фонемы (j) в говоре еще более разнообразны, чем в русском литературном языке. В частности, (j) может реализоваться нулем звука, как в случаях [к'ур'е], [к' е̂и] и т.п. В литературном языке утрата *j* в слоге под ударением невозможна.

довано и в литературном варианте русского языка[5], а именно, в позиции перед мягкими согласными, в говоре было отмечено последовательное смягчение этимологических твердых согласных.

Ср. следующие примеры: [на кра́сном' м'а́с'е] (МШ), [а л'он· с'и́ел'и] (АС), [на ива́нов· д·ен·] (АК), [е́т'им' с'л'е́дом] (АК), [пр'им'и́ мою́ скот·и́нушку/к' с'иб'е́ на́ рук'и] (МШ), [пр'им'и́ моиево м'и́lово жывота/ к' с'еб'е́ на́ рук'и] (МШ), [снос'и́ к' с'еб'е́] (МШ).

Следует отметить, что, несмотря на явное количественное преобладание реализаций твердых согласных в палатализованных вариантах во всех перечисленных позициях, изредка были отмечены и случаи сандхи, подобные тем, которые наблюдаются в литературном языке, т.е. случаи типа "в ы́н'д'иу", ср. примеры: [в ыj́у́л'и л'и в ыj́у́н'е] (ИА), [ту́т ышо́] (АС).

В типологически сходном говоре из Междуреченского р-на отмечены подобные факты палатализации конечных согласных в сандхи:

Позиция перед *и*

а) губные согласные: [на п·еч'и́ в' изб'е́ стару́ха] (ВС), [вот л'и́етом' ид·е́ош] (ВР), [в· изб'е́ д·ержа́la] (НЛ);

б) переднеязычные согласные: [он'и постав·ил'и во фла́нк пул'м·е́от· и] (ВС), [с'и́л'но ijо́ к'и́нул' и она] (ВС);

в) заднеязычные согласные: [и в рука́х· иво́ п'ила́] (ВС), [так· и м·ерт·в·е́ц] (ВС), [подjа́зок' и л'о́ш jec] (ВР), [так' и л'ежа́т] (ВР) и т.д.

Эти "нелитературные" случаи сандхи сосуществуют с теми, которые свойственны литературной норме.

Прежде чем обратиться к фонологической интерпретации изложенных фонетических фактов, следует отметить, что палатализация этимологически твердых согласных в сандхи – явление, распространенное далеко не повсеместно в зоне севернорусского наречия. Для сопоставления были обследованы говоры Белозерского р-на Вологодской обл., а также севернорусские говоры на территории Карельской АССР.

Белозерский р-н Вологодской обл.

Позиция перед *и, е*

[д'е́в'ед' д'о́н ыска́л'и], [так ы бы́lo], [п'ер'ед ыко́ноu], [вот ызв'ин'и́т'е], [так ысхуда́иот фс'а б'е́днаа], [вот это а́нушка], [захо́д'ат ы с н'е́и вот э́та ма́ч'еха], [взры́к ы р'ив'а́т], [так ы бы́lo ра́ньше], [м'ет'о́т ы́збу], [пото́м это фс'е пр'ич'о́ты], [в'и́н'ик э́коu], [вот ы пое́хал'и], [тут ы зап'ирова́л'и], [золо́вушок ы пл'ем'анушок].

Позиция перед *j*

[пото́м ыjе́ подру́г'и], [вот jа ишо́ роскажу́], [как jа б'е́днаа], [так ыjо́].

---

[5] О реализациях твердых конечных согласных в русском литературном произношении в указанной позиции [см. 1, с. *8*]. По нашим наблюдениям, произношение мягких согласных перед следующими мягкими в сандхи воспринимается как явный украинизм. Ср. в произношении И.С. Козловского: "*Приве*[т' т'и^{e}]*бе, приют невинный*" и т.п.

Позиция перед мягкими согласными

[н'е́ с к'ем], [с н'им], [ц'ер'ез н'е́скол'ко вр'е́м'а], [пото́м н'есу́т], [там н'е́скол'ко]

Межвежьегорский р-н Карельской АССР

Позиция перед *и, э*

[в ы́збу], [в ы́збы], [в ызбы́], [в ызб'о́нк'е], [как ыд'е́], [ка́к это].

Позиция перед *j*

[из ја́ндомы], [в ја́ндому], [от ја́ндомоз'ера].

Позиция перед мягкими согласными

[с к'им], [ч'ер'ес к'илом'е́тр].

Как видно из приведенных примеров, в отношении интересующего нас случая сандхи некоторые севернорусские говоры проявляют себя аналогично литературному варианту русского языка. Отсюда следует вывод о том, что не все севернорусские говоры едины в плане реализации твердости-мягкости согласных на стыке слов.

Фонетическое различие можно связать с какими-то более глубокими различиями фонологических систем севернорусских говоров. При этом следует иметь в виду, что говоры, типологически довольно далекие друг от друга, – принадлежащие к Белозерской и Онежской подгруппам северного наречия, оказываются в определенном отношении сходными. Говор же Катромского с/с Харовского р-на Вологодской обл. (Вологодская подгруппа северного наречия) противопоставлен им, несмотря на то, что во многих других фонетических проявлениях он близок белозерским говорам.

Кардинальным различием в фонологических системах сравниваемых говоров оказывается различие в развитости корреляции согласных по твердости-мягкости. В катромском говоре, если говорить о поверхностном проявлении этой черты, отмечены так называемые согласные неполного смягчения.

Относительно говоров такого типа было даже высказано в диалектологической литературе мнение о том, что в них отсутствует корреляция согласных по твердости-мягкости [см. 5]. Это наблюдение было сделано на материале говоров Междуреченского р-на Вологодской обл., типологически очень близких катромским. Следует заметить, что сплошное прослушивание и транскрибирование текстов говора позволило выявить всю звуковую панораму говора и обратить внимание на такие детали, которые ранее, при поиске отдельных примеров, ускользали из поля зрения исследователей. Так, удалось установить, что полумягкость – не единственный способ реализации палатализации согласных. "Спектр" палатизованных оттенков согласных в говоре очень широк – от практически твердых (на месте этимологических мягких!) – до полностью смягченных. Сплошное литерирование текста позволило выявить, что существует определенная настройка говорящего на большую или меньшую палатализацию согласных в разных фрагментах текста. Поэтому вполне возможными оказались случаи полного смягчения согласных различных категорий, в том числе даже губных,

которые, как известно, более других согласных подвержены отвердению. Но в данном случае имеется в виду фонетическая мягкость, которая может иметь место и в системах, в которых нет корреляции согласных по твердости-мягкости.

Вопрос же о фонологической принадлежности этих согласных до сих пор представляется дискуссионным. И для решения этой проблемы, как кажется, поведение согласных на стыке слов перед следующими гласными переднего ряда и мягкими согласными, может оказаться весьма информативным.

В языковых системах типа той, с которой мы сталкиваемся в литературном варианте русского языка, а также в большинстве русских говоров, включая ряд говоров севернорусского наречия, таких, как белозерские и заонежские, где имеет место произношение [к ыр'е], [ат э́мы], [брат ыва́н], "хозяевами положения" оказываются согласные. Позиция конца слова – сильная для противопоставления твердых-мягких согласных, поэтому твердые согласные фонемы выступают в этой позиции в своем основном виде, т.е. в твердых членах корреляции. Гласные же "подстраиваются" под такое произношение согласных, вследствие чего фонема ⟨и⟩ реализуется в своей вариации [ы], а фонема ⟨е⟩ – в вариации [э], т.е. в гласных, обычно выступающих в позициях после твердых согласных.

В позициях перед словами, начинающимися с палатализованных согласных и палатальным *j*, твердые согласные фонемы реализуются в твердых согласных звуках, ассимилятивному воздействию следующих мягких согласных препятствует пограничный сигнал. Так обстоит дело в русском литературном языке и в большинстве русских говоров.

В тех же языковых системах, где произносится [брат' ива́н], [к' и́р'е], [в' инд'ии], палатализация конечных согласных не самостоятельна, а возникает под воздействием начального гласного последующего слова. "Хозяевами положения" здесь являются гласные. Их тембром – переднерядным или непереднерядным – и определяется качество предшествующего согласного. Палатализация согласных в этих случаях носит позиционный характер. Степень палатализации может иметь разные градации, зависящие от качества конкретных согласных, позиции во фразе и даже, как указывалось выше, психологической настройки говорящего.

Такое положение, как кажется, возможно лишь в системах, где нет противопоставления согласных по твердости-мягкости – эта корреляция, видимо еще не сложилась.

Были рассмотрены языковые системы, где все категории согласных либо противопоставлены по твердости-мягкости, либо это противопоставление отсутствует у всех категорий согласных.

Однако небезосновательным кажется предположение о том, что существуют говоры, где разные категории согласных неодинаково ведут себя в позиции сандхи. Позиционное смягчение перед последующими гласными переднего ряда могут приобретать только губные согласные, либо только заднеязычные, либо и те и другие, в то время как переднеязычные могут сохранять твердость.

И в русском литературном языке, где корреляция по твердости-мягкости для заднеязычных согласных, по мнению ряда исследователей, не может считаться окончательно сложившейся, представляются не случайными колебания в произношении конечных *к, х* в сандхи. Р.И. Аванесов

[2, с. 107–108] не случайно предостерегает против произношения мягких заднеязычных перед следующими *и, е* ("их ыгры", но не "их' игры", "к эм'ь", но не "к' ем'ь").

Предварительное и далеко не исчерпывающее исследование материала литературного произношения позволяет отметить, что особенно часто заднеязычные согласные испытывают палатализацию перед последующим *j* ("их' jас'л'и", "к' jахт'ь"). Тот факт, что палатализация в таких случаях может быть неполной, только подтверждает предположение о связи "поведения" согласных в сандхи с корреляцией согласных по твердости-мягкости.

Наблюдения над речью дикторов радио, актеров театра и кино позволили заметить, что случаи сандхи, отличающиеся от нормативного, довольно часто встречаются. В ряде случаев такое произношение может быть объяснено происхождением актера или диктора и связано с его более ранним украинским или севернорусским говорением. Так, у И. Смоктуновского (севернорусская диалектная база) отмечено: [в' ét'их рóш'ъх]; [п'есóк' и пы́л']; у В. Ланового (украинская база): [нъ вастóк' и за́път]; [пр'ин'е^{и}с'óных' и́м'и жéртф]; [в'интóвък' и пул'им'óтъф]; у М. Астангова (украинская база): *автомобильны* [м' и] *парусным спортом; по коридора* [м' и] *ще в тот сумрачный час;* у П. Кадочникова: [высок'им' и] *страшным голосом.*

Однако даже у лиц, чье произношение во всех остальных проявлениях совершенно нормативно, нам случалось отмечать смягчение конечных заднеязычных перед следующими гласными переднего ряда (например, [к' е^{и}н'éрг'ии] у М.А. Реформатской. Такое же произношение отмечено у А.А. Реформатского, В.Н. Сидорова, С.С. Высотского, М.В. Панова.

Можно предположить, что такое позиционное смягчение заднеязычных в литературном языке, хотя и проявляется спорадически, все же отражает некую неустойчивость корреляции заднеязычных согласных по твердости-мягкости.

Любопытно отметить, что в современном русском произношении, которое, впрочем, должно быть отнесено к сфере разговорной речи, в результате эллипсиса начального *j* в предударных слогах возникает возможность сочетания мягких губных и заднеязычных с последующим *и* в условиях сандхи, как бы по украинской и севернорусской модели. Имеются в виду случаи типа: [в' инвар'é], [в' ипóн'ии], [в' иврóп'ъ], [в' ираслáвл'ъ], [в' ијó п'ис'м'é], [к' ивó радны́м], [к' ијó уд'ивл'éн'иу] и т.д. Впрочем, эти формы сандхи сосуществуют с другими, где конéчный твердый согласный сочетается с начальным гласным непереднего ряда: [в ънвар'é], [в ыпóн'ии], [в ывроп'ъ], [в ъраслáвл'ъ], [в ыjó п'ис'м'é], [к ыjó уд'ивл'éн'иу], [к ывó радны́м].

Такие колебания в выборе твердого или мягкого согласного характерны только для губных и заднеязычных. Переднеязычные согласные в этой позиции реализуются только в твердых вариантах: [с ънвар'á], [из ыпóн'ии], [п'ър'ъд ывропъи], [ат ыjó пал'тó], [он ывó в'и́д'ъл] и т.д., что естественно, поскольку в кодифицированном произносительном варианте эти согласные сохраняют твердость перед *j*: [с иинвар'á], [из иипóн'ии] и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р.И.* Из истории русского вокализма. Звуки *и* и *ы*. – В кн.: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1972.
2. *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., 1972.
3. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
4. *Брок Олаф.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. – Изв. ОРЯС. СПб, 1907.
5. *Касаткин Л.Л.* Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости-мягкости. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
6. *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.
7. *Пауфошима Р.Ф.* Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости-звонкости согласных в говорах русского языка. – В кн.: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
8. *Пирогова Н.К.* Полумягкие согласные в современном русском языке. Вестн. МГУ, 1970, № 1.
9. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии М., 1965.
10. Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. Под ред. С.С. Высотского. М., 1978.

В.Н. ТЕПЛОВА

О ВОКАЛИЗМЕ ЗАУДАРНОГО КОНЕЧНОГО ОТКРЫТОГО СЛОГА ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ В АКАЮЩИХ ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Заударный вокализм является одним из малоизученных разделов диалектологии. Накопленные современные данные лингвистической географии позволяют изучение его проводить дифференцированно для различных слогов: неконечного, конечных закрытого и открытого. Такой дифференцированный подход помогает более подробно рассмотреть те специфические особенности, касающиеся реализации гласных неверхнего подъема, которые содержатся в каждом из этих слогов[1].

Настоящая статья посвящается реализации гласных ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в конечном открытом слоге.

Известно, что в заударных неконечном и конечном закрытом слогах реализация гласных в соответствии ⟨а⟩ и ⟨о⟩ происходит в пределах фонетического слова, где на их произношение влияют преимущественно факторы фонетического и морфологического характера[2], в конечном же открытом слоге решающими оказываются причины интонационно-синтаксического характера: находится ли конечный гласный слова в конце фразы, речевого такта, т.е. перед паузой, или за этим гласным следует контекст[3].

---

[1] См.: *Теплова В.Н.* О заударном вокализме после твердых согласных в русских говорах. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981; О вокализме заударного конечного закрытого слога после твердых согласных в акающих говорах русского языка. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980.

[2] *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 113; "Происхождение севернорусского наречия и среднерусских говоров". Под ред. В.Г. Орловой. М., 1970, с. 377.

[3] *Богородицкий В.А.* Гласные без ударения в русском языке. Отдельный оттиск из РФВ, с. 15, а также *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 61.

Качество изучаемых гласных связано также с ритмико-интонационной системой говоров, причем этот фактор важен для всех безударных слогов, в том числе и заударных[4]. Темп речи также оказывает влияние на их качество в заударных слогах; от него зависит степень ясности произношения[5].

В отличие от остальных заударных слогов конечный открытый в синтаксическом отношении может быть как бы в особом, сильном положении[6], если слово с изучаемым гласным находится в конце предложения или речевого такта, перед паузой. Позиция фонетического слова в конце повествовательного предложения считается оптимальной[7]. Покажем реализацию гласных в соответствии ⟨о⟩ и ⟨а⟩ в этом слоге не только в оптимальной позиции, но и внутри фразы с учетом тех факторов, которые могут оказывать влияние на произношение изучаемых гласных.

Известно, что в акающих говорах в заударном конечном открытом слоге фонемы ⟨о⟩ и ⟨а⟩ не различаются, совпадая обычно в звуке [ъ] или [а][8], каждый из которых занимает определенное место в системе описываемых говоров.

По произношению звуков в соответствии гласным неверхнего подъема описываемые говоры не представляют единства. Абсолютному большинству их свойственно употребление обоих этих звуков и значительно меньше нас. п., в которых отмечается исключительное употребление [ъ] либо [а] (см. карту). Так, последовательное употребление [ъ] отмечено обычно в пределах небольших "островков", иногда образующих группы таких "островков", часть из которых сосредоточена в западной части южнорусского наречия и среднерусских говоров. Одни из них расположены в верховьях рек Десны, Угры, Волги, другие находятся в пограничной с БССР полосе, западнее Смоленска и Невеля. Для примера приведем данные д. Любовка Рославльского р-на, Смоленской обл.: *ч'а́стъ, н'амно́гъ, с'ека́лъ, во́з'ръ, ч'и́стъ, укр'апл'о́нъ, т'о́плъ; ма́ткъ, ч'а́шкъ.*

Другая часть подобных "островков" или групп нас п. с исключительным употреблением [ъ] рассредоточена на юго-востоке южнорусского наречия – в междуречье верховьев Хопра и Вороны, вокруг Тамбова, между Воронежем и Бе[illegible]оглебском, а также на самом крайнем юге – в районе Белгорода и Старого Оскола. См., например, с. Надеждино Колышлеевского р-на Пензенской обл.: *б'ъзразл'и́ч'нъ, р'е́ткъ, зъс'ин'е́лъ, м'а́съ, ма́лъ, ф ста́дъ; Ка́м'инкъ, вр'е́м'ич'къ.* Таким образом, последовательное употребление редуцированного [ъ], хотя и не имеет четкой территории, но все же его ареалы имеют относительную сосредоточенность на западе, крайнем юге и юго-востоке южнорусского наречия. Наиболее значительные из них

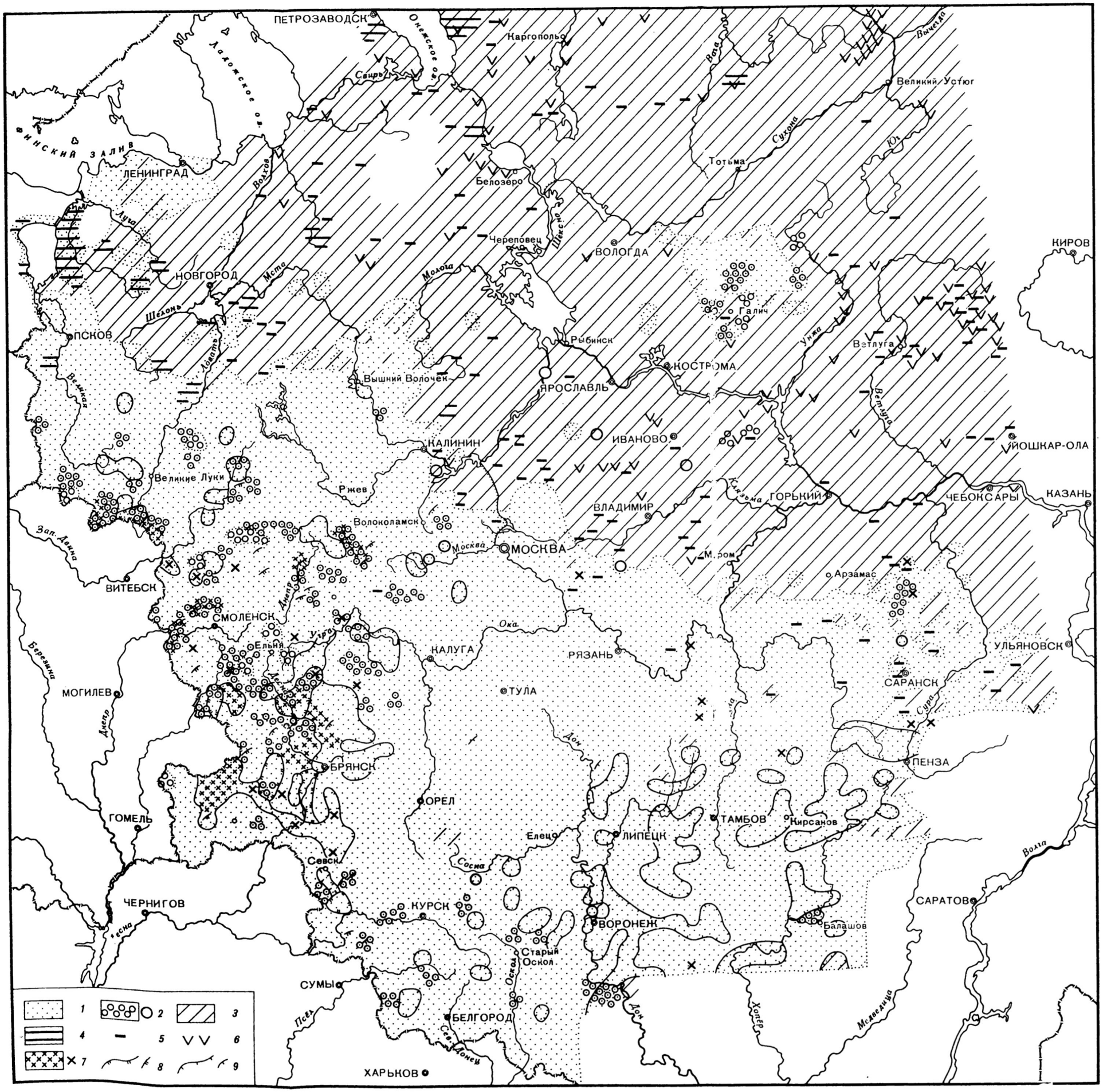
[4] *Войтович Н.Т.* О связи вокализма с ритмико-интонационной системой в русских и белорусских говорах. – В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1972.

[5] *Щерба Л.В.* Русские гласные в количественном и качественном отношении. СПб., 1912, с. 83.
Определенное воздействие на качество гласных может оказывать, очевидно, и стиль, но с этой целью диалектные материалы не изучались, поскольку в диалектной речи мы имеем дело с нейтральным стилем (т.е. обиходно-бытовым). – См.: Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962, с. 10.

[6] *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 113.

[7] *Высотский С.С.* Звуковая структура слова в русских говорах. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973, с. 32.

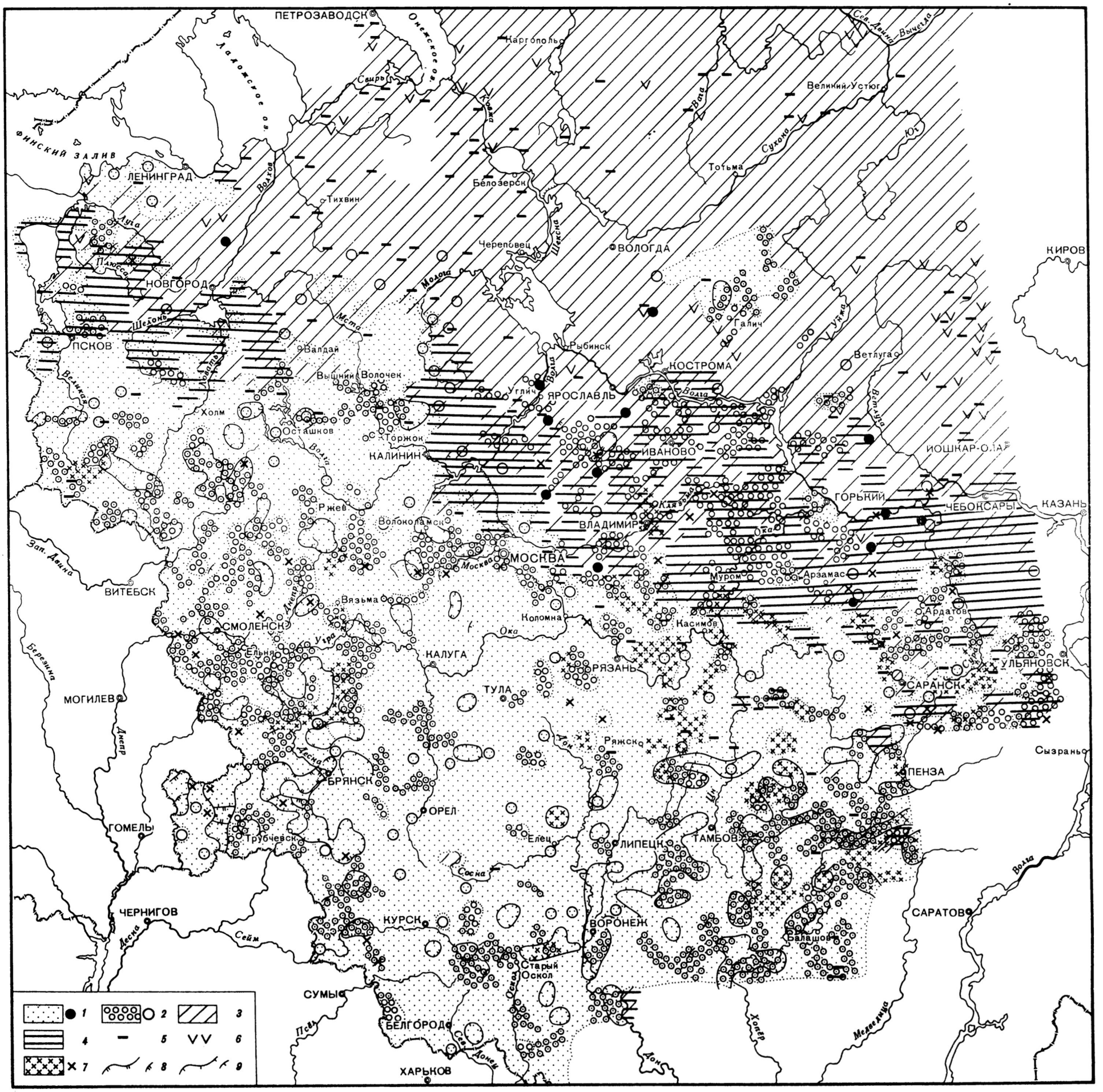
[8] Об единичных случаях употребления [ы] см. с. 00.

Карта 1. Гласный на месте *о* в 1-м предударном слоге или его отсутствие в начале слова

1 – [а] : [а]*тня́л*, [а]*ди́н* и т.п.; *2* – [ъ] : [ъ]*тня́л*, [ъ]*ди́н* и т.п.; *3* – [о] : [о]*тня́л*, [о]*ди́н* и т.п.; *4* – [у] : [у]*тня́л*, [у]*ди́н* и т.п.; *5* – то же в единичных примерах; *6* – [у] – образные: [оу]*тня́л*, [ŏ]*ди́н* и т.п.; *7* – [и] : [и]*тня́л*, [и]*ди́н* и т.п.; *8* – отсутствие гласного: *тнял*, *дин* и т.п.; *9* – то же только после гласного предшествующего слова

К ст. Н.Н. Пшеничновой, с. 45

Карта 2. Гласный на месте *о* во 2-м предударном слоге или его отсутствие в начале слова

1 – [а] : [а]*дного́*, [а]*топри́* и т.п.; *2* – [ъ] : [ъ]*дного́*, [ъ]*топри́* и т.п.; *3* – [о] : [о]*дного́*, [о]*топри́* и т.п.; *4* – [у] : [у]*дного́*, [у]*топри́* и т.п.; *5* – то же в единичных примерах; *6* – [у]-образные ([о̆], [оу] и др.) : [о̆]*дного́*, [оу]*топри́* и т.п.; *7* – [и] : [и]*дного́*, [и]*топри́* и т.п.; *8* – отсутствие гласного: *дного́*, *топри́* и т.н.; *9* – то же только после гласного предшествующего слова

К ст. Н.Н. Пшеничновой, с 45

Зак. 542

расположены в центральной части среднерусских говоров, при этом можно указать на отсутствие ареалов с последовательным [ъ] в центральной части южнорусского наречия.

Исключительное употребление [ъ] обычно зафиксировано в отдельных разрозненных словах, при отсутствии контекста. Есть основания полагать, что [ъ] в этом случае представлен в словах, взятых из потока речи в различных условиях, на что указывают косвенные данные: по соседству с некоторыми из этих приведенных говоров имеются нас. п., в материалах по которым [ъ] отмечен в контексте: как в конце фразы, так и в середине, когда за соответствующим словом следует контекст.

В некоторых нас. п., расположенных главным образом на юго-востоке акающих говоров, отмечена сильная редукция гласных неверхнего подъема в заударном конечном открытом слоге, часто доходящая до нуля звука. Встретилась она в небольшом числе ответов, в ряде случаев, по-видимому, в конце речевого такта. Приведем эти данные: Ю. *пр'а́м* (120), *дал'о́к* (39, 111, 579), *фс'о бы́л* (571), *ар'е́хъф н'е́ был* (555); *ана́ н'ъпахо́ш* (761); *а он м'и́м, йа с'е́л*^{ъ} (790); *пло́х* (829): а также *м'и́м*^{ъ}, *т'и́х*^{ъ}, *мно́г*^{ъ} (600); *ма́л*^{ъ}, *т'и́х*^{ъ} (612); *плох*^{ъ}, *мног*^{ъ}, *долг*^{ъ} (704); *гр'а́зн*^{ъ}, *пр'а́м* (820); *д'е́л*^{ъ}, *з'е́ркъл*^{ъ} (835); Вост. *б'е́дн* (636). Как видим, сильная редукция зафиксирована после разных согласных и в разнообразной лексике, причем эта редукция, очевидно, не везде одинакова: в части говоров, хотя и очень краткий, но звук сохраняется, в других же – присутствие звука не ощущается; он достиг нуля звука, как это имеет место в случае, например, *ана н'ъпахо́ш*, когда в слове уменьшается количество слогов и когда соответствующий звонкий согласный оказался в слабой позиции, выступая в своем глухом варианте. В слове *прямо* сильная редукция (*прям*), возможно, связана с тем, что в некоторых говорах оно выступает не только как наречие, но и в качестве экспрессивной частицы, в которой конечный гласный может иметь свое особое произношение

Явление сильной редукции конечного заударного гласного на конце слова (а нередко, по-видимому, и на конце предложения) зафиксировано в единичных нас. п. также на территории южной части Псковской группы среднерусских говоров (в р-не г. Великие Луки и Торопец): Зап. *мно́к* (= много) (57, 65, 70); *зав'о́рнута там мно́к* (63); *н'ъдал'о́к, мно́к* (58, 96); *дал'о́к* (60, 101, 125, 325); *с'ало́ дал'о́к, н'ъдал'о́к* (76), а также *н'а пло́х* (294).

В этой части территории в отличие от юго-востока сильная редукция ограничена почти исключительно словоформами *далёко* и *много*. При этом в представленном материале редукция ⟨о⟩ на конце слова достигает, видимо, нуля звука, ср., например, в слове *много* фонема ⟨г⟩, оказавшись в слабой позиции (конец слова), оглушилась в [к]. Важно заметить, что на той и другой территориях сильная редукция отмечается как в изолированных словах, так и в конце речевого такта.

Несколько чаще случаи сильной редукции гласных неверхнего подъема в заударном конечном открытом слоге представлены внутри фразы, при наличии контекста, причем наибольшее число подобных примеров зафиксировано перед словом, начинающимся с согласного: Ю. *э́т вр'ем'а* (554); *о́къл школ'и* (569); *ма́л было́* (583); *фс'у ста́д зъган'е́л'и* (586); *балó́т тък балóть* (582); *ста́р стару́хъ* (612); *пр'а́м бида́* (622); *у д'е́т йех'и́мк'и,*

р'иб'о́нк ко́рм'ит (659); *пло́х хад'и́л'и* (704); *пло́х йе́й, лапа́т была́, каро́в је́с'т'* (709); *н'ихвата́л н'ьч'иво́, хват'и́л*[ъ] *краски* (747); *два бра́т тут бы́л'и* (750); *за је́тъγ жън'иха́* (773); *ста́н н'ет, пр'ийе́хъл*[ъ] *к нам* (780); *ч'и́ст γу́л'ушк'и* (788); *о́къл наγ'и́* (790); *э́т*[ъ] *тваја́* (801).

Представленный материал с сильной редукцией гласных относится к юго-восточным говорам: восточной части Рязанской группы южнорусского наречия и примыкающим к ним среднерусским говорам.

Единичные случаи аналогичной редукции в тех же условиях встретились и на территории Псковской группы среднерусских акающих говоров[9]: Зап. *мно́к их там* (63); *мно́к бутылък* (90); *н'ико́х н'ъуб'и́ў* (323), но здесь они, по-видимому, лексически ограничены в отличие от говоров юго-восточной территории, в которых подобное явление отмечено в разнообразной лексике и при различном консонантном соседстве. Так, в последних сильная редукция заударного конечного гласного неверхнего подъема представлена: а) между одинаковыми согласными – *бало́т тък бало́тъ; два бра́т тут бы́л'и; э́тъ тваја́; р'иб'о́нк карм'и́т'; пло́х хад'и́л'и, ста́н н'ет;* б) после плавных[10] – *ма́л было́, ста́р стару́хъ, н'ъ хвата́л н'ьч'иво́; хват'и́л кра́ск'и; пр'ийе́хъл*[ъ] *к нам;* в) после взрывного перед фрикативным: *ч'и́ст γу́л'ушк'ъ; фс'у ста́д зъган'е́л'и; э́т вр'е́м'а;* г) после сонорного: *пр'а́м б'ида́; каро́в је́с'т';* д) после фрикативного задненебного: *пло́х је́й; за йе́тъγ жън'иха́;* е) между взрывными: *лапат была́*.

На этой же части территории единичные случаи сильной редукции гласных неверхнего подъема в заударном конечном открытом слоге встретились также перед словом, начинающимся с гласного: Ю. *с'ипу́γ ыд'о́т* (584); *мой папа́ш у́м'ър* (751); *мно́г*[ъ] *аста́лъс'* (780).

Таким образом, на территории юго-восточных акающих говоров сильная редукция гласных неверхнего подъема в изучаемом слоге имеет место в неограниченной лексике и встречается в словах как внутри фразы, так и в конце ее. Известно, что подобная редукция в этих же говорах наблюдается и в неконечном заударном слоге (ср. *сы́връткa*)[11] и во 2-м предударном слоге (ср. *прас'е́нак, скъврада́*)[12], что, вероятно, связано с соответствующей ритмико-интонационной системой данных говоров. Заметим, что сильная редукция в большинстве этих говоров отмечена при системе последовательного употребления [ъ] в изучаемом слоге, лишь в единичных нас. п. она зафиксирована при преимущественном [ъ] в сосуществовании отдельных случаев с [а].

Если исключительное употребление редуцированного имеет место в относительно небольшом числе говоров, то сосуществование [ъ] и [а] в пределах одного говора в заударном конечном открытом слоге характерно для абсолютного их большинства.

---

[9] Один раз редукция до нуля звука встретилась на территории Калининских говоров: Зап. *о́къл ка́мн'а* (184), правда, здесь она отмечена в предлоге, можно считать внутри фонетического слова, а не в конечном слоге.

[10] При этом в двух случаях – в конце предлога *около–о́къл шко́л'и; о́къл наγ'и́.*

[11] См.: *Теплова В.Н.* О заударном вокализме после твердых согласных в русских говорах, с. 000.

[12] *Строганова Т.Ю.* О вокализме II предударного слога после твердых согласных в акающих говорах. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, с. 90.

Сосуществующие звуки в разных говорах находятся в различном их соотношении. В большинстве говоров они могут употребляться в одних и тех же словах и, по-видимому, независимо от условий положения слова с описываемыми гласными во фразе, поскольку в ответах обычно представлены отдельные слова с тем и другим звуком на конце, как это мы видим, например, в д. Синегубово Чернского р-на Тульской обл.: *мóжнъ, бл'úскъ, нóр'ушкъ, стáлъ, в'úднъ, мнóгъ, упáлъ; т'éста, плóха, мнóга, с'éна, м'éста, жáрка, упáла;* д. Плота Барятинского р-на Калужской обл.: *лáнна, в'исóка, нáда, мóжна, т'úха, скóра; хад'úла; дóлгъ, д'élъ, к'éстъ, м'éстъ, ч'úднъ, лáднъ, вакóшкъ; прóпкъ, хадúлъ;* с. Покасс Ширингушского р-на Мордовской АССР: *лáднъ, дасáднъ, бóл'нъ, ман'éн'къ, н'икакóвъ, вазмóжнъ, канéшнъ, бывáлъ, н'идал'óкъ; мáмъ; мóжна, лáдна, д'éла, нáда, нав'éрна, пайéхъла, нав'éрна, балóта; мáма.*

В части ответов звуки [ъ] и [а] в заударном конечном открытом слоге употребляются как в конце синтагмы или фразы, так и в слове, когда за ним следует контекст, как это зафиксировано в д. Матренки или Верхнее Никольское Хохольского р-на Воронежской обл. *н'аплóхъ, пасóхл'и бúлъ мнóга; прóса пасп'élъ, тáх-та вот, с'úта-р'ишатó; у вáс тут н'ач'úстъ; нас... н'éбылъ; п'ьр*м'ан'úт' надъ; н'а плóха, на утра, жáрка, д'éла, лáдна; м'áсъ, ч'úстъ; лóткъ.*

Нерегулярность подобных ответов не дает оснований для установления территориальной приуроченности таких говоров, однако имеются основания полагать, что их большинство, поскольку в ответах приводятся отдельные слова с тем и другим звуком, нередко в одних и тех же из них, очевидно, зафиксированных в потоке речи как перед паузой, так и при отсутствии ее.

Вместе с тем данные атласов свидетельствуют о том, что существуют говоры, в которых употребление звуков [ъ] и [а] в соответствии ⟨о⟩ и ⟨а⟩ в конечном заударном открытом слоге связано с положением слова с указанным гласным во фразе, когда редуцированный [ъ] произносят при наличии дальнейшего контекста, [а] – в конце предложения или синтагмы, перед паузой. В части ответов об этом имеются заключения авторов, например, д. Грибово Алексинского р-на Тульской обл. *пáлка, нáда, мóжна, д'éла, м'éста, скóра, д'ép'ива, бúла, мнóга*; "В контексте на конце слов слышится [ъ]". Или с. Булаево Пурдошанского р-на Мордовской АССР *кан'éшна, балóта, бóл'на, нáда, л'úхка, мáла, л'úба, вм'éста, спакóйна, бутúлка.* "[А] звучит в том случае, если слово замыкает фразу, перед паузой или на него падает ударение. При других условиях возможна редукция". Правда, указания на подобную зависимость в употреблении [ъ] и [а] в пределах одного говора отмечены в немногочисленных ответах, обычно не относящихся к определенной территории, однако замечено, что чуть чаще такие ответы относятся к восточной части южнорусского наречия и смежным с ней среднерусским говорам.

В части говоров сосуществующие звуки [ъ] и [а] в заударном конечном открытом слоге находятся как бы в неравноправном употреблении, когда один из них господствует, другой же – отмечен в единичных примерах. Так, господство [ъ] можно наблюдать, например, в с. Озерки Измалковского р-на Орловской обл. *óз'ьра бúла; п'áт'иръ, д'ép'ивъ, жыл'éзъ, бз'иръ, бúлъ, мáлъ, д'élъ, балóтъ, мнóгъ, ч'áстъ, р'éткъ, мáлъ, м'áсъ, бúлъ, д'élъ дахóд'а,*

ма́лъ; д. Салтычки Добринского р-на Липецкой обл.: *мно́га д'е́ла*, но *мно́гъ, н'ада́внъ, дал'о́къ, м'а́съ, ч'и́стъ, про́съ, р'е́ткъ, с'и́тъ, ску́шнъ, с'е́м'ъръ, н'ало́фкъ, п'а́т'ъръ; ло́шкъ, по́лкъ.* Такой тип сосуществования, хотя и не имеет четкой локализации, но можно указать на некоторую сгущенность нас. п. с подобным типом сосуществования на юге и юго-востоке изучаемой территории в пределах южного наречия и смежных с ними среднерусских говорах; при этом важно, что по соседству с подобными говорами обычно расположены "островки" нас. п. с исключительным употреблением [ъ], особенно это относится к крайнему юго-востоку изучаемой территории. Что касается южных частей Курско-Орловской и Межзональных южнорусских групп, то говоры с указанным сосуществованием чаще всего расположены в пределах ареалов с равноправным сосуществованием [ъ] и [а], но почти всегда по соседству имеются нас. п. где отмечают исключительно [ъ].

Господство [ъ] при единичных случаях употребления [а] в разрозненных нас.п. отмечается и на остальной описываемой территории (на юго-западе и к западу от Москвы). И в этом случае говоры с таким типом сосуществования, как правило, находятся по соседству с говорами, где наблюдается исключительное употребление редуцированного в соответствии с ⟨о⟩ и ⟨а⟩ в заударном конечном открытом слоге.

Укажем также и на такой тип сосуществования, при котором доминирует употребление [а], а примеры с [ъ] единичны, как это наблюдается в с. Теляжье Русско-Бродского р-на Орловской обл.: *л'и́бъ дваца́т'; инт'ер'е́сна, пр'а́ма, б'ъзут'е́шна, акан'ш'а́т'ил'на, их мно́га, wc'o вы́шъта, прасто́рна, по́зна, в'е́с'ила, бы́ла про́са, багата, жу́тка;* с. Челхов Чуровичского р-на Брянской обл.: *жы́тъ, гато́въ; бл'и́ска, д'е́ла, багата, чы́ста, ста́да, ра́на, крэ́пка, пр'а́ма, ло́у́ка, т'е́ста, про́са; ло́жка, ахо́та, ха́та.* Данный тип сосуществования в рассеянном распространении отмечают на разных частях территории, но более часто он зафиксирован в пределах Курско-Орловской группы. Говоры с подобным употреблением звуков [ъ] и [а] почти всегда расположены в непосредственном соседстве с ареалами или отдельными нас. п. с исключительным употреблением [а].

Таким образом, современные данные, относящиеся к реализации гласных неверхнего подъема в заударном конечном открытом слоге, позволили выявить разнообразные типы сосуществования звуков [ъ] и [а] в пределах конкретных говоров. На основании наиболее доброкачественных ответов установлена зависимость употребления каждого из этих звуков, связанная с положением слова с изучаемым гласным во фразе. С помощью современных данных определена также относительная территория, на которой зафиксированы разные типы сосуществования [ъ] и [а] в описываемом слоге. В совокупности они свойственны абсолютному большинству говоров изучаемой территории.

Исключительное употребление [а] в соответствии фонемам ⟨о⟩ и ⟨а⟩ в описываемом слоге, как и последовательное употребление редуцированного, очевидно, также не связано ни с какими дополнительными условиями и представлено в различной лексике. См., например, в д. Найтоповичи Унечского р-на Брянской обл.: *мно́га, по́зна, на́да, у́ч'о́ра, бало́та, съв'аршенна, аб'и́л'на, жа́рка; куро́у́ш'ш'ина, йдаш'ш'е́рка;* с. Выжелес Ижевского р-на Рязанской обл. *мо́жна, на́да, д'е́ла, лы́ка, ла́дна, м'е́ста, т'е́ста, ско́ра, до́лга; бо́цка, до́цка.*

Исключительное употребление [а] в изучаемом слоге, как и последовательное употребление [ъ], имеет островное распространение. Число говоров с последовательным [а] приблизительно таково же, что и их количество с исключительным употреблением [ъ]. Говоры с исключительным употреблением [а] в виде "островов" и отдельных нас. п., зафиксированы в разных частях территории и встречаются почти в каждом диалектном подразделении, при этом почти всегда перемежаются с говорами, в которых отмечено параллельное употребление [ъ] и [а].

Среди ареалов последовательного употребления [а] в соответствии ⟨о⟩ и ⟨а⟩ следует указать на самые значительные по размеру. (См. карту). Один из них находится на территории северной части Рязанской группы и прилегающих к ней восточных среднерусских говоров. Два смежных ареала расположены на юго-западе, занимая южные части Западной и Деснинской групп, а также центральную часть Межзональной группы южнорусского наречия. Кроме того, значительные "островки" говоров с подобным произношением отмечены в пределах Курско-Орловской и Тульской групп, а также в центральных частях Западной и Верхне-Днепровской групп южнорусского наречия и на территории Псковской группы среднерусских говоров. Отметим, что наибольшее число таких "островов" сосредоточено на широкой полосе между городами Новозыбков – Обоянь – Рязань, с одной стороны, Калуга – Липецк, с другой. При этом только в отделе А восточных среднерусских говоров последовательное употребление [а] в изучаемом слоге вовсе не зафиксировано.

Причины, способствующие подобному употреблению [а] в соответствии ⟨о⟩ и ⟨а⟩ в описываемом слоге, в различных говорах могут быть различными. Так, на территории юго-западного угла, в Брянской области, данный звук можно связать с особой ритмико-интонационной системой говоров, где рядом наблюдателей отмечается слабая разница в экспираторной силе гласных ударного и безударных слогов, где почти не наблюдается качественной редукции безударных ⟨а⟩ и ⟨о⟩[13]. Для большинства же южнорусских и акающих среднерусских говоров, где в соответствии этим фонемам в заударном конечном открытом слоге отмечается последовательное употребление [а], можно предположить, что, по-видимому, гласный указанного слога является более полновесным (сильным), чем в конечном закрытом слоге, на что уже обращалось внимание. Следует еще привести высказывание С.С. Высотского, сделанное им в результате экспериментального анализа: "Гласный открытого слога обычно несколько длиннее, чем в слоге закрытом с известными градациями в зависимости от качества соседних согласных"[14]. Употребление [а] в псковских говорах, очевидно, связано с особым качеством этого звука, как указывается в некоторых ответах, средне-

---

[13] См., например, *Назарова Т.В.* Аканье в украинских говорах. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977, с. 212, 216. На что обращала внимание и автор в статье, посвященной конечному закрытому слогу – Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования, 1978. с. 314–315.

[14] *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. – Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, с. 19.

го между [а] и [о], обычно обозначаемого α, который представлен и в конечном закрытом и в других безударных слогах.

Что касается звука [ы], то в изучаемом слоге он отмечен в единичных примерах (причем всегда в изолированных словах) и только в трех нас.п. (при системе употребления [ъ] и [а] в них)[15]: д. Ковали Ильинского р-на Великолукской обл. – *ско́ры*; д. Глухово Юхновского р-на Калужской обл. – *ла́дны*; с. Решетка Барышского р-на Ульяновской обл. – *ско́ры, мо́жны*. Как видим, данный звук отмечен в единичных нас.п. и притом всего в четырех примерах, следовательно, не характерен для описываемых говоров вообще; во всех случаях он зафиксирован при широком употреблении [а] и [ъ] в тех же говорах. Не исключено, что [ы] в них является редуцированным звуком средне-верхнего подъема и, возможно, употребляемого носителями говора в конце синтагмы или предложения как бы с дополнительным ударением. Населенные пункты, в которых он отмечен, расположены в разных частях территории (два – в пределах Зап. тома, один – в восточных среднерусских говорах).

Представляет интерес употребление звука [у] в соответствии ⟨о⟩ и ⟨а⟩ в заударном конечном открытом слоге, отмеченного в немногочисленных говорах, но в пределах конкретного говора – часто в значительном числе примеров: д. Кишкино Пушкиногорского р-на Псковской обл. – *мно́гу, пло́ху, до́лгу, н'амно́гу, мо́жну, балу́ту, гро́мку, т'ихо́н'ку*, а также *т'е́сту, н'ада́вну, ла́нну, т'и́ху*, но *н'ида́вна, сла́ба; ма́слъ, са́лъ; по́лкъ*, а также *л'е́то*[16], *т'е́сто, са́ло, во́з'иро, пал'е́но, страшно* и др.; д. Лукино Красногорского р-на Великолукской обл. – *во́з'иру, мно́гу, пло́ху, то́шну, мал'е́н'ку, р'е́тку, з'е́ркълу* (им. ед.), но *бы́тта, во́з'ира, пан'и́у́ка, жы́та, цы́ста, н'ада́вна, ако́шка, смарода, р'аци́нка*; д. Монино Кудеверского р-на Великолукской обл. – *мно́гу, ла́нну, жн'и́ву, пасп'е́ла*, но *ма́ла, бы́стра, пло́ха, т'е́сна, н'алу́ка, стра́шна, жа́лка, спас'и́ба; н'е́къгда, в'ид'ила*; д. Холм Октябрьского р-на Великолукской обл. – *нде пупа́лу; вако́шкъ, на́дъ, вр'е́ннъ, бо́л'нъ, мно́гъ, н'алу́ка, с'е́на, м'а́са, н'амно́шка, с'и́л'на, ско́ра*; д. Кошкино Пушкиногорского р-на Псковской обл. – *ху́ду, до́лгу, шыро́ку, мно́гу*, но *на́да, мно́га, тру́дна, ма́сла, т'е́ста*, а также *с'е́но, бы́ло, тру́нно, д'о́шъво, со́лнушко*[17].

Как видим, произношение [у] в говорах всегда зафиксировано наряду с [а] или [ъ]; в д. Кишкино и Кошкино Пушкиногорского р-на Псковской обл. наряду с последними отмечены также примеры с [о] в соответствии с ⟨о⟩, представляющие собой элементы различения гласных неверхнего подъема в описываемом слоге. В каждом конкретном говоре число примеров с [у] не единично, кроме говора д. Холм, причем в большинстве случаев данный звук зафиксирован после ударенного гласного [о] (реже [е]) – звуков среднего подъема[18]. В этих говорах, по-видимому, звук [у]

[15] Несколько чаще [ы] отмечается в слове *надо (на́ды)*: С. – 416, 420, 570, 575, 589, 597, 599, 615; Зап. – 249, 283, 502, 744; Вост. – 390, 742, 752, 756, 778, 903, 917, 926, 928; Ю. – 74, 626, 712.

[16] О произношении [о] в соответствии с ⟨о⟩ в описываемом слоге в говорах с неразличением гласных в 1-м предударном слоге см. далее

[17] В данном говоре и в 1-м предударном слоге имеются отдельные примеры с [о] перед ударенным *о*.

[18] Из 27 примеров с [у] в 20 случаях данный звук зафиксирован после ударенных [о] и [е].

также можно считать в качестве элемента системы различения гласных неверхнего подъема в заударном слоге. Известно, что в части псковских говоров только перед этими ударенными гласными имеются случаи сохранения [о] и в 1-м предударном слоге при аканье здесь во всех остальных случаях. Заметим также, что [у] в половине приведенных примеров отмечен после задненебных согласных. По-видимому, это соседство и способствовало употреблению данного звука.

В отдельных случаях произношение [у] связано с ассимилирующим влиянием звука [у] в ударенном слоге (см. *ху́ду*). Иные причины способствовали произношению звука [у] в случае *пупа́лу* (д. Холм); здесь можно предположить действие диссимилятивного принципа, известного в этом говоре и в предударном положении. Следовательно, на произношение [у] оказывали действие причины фонетического характера.

В ряде говоров при аканье в 1-м предударном слоге в соответствии с ⟨о⟩ в заударном конечном открытом слоге представлено употребление [о], всегда зафиксированное наряду с другими звуками. Так, в сосуществовании с [ɑ] он отмечен в д. Мельница Пушкиногорского р-на Псковской обл.: *плóхо, слáвно, найд'óно, жáлко, ɑдда́но, н'арóвно, вы́пɑлото, лóўко, т'и́хо* и др.; при употреблении [ɑ] и звуков [а^{o}], [о^{a}] в д. Крылово Пушкиногорского р-на Псковской обл.: *м'е́сто, плóтно, жы́то, с'е́но, н'е́скул'ко, ɑпр'ед'ɑл'о́нно*, а также *йе́таго*; д. Черноярово Новоржевского р-на Псковской обл.: *дал'о́ко, д'е́душко, л'и́хо, бы́ло, мно́го, пр'ɑкра́сно, зóлото, с'и́л'но, згɑр'е́ло, жáлко*. В говоре д. Кишкино Пушкиногорского р-на Псковской обл. звук [о] сосуществует с [а] и [ъ], при этом наблюдается господство [о] при небольшом количестве примеров с другими указанными звуками: *л'е́то, т'е́сто, сáло вóз'иро, м'áсо, пал'е́но, хóлонно, т'и́хо...* (еще 17 пр. с [о]), но *нáда, н'идáвна, слáба; бы́лъ, м'áсъ, мáслъ, сáлъ*. Аналогичное соотношение всех сосуществующих звуков отмечено также в д. Ермолово Пустошкинского р-на Великолукской обл.

Сосуществующие звуки зафиксированы в равном количестве примеров в ответах по д. Пружки Опочецкого р-на Великолукской обл.: *вку́сно, жы́то, л'е́то, дал'о́ко, н'амнóго; шырóка, дъбравóл'на; мнóгъ, жы́тъ, бы́лъ, н'ьдáвнъ, в'е́с'ьлъ, бы́лъ, бл'и́скъ*, а также в д. Красное Пустошкинского р-на Великолукской обл. В д. Столбово Опочецкого р-на Великолукской обл. зафиксированы единичные примеры с [о], а также с [а], при господстве случаев с [ъ]: *мнóго, глáтко, жы́то; жы́та, бл'и́ска; пáпа*, но *стрáшнъ, бл'и́скъ, глыбóкъ, н'ьдал'óкъ, дъбравóл'нъ, дал'óкъ, сарвáлъ* и др., *дóч'къ, лóшкъ*. Такое же соотношение этих звуков отмечено в д. Дубровы Новоржевского р-на Псковской обл. Лишь в с. Глубокое Опочецкого р-на Великолукской обл. [о] сосуществует с [ъ]: *дóръго, плóхо, п'áт'ьро, мáло, пр'áмо, бáт'ко, т'óпло* и др., но *т'óплъ, слуцáйнъ, кърамы́слъ, нáдъ*.

Из приведенного материала видно, что в заударном конечном открытом слоге сосуществуют системы различения и неразличения гласных неверхнего подъема, причем случаи различения выступают после разных согласных и гласных под ударением, хотя, возможно, не случайно, что большинство примеров с [о] зафиксировано после ударенных гласных среднего подъема. Заметим также, что в подобных примерах звук [о] выступает чаще в слоге, непосредственно следующем за ударением, в отдельных примерах – во 2-м (*хóланно*) и 3-м заударном (ср. *вы́пɑлото*) слогах.

В д. Мельница и Крылово Пушкиногорского р-на Псковской обл. звук [о] выступает и в других заударных слогах, притом – в единичных примерах; в них только в предударном положении представлено аканье. Характерно, что все приведенные говоры локализуются в пределах южной части Псковской группы среднерусских говоров (в р-не г. Опочки)[19].

Важно заметить, что употребление [о] в соответствии с ⟨о⟩ в заударном конечном открытом слоге имеет место и в ряде белорусских говоров[20] при аканье в 1-м предударном слоге, расположенных на юго-западе БССР (в районе Гродно и Барановичей). Звук [о] в них, вероятно, является также реликтом системы различения ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в безударных слогах, что закономерно, так как по соседству с ними имеются говоры с различением указанных гласных.

Итак, анализ материала по реализации гласных неверхнего подъема в заударном конечном открытом слоге позволил выявить различия, касающиеся качества звуков и характера закономерностей их употребления, связанные со спецификой описываемого слога. Наиболее характерными для говоров звуками являются [ъ] и [а], чаще всего употребляемые в сосуществовании. Значительно меньше говоров, в которых отмечается исключительное употребление одного из них. Произношение [ы] в изучаемом слоге почти не свойственно говорам описываемой территории; зафиксировано оно в единичных примерах при системе употребления [ъ] и [а] и только в трех нас. п. Лишь в слове *надо* [ы] отмечен в 25 нас. п., разбросанных по всей территории. В отдельных говорах на территории Псковской группы зафиксирован звук [у] как в единичном его употреблении, так и в значительном числе примеров, причем этот звук всегда употребляется в сосуществовании с [а] или [ъ].

Также в сосуществовании с последними на этой же территории в соответствии с ⟨о⟩ отмечен [о], представленный почти исключительно в конечном открытом слоге и в небольшом числе говоров, причем в двух нас.п. Пушкиногорского р-на Псковской обл. он выступает наряду с [у]. Проведенный анализ показал, что звуки [о] и [у] в этих говорах следует считать элементами системы различения гласных ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в заударном конечном открытом слоге. Встретившиеся единичные случаи с [у] в других говорах можно объяснить также причинами фонетического характера.

Что касается сосуществующих звуков [ъ] и [а], то в большинстве говоров их употребление фонетически не разграничено: их отмечают в одних и тех же условиях и нередко в одних и тех же словах. Однако в значительном числе говоров, как показывает анализ современных данных, употребление сосуществующих звуков [ъ] и [а] связано с тем, находятся ли изучаемые звуки в конце фразы или речевого такта, или за ними следует контекст. Иными словами качество звуков в них зависит от ритмико-

---

[19] Единичные примеры с [о] в акающих говорах отмечают и в других нас. пп., разбросанных по изучаемой территории: Зап. 177 *бл'уд'ач'ко;* 307 *куда-то;* Ю. 79 *т'ир'п'и́мо, ма́ло, ч'а́сто*; 377 *бы́ло пан'а́тно;* 438 *хаз'а́йство, рабо́тно;* 439 *бы́лъ д'е́ло;* 480 *ла́дно, э́тоγо н'ет.* В данных случаях трудно предположить, что это элементы различения. По-видимому, в большинстве своем они являются отражением орфографического написания, лишь в случае *пан'а́тно* (377, Ю) можно допустить возможность действия диссимилятивного принципа, известного говору в предударном слоге.

[20] См.: ДыялекталагІчны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карта 14.

синтаксических условий. Именно в этом прежде всего состоит специфика конечного открытого слога в отличие от других заударных слогов, в которых качество звуков зависит от причин фонетического и морфологического характера.

Кроме того, употребление звуков [ъ] и [а] в описываемом слоге зависит также от темпа речи.

Специфика изучаемого слога состоит еще и в том, что не наблюдается четкой территории с последовательным употреблением [ъ] или [а], как это обнаруживается при изучении реализации гласных в соответствии ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в других заударных слогах. Можно лишь говорить об относительной территории исключительного употребления каждого из этих звуков, имеющей характер островного распространения: "островки" с [а] чаще наблюдаются в центральной части изучаемой территории, "островки" же с [ъ] рассеяны по ее окраинам.

Почти всю описываемую территорию занимают говоры, в которых звуки [ъ] и [а] сосуществуют в различном их употреблении; в нее вкраплены описанные выше "островки" исключительного употребления [а] или [ъ] (см. карту). Только в заударном конечном открытом слоге на территории Псковской группы акающих среднерусских говоров представлены реликты системы различения гласных неверхнего подъема.

Вместе с тем в описываемом слоге, как и в других заударных (особенно в неконечном) слогах на юго-востоке изучаемой территории наблюдается сильная редукция гласных неверхнего подъема, достигающая нередко нуля звуков.

Характер употребления звуков [ъ] и [а] в конечном открытом слоге и территориальное их распространение делают возможным предположение, что для большинства акающих говоров редуцированный является более исконным, по сравнению с [а], появившимся, вероятно, поздней. Важно, что именно в данном слоге представлено наиболее интенсивное проникновение звука [а], известного в той или иной мере почти всем говорам. Это служит подтверждением известного положения, что конечный открытый слог является самым сильным из всех заударных слогов.

Заметим, что исключительное употребление [а] в описываемом слоге выступает на тех же частях территории, что и в конечном закрытом слоге. Очевидно, и причины, способствующие его произношению, были общими для обоих слогов. Так, наличие [а] на юго-западе территории, вероятно, связано с ритмико-интонационной системой этих говоров, где очень слаба редукция безударных гласных.

Что касается псковских говоров, то многим из них также почти не свойственна редукция гласных ⟨а⟩ и ⟨о⟩, притом звук [а] в них по своему качеству является нередко средним между [а] и [о]. Эти говоры относительно поздно перешли к системе неразличения безударных гласных неверхнего подъема, в некоторых из них, как мы видим, процесс еще не завершился: в изучаемом слоге сохраняется [о] или произносится [у].

К.Ф. ЗАХАРОВА

БЫЛ ЛИ ПЕРЕХОД *е* > *о* В ЗАУДАРНОМ ПОЛОЖЕНИИ? (на материале личных окончаний глаголов I спряжения в говорах Владимирско-Поволжской группы)

Вопрос о наличии или отсутствии фонетически закономерного перехода *е* в *о* перед твердыми согласными в положении безударного конечного закрытого слога (ответ на который поможет утвердить или отвергнуть мнение, существующее в науке о том, что переход *е* > *о* происходил в слогах независимо от их положения по отношению к ударению[1]) можно решать только на материале тех говоров, в которых такой переход несомненно происходил как фонетическое явление под ударением, так как именно в них естественно ожидать переход *е* > *о* в безударных слогах. Нужно учитывать ту особенность вокализма заударных слогов, что большинство положений, в которых гласные находятся в заударном слоге, являются одновременно флексиями имен и глаголов, фонемное содержание которых часто определяется грамматической аналогией с теми же флексиями под ударением, а не результатами фонетических изменений. Поэтому наличие [о] или его вариантов в закрытом заударном слоге в современных говорах само по себе еще не свидетельствует о наличии в этих говорах в прошлом фонетического перехода *е* в *о*. Например, говоры северного наречия, где при факультативном [о] на месте **е* в первом предударном слоге (или полном его отсутствии) широко представлено [о] в заударном положении, которое объясняется грамматической аналогией с идентичной формой, но с ударенной флексией, имеющей фонему ⟨о⟩, типа *ко* [н'о́] *м* > *ка́м* [н'о] *м*, *не* [с'о́] *т* > > *бу́* [д'о] *т*, а также *зем* [л'о́] *й* > *дере́в* [н'о] *й*.

Говорами, где несомненно был в прошлом фонетически закономерный переход *е* в *о*, являются говоры Владимирско-Поволжской группы.[2]

Для целей исследования будет рассмотрен не весь заударный вокализм, а только положение закрытого конечного безударного слога с исконным **е* перед твердой согласной, т.е. такое положение, в котором под ударением и в первом предударном слоге происходил в этих говорах фонетически закономерный переход *е* в *о*.

Говоры Владимирско-Поволжской группы по характеру гласного на мес-

---

[1] Как известно, существуют две точки зрения на характер процесса перехода *е* > *о* перед твердыми согласными: 1) изменение *е* > *о* совершалось независимо от места ударения (см.: *Шахматов А.А.* Курс истории русского языка. СПб., 1911–1912; *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. Изд. IV. М., 1907; *Борковский В.И. Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963), 2) изменение *е* > *о* не безразлично к характеру слога, его полновесности, долготе и, следовательно, не безразлично к месту ударения (см.: *Пожарицкая С.К.* Проблема изменения *е* в *о* в северновеликорусском наречии в свете данных лингвистической географии. – В кн.: Вопросы диалектологии восточно-славянских языков. М., 1964; *Захарова К.Ф.* К вопросу о ёканье. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981).

[2] О наличии фонетически закономерного перехода *е* в *о* в первом предударном слоге в говорах Владимирско-Поволжской группы свидетельствует характер различения гласных *о*–*е*–*а* перед твердыми согласными (см.: *Пожарицкая С.К.* Типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Канд. дис. М., 1962; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 359–365, 369, 370; *Захарова К.Ф.* К вопросу о ёканье.

те **е* в заударном конечном закрытом слоге перед твердой согласной делятся на несколько территориально целостных частей, из которых говоры более северных территорий сближаются с соседними говорами северного наречия, говоры южных частей территории – с восточными акающими среднерусскими говорами, а говоры западные и юго-западные – с говорами, окружающими Москву[3] (см. таблицу).

Разделение говоров единой диалектной группы по характеру гласного в закрытом заударном слоге идет прежде всего по наличию или отсутствию в нем на месте **е* фонемы ⟨о⟩: северо-восточная часть говоров группы (юрьевец-городецкие говоры) смыкаются по этой черте с говорами Костромской группы северного наречия, в которых отмечается [о] во всех безударных окончаниях, имеющих аналогичные окончания с ⟨о⟩ тех же морфем под ударением, как в именах существительных (*по́л'ом, ка́мн'ом, дер'е́вн'ой*), так и в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения (*бу́д'от, зна́јот*). Произношение [о] наряду с [е] возможно здесь и в корневых морфемах (*вы́н'ос*). В говорах, расположенных к юго-западу от первых (ростово-суздальские говоры), во всех этих случаях произносится [а], который здесь является репрезентантом ⟨о⟩. От этих говоров отличаются говоры южной и юго-западной частей группы прежде всего тем, что в них на месте **е* не произносится один и тот же гласный во флексиях всех морфем данного положения. Выделяются флексии имен, в которых произносятся [а] или [ъ], являющиеся репрезентантами ⟨о⟩, и флексии личных окончаний глаголов, а также заударные корневые морфемы, в которых произносятся [ь] и [и], которые исторически не могут считаться репрезентантами ⟨о⟩. Это отмечается в говорах муромских, горьковских, а также в калининских и переславль-залесских. В последних говорах [ъ] во флексиях имен сосуществует, а часто вытесняется гласными [ь] и [и].

К этой группе говоров примыкают и говоры бассейна р. Нерль и прилегающие к Владимиру (владимирские говоры), отличающиеся от говоров южной части территории группы лишь тем, что в них во флексиях личных форм глаголов произносится [е], а не результат его редукции – [ь] или [и].

О разнице гласных в безударных флексиях имен и личных форм глаголов писал Р.И. Аванесов[4], связывая эти гласные с исходными ⟨о⟩ на месте **е* в окончаниях имен и с ⟨е⟩ в личных окончаниях глаголов. Наличие ⟨о⟩ во флексиях имен он объяснял аналогическим влиянием твердой разновидности склонения на мягкую, что вело к образованию одного типа склонения существительных с твердой и мягкой основами: по аналогии *стол*⟨о́⟩*м* появлялось *ко*⟨н'о́⟩*м*, а отсюда *ка́м* [н'о] *м* или *ка́м* [н'а] *м*, если ⟨о⟩ и ⟨а⟩ в этой позиции совпадали в [а]. Отсутствие безударного [о] в личных формах глаголов 1-го спряжения объяснялось отсутствием твердой основы в парадигме спряжения, а также отсутствием в ударенных флексиях личных форм глаголов ⟨о⟩ на месте **е*: *нес*⟨е́⟩*т, нес*⟨е́⟩*ш*. Такое толкование правомерно для говоров с отсутствием под ударением фонетически закономерного перехода *е* в *о* перед твердыми согласными. Оно объясняет наличие в зау-

[3] Подробнее о разделении говоров Владимирско-Поволжской группы на лингво-территориальные части см.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. с. 349, карта 96; с. 385, карта 105.

[4] *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 119–120.

Гласные на месте *е в заударном закрытом слоге в разных говорах Владимирско-Поволжской группы

Говоры группы	Гласные в заударном закрытом слоге			
	в составе окончаний			В корневой морфеме
	твор.п. муж.р. и ср.р. (*по́лем, ка́мнем*)	2 л., 3 л. ед.ч., 1 л. мн.ч. глаголов 1-го спряжения (*бу́дет, зна́ет*)	твор.п. жен.р. (*дере́вней*)	(*вы́нес*)
1. Юрьевец-городецкие	[о] (*по́л'ом*)	[о] (*бу́д'от*)	[о] (*н'а́н'ой*)	[о], [е] (*вы́н'ос, вы́н'ес*)
2. Ростово-суздальские	[а] (*по́л'ам*)	[а] (*бу́д'ат*)	[а] (*н'а́н'ай*)	[а] (*вы́н'ас*)
3. Владимирские	[а] (*по́л'ам*)	[е], [ь] (*бу́д'ет, бу́д'ьт*)	[а] (*н'а́н'ай*)	[е], [ь] (*вы́н'ес*)
4. Калининские и переславль-залесские	[и], [ъ] (*по́л'им по́л'ъм*)	[и], [ь] (*бу́д'ит, бу́д'ьт*)	[и], [ь] (*н'а́н'ий, н'а́н'ьи*)	[и], [ь] (*вы́н'ис, вы́н'ьс*)
5. Муромско-горьковские	[а] (*по́л'ам*)	[и] (*бу́д'ит*)	[а] (*н'а́н'ай*)	[и] (*вы́н'ис*)

дарных окончаниях [о] только морфологической аналогией, отсутствие [о] в безударном окончании связывается с отсутствием ⟨о⟩ в той же форме под ударением.

Говоры Владимирско-Поволжской группы позволяют толковать факт наличия разных гласных на месте старого *е в сходных фонетических положениях, но в разных морфемах по-другому — как результат отсутствия перехода *е* в *о* перед твердым согласным в данном заударном положении при наличии такого перехода под ударением.

Анализ современного состояния вокализма этих говоров[5] и исторические исследования[6] свидетельствуют о том, что именно в этих говорах происходил фонетически закономерный переход *е* в *о* перед твердой согласной, и поэтому не было причин, ограничивающих его действие в ударенных личных окончаниях глаголов 1-го спряжения, так как эти говоры имели твердые конечные согласные в формах 2 и 3 лица ед. ч. и 1 лица мн. ч.: *не* [с'о́ш] (ср. [још] (= *ёж*), [л'о́ж]*а* и под.), *не* [с'о́т], *не* [с'о́м].

Почему же во владимирских говорах имеется ⟨о⟩ во флексиях имен: *по́* [л'ам] (как *до́м* [а]*м*) по аналогии с *ружјо́м*, но ⟨е⟩ в безударных личных окончаниях — *бу́* [д'ет] при ⟨о⟩ в ударенных — *не* [с'о́т], а также: *вы́* [н'ес] при [н'ос]? Почему также в северо-восточной части той же группы говоров во всех заударных морфемах в том числе и в личных безударных глагольных окончаниях имеется ⟨о⟩, которое реализуется гласными

[5] Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. с. 353–385.
[6] *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

[о]: *ка́м* [н'ом], *бу́* [д'от], *вы́* [н'ос] (городецкие говоры) или [а]: *ка́м* [н'ам] *бу́* [д'ат], *вы́* [н'ас] (ростово-суздальские)?

Рассматриваемые особенности заударного вокализма в разных частях Владимирско-Поволжской группы говоров имеют разное время возникновения. Так, наиболее старые черты рассматриваемого положения, сохранившиеся в наибольшей чистоте, отмечаются в говорах бассейна р. Нерль и говорах вокруг Владимира (так называемые владимирские). Муромские и горьковские говоры рано и в большей степени испытали влияние более южных говоров, городецкие и суздальские – северных. Это сказывается в реализации ряда диалектных черт, но особенно очевидно на примере предударного вокализма, где последовательное различение [о]–[е]–[а] в соответствии **е–*ě–а* сохраняется именно во владимирских говорах.

Поэтому заударный вокализм владимирских говоров можно рассматривать как такой, который в большой степени отражает исходную систему вокализма говоров на территории Ростово-Суздальской земли.

Учитывая характер предударного вокализма этих говоров с последовательным различением [о]–[е]–[а], соответствующим ⟨о⟩–⟨е⟩–⟨а⟩, и особенно тот факт, что в них в заударном положении гласные, соответствующие фонемам '⟨о⟩ и ⟨е⟩, не совпадают в одном гласном, а различаются, реализуясь гласными [а], [ъ], редко [о] в соответствии '⟨о⟩ и гласными [е], [ь], [и] в соответствии ⟨е⟩ (о чем свидетельствуют гласные окончания имен и личных форм глаголов), нельзя предполагать, что в этих говорах [о] на месте **е* мог появиться фонетически закономерно в заударном положении, так как при наличии [о] на месте **е* в этом положении должны бы произноситься везде гласные [о], [а], [ъ] – репрезентанты ⟨о⟩, но не [е]. Тем более, что в современных говорах [е] в заударных глагольных окончаниях произносится (согласно закономерному для говора темпу речи и распределению силы и длительности слогов) ясно, отчетливо с той же долготой, что и [а], в том же положении на месте ⟨о⟩ во флексиях имен. Так что [е] нельзя рассматривать в качестве редуцированного гласного на месте ⟨о⟩. Это позволяет предположить, что в говорах, где возникало и реализовалось явление, называемое переходом *е* > *о* перед твердыми согласными, оно реализовалось не во всех положениях независимо от ударения, а только в тех слогах, где гласные были в сильном положении, т.е. под ударением и в 1-м предударном слоге.

Следовательно, для перехода *е* > *о* – первоначально чисто фонетического явления – нужны были специфические условия, а именно, полновесность слога, в котором могла произойти и закрепиться как тип произношения лабиализация *е* в положении после мягкой согласной перед следующей твердой. Заударный закрытый слог, при условии создавшегося распределения длительности слогов типа 1–3–3–2, которое характерно и для современных владимирских говоров[7], не удовлетворял тем условиям, которые были необходимы для осуществления лабиализации *е* в этом положении. Впоследствии, когда фонетический закон *е* > *о* перестал действовать и лабиализованное *е*, равное [о], стало фонемой '⟨о⟩, создалась почва для раз-

[7] *Высотский С.С.* Звук речи в контексте. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.; *Пауфошима Р.Ф.* Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре. – В кн.: Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.

личных чередований фонем ’⟨о⟩ и ⟨е⟩ в формах словообразования и словоизменения, поскольку [е], не перешедшее в [о], совпало с *ě, образовав фонему ⟨ѣ⟩. Подобное чередование фонем ⟨о⟩ и ⟨е⟩ современного языка ([с’ол] – [с’ел’]*ский*, *ре*[м’ен’] – *ре*[м’он]*ный*, [м’ор]*з* – [м’ер’]*зли*, где фонемы ’⟨о⟩ или ⟨е⟩ свойственны каждой данной форме) является следом былого фонетически закономерного чередования гласных [о] и [е] одной фонемы ⟨е⟩ из *е, *ь.

Для владимирских говоров наличие [е] в безударном личном окончании глаголов 1-го спряжения и [о] в ударенных окончаниях того же спряжения остается своеобразным чередованием фонем ⟨о⟩ и ⟨е⟩ одной парадигмы спряжения, где парадигма личных форм глаголов 1-го спряжения имеет не одну (с фонемой ⟨о⟩), а две разновидности, каждая из которых характерна для ударных или для безударных окончаний: *несу́-не⟨с’о́⟩ш, не⟨с’о́⟩т*... и *бу́ду-бу́⟨д’е⟩ш, бу́⟨д’е⟩т*... Подобно этому разные фонемы – ⟨о⟩ и ⟨е⟩ – имеются в тех же говорах в словообразовательных формах типа *н’ос* и *вы́нес*.

Можно сделать вывод, что образование одного типа склонения по образцу твердой разновидности и образование одного типа спряжения по типу форм с ⟨о⟩ под ударением в истории языка не были процессами одновременными и однозначными. Слияние двух разновидностей склонения и образование одного типа по образцу твердой разновидности стало возможным, видимо, только с возникновением пар согласных по твердости–мягкости, когда один и тот же гласный мог употребляться независимо от твердости–мягкости предшествующего согласного, а сам тип склонения стал определяться не качеством согласной основы, а гласными парадигмы склонения.

Подобный процесс перестройки системы склонения, с обобщением гласных именного склонения по типу гласных твердой разновидности, был достаточно ранним. Он охватил не только говоры Ростово-Суздальской земли, которым был свойствен фонетически закономерный переход *е* > *о*, но и говоры рязанские, где такого перехода не было, но, видимо, также имелись пары согласных, противопоставленные по твердости–мягкости (наличию перехода *е* > *о* в рязанских говорах при этом могла препятствовать иная – семифонемная – система гласных, при которой [е] не смягчал предшествующую согласную и поэтому не переходил в [о]).

Подобных причин унификации парадигм не было у глагольного спряжения, при котором перед *о* и *е* окончаний была всегда мягкая основа. Обобщение парадигмы спряжения по типу ударенной флексии происходило позже, а могло и не происходить. Об этом свидетельствуют данные говоры и говоры акающие[8], в которых не возник общий тип окончаний под ударением и без ударения. Формы типа *бу́д’от, зна́јот*, возникшие по аналогии с *нес’о́т*, отмечаемые в говорах северного наречия, а также в юрьевец-городецких говорах, явно позднего образования, так как формы типа *зна́јот, де́лајот*, возникшие в свою очередь под влияние форм типа *бу́д’от*, соседствуют с широко распространенными в говорах северного наречия формами тех же глаголов, но с выпадением *j* в сочетаниях *аје* и возможном стяжении гласных (*зна́ет, зна́ӓт, зна̂а̂т* и *знат*). Последние формы, со стяжением

[8] См.: *Аванесов Р.И.* Очерки ..., с. 120.

в составе парадигм III-го спряжения[9], распространены в говорах Владимирско-Поволжской группы[10], особенно широко при безударном окончании (*де́лат – де́лајут* или *де́лут*), где само их наличие свидетельствует об отсутствии ранних аналогических изменений в безударных окончаниях по образцу ударенных, так как выпадение *j* и последующее стяжение гласных отмечалось в этих говорах только между гласными *ае (де́лает)* но не *ао (де́лаот)*.

Следовательно, заударный вокализм флексий имен и личных форм глаголов 1-го спряжения говоров Владимирско-Поволжской группы, а также говоров всей юго-восточной диалектной зоны (т.е. говоров восточных среднерусских акающих и говоров рязанских, относящихся к южному наречию) свидетельствует о том, что появление ⟨о⟩ в окончаниях именного склонения было очень ранним и всеобщим для всех говоров процессом. Оформление же безударных окончаний личных форм глаголов с [о] было по отношению к именам явлением поздним и не всеобщим для этих же говоров. Главное же то, что наличие ⟨о⟩ в безударных окончаниях имен и личных форм глаголов нигде не являлось результатом фонетического изменения *е* в *о*, а было только результатом грамматической аналогии.

Таким образом, анализ заударных гласных, произносящихся на месте **е* в группе говоров, в системе ударенного и предударного вокализма которых сохраняются следы фонетически закономерного перехода *е* в *о* перед твердыми согласными, свидетельствует о том, что подобного перехода в заударных слогах не было. Наличие в них ⟨о⟩ определялось только различными аналогическими процессами.

Это в свою очередь еще раз подтверждает мысль о том, что переход *е* > *о* перед твердыми согласными происходил не во всех безударных слогах, а только в тех, которые по длительности или интенсивности были равны ударенному.

Л.Л.КАСАТКИН

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЯГКОГО ЗАДНЕЯЗЫЧНОГО СОГЛАСНОГО, СТОЯЩЕГО ПОСЛЕ ТВЕРДОГО СОГЛАСНОГО, НА ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ГЛАСНЫЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Проводя наблюдения над чухломскими говорами Костромской области, Е.Г.Бурова и автор настоящей статьи[1] обнаружили в этих говорах следующую закономерность. Говоры эти характеризуются диссимилятивно-умеренным яканьем особого, чухломского типа. На месте гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягкого согласного перед твердым обычно произносится звук типа [е] перед ударенным [а] и звук типа [а] перед остальными ударенными гласными. Перед мягким соглас-

[9] *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, с. 196–202.

[10] Образование севернорусского наречия..., с. 330–332.

[1] О результатах этих наблюдений см.: *Бурова Е.Г., Касаткин Л.Л.* Чухломское аканье. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

ным в этой позиции произносится звук типа [и]. Проиллюстрировать это можно следующими примерами: *с'естра́, бр'евна́, м'еста́, р'ека́, д'ив'етна́ц'ът', п'етна́ц'ът'; пр'ив'азу́т, нъ кл'ьв'ару́, нъ в'атру́, в л'асу́, пръкл'ану́л'и, в'арсты́, д'аржы́с', р'ады́, пън'асло́, в'адро́, св'акро́ф; т'ил'а́ты, д'ин'ка́, зъм'ин'а́лъ, в'ин'ч'а́лъс', пъгл'ид'а́т, д'йич'ка́, ув'ил'и́, ф' т'им'и́, пъм'ис'т'и́л'и, пъгл'ид'и́, н'ис'о́м, в'ид'о́рк'и, нъпр'ид'о́м, в'из'д'е́, з'в'ир'е́й, д'ит'е́й, л'ит'е́л, в р'ик'е́* и т.п.

В позиции же перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким в реализации гласных неверхнего подъема оказались своеобразия. Как обычно это и отмечалось в говорах с умеренным и умеренно-диссимилятивным яканьем, в этой позиции в чухломских говорах в большинстве случаев произносится [и]: *с'ин'т'ибр'а́, нъйибр'а́, ф с'ин'т'ибр'е́, нъ*^{й}*ибр'е́, сл'ипн'и́, път'ипл'е́й, в д'ер'ивн'а́х, р'ивл'у́, нъ бр'ивн'е́, Ивд'е́н'-йьвнъ, д'ивч'о́нк'и, Ал'ифт'и́на, д'ифч'о́нък, с'имйа́, з'имл'и́, р'имн'о́м, т'имн'е́й, пъ з'имл'е́, б'идн'а́цкъй, с'истр'и́ц'ъ, с'ирд'е́шнъйъ, в з'ирн'е́, ръз'-в'ирн'и́, л'игл'и́, с'т'ер'игл'и́, п'икл'и́, нъвл'икл'и́, нъ с'т'икл'е́, с'икр'е́т, т'ихн'и́ч'къ, иг н'а́тк'и, иг н'о́нък* и т.п. Но в том случае, когда последний согласный сочетания, стоящего после предударного гласного, заднеязычный, картина нарушается, в этой позиции произносится [а]: *в'анк'и́, б'алк'и́, п'аск'и́, ф п'аск'е́, на в'ит'арк'е́*. Единственное отступление от этого, пример *С'ирг'е́ич'а*, легко, впрочем, объяснимо: [р] здесь выступает на месте старого [р'].

Обнаруженная нами закономерность не является исключением. Так, Н.Н.Дурново по известным к началу XX в. материалам и собственным наблюдениям дал подробное описание типов южнорусского предударного вокализма. Отмечая, что при умеренном яканье в передударном положении перед группой согласных с первым твердым и последним мягким выступает обычно [и], Н.Н.Дурново говорит и об отступлениях от этого произношения, о том, что в этой позиции может быть [а], если последним согласным сочетания являются мягкие [г'], [к']: "К сожалению примеров на указанные положения в известных мне матерьялах мало; наиболее часто встречаются в сообщениях примеры: *зимля, тимнеть, систре, систрица, дивчонка*; из Парф[енковского] говора (Руз[ского уезда] Моск[овской губернии]) мне известны примеры на все названные положения, но там *и* известно и в положении перед сочетаниями на мягкие *г, к*; в других говорах перед сочетаниями на *г, к* мягкие встречается *а*: *пяске* Шацк[ий у.] Тамб[овской губ.], Корсун[ский у.] Симб[ирской губ.], *бирящке* Шацк. Тамб., мастярки Вер[ейский у.] Моск[овской губ.]"[2].

Н.Б.Парикова провела исследование тульских и среднерусских говоров с умеренным яканьем и определила, что в этих говорах "в положении перед группами согласных, начинающихся твердым и кончающихся мягким согласным, ... характерно произношение *и*"[3]. Бывают в этой позиции и исключения, когда произносится [а], среди примеров подобного рода приведены

---

[2] *Дурново Н.Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. 1. Южновеликорусское наречие, вып. 2. Шамординская пустынь Калужской губ. – Труды Моск. диалектол. комиссии. 1918, вып. 7, с. 71.

[3] *Парикова Н.Б.* Умеренное яканье в тульских говорах. – В кн.: Материалы и исследования по рус. диалектол. Новая серия. М., 1961, т. II, с. 19.

къч'атк'и́, в п'атк'и́ (в двух населенных пунктах), *в'анк'и́, шарк'и́* (от *шар*), *жалтк'и́, м'алк'и́, в уз'алк'е́, къз'алк'и́, ф кът'алк'е́*. Произношение [а] отмечается и в таких примерах, когда последним согласным сочетания является переднеязычный согласный: *п'акл'и́, л'агл'и́, в'адр'е́, с'астр'е́* и др. Однако разница между примерами первого и второго типа в том, что произношение [а] в примерах типа *п'акл'и́, в'адр'е́* и т.п. единично при повсеместном [и] *п'икл'и́, в'идр'е́* и т.п. Произношение же [и] в примерах первого типа встретилось лишь дважды в словах *ф к'ип'итк'е́, цв'итк'е́*[4].

Зависимость между качеством гласного и следующим согласным, твердым или мягким, наблюдается также при "переходе *е* в *о*". Известно, что этот переход осуществлялся перед твердым согласным и не было его в позиции перед мягким согласным. В литературном языке и акающих говорах результаты этого перехода наблюдаются только под ударением, в говорах окающих этот переход происходил и в безударном положении.

В диалектологических описаниях и исследованиях, посвященных ёканью (как и в работах, посвященных умеренному яканью)[5] неоднократно указывалось на то, что гласные предударного слога "ведут себя" перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким обычно так же, как и перед мягким согласным, а именно: если в говоре наблюдается произношение *п'оку́–п'ек'и́* (или *п'оку́–п'ик'и́*), то в этом же говоре будет и *п'екл'и́* (или *п'икл'и́*). Наблюдаются и отклонения от этой закономерности: произношение типа *п'окл'и́*.

Как же в ёкающих говорах реализуются этимологические *е, ь* в предударном слоге перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным?

Наиболее полная сводка материалов ДАРЯ по произношению в окающих говорах гласных первого предударного слога после мягких согласных перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким, собранных к середине 50-х годов[6], была сделана С.К.Пожарицкой[7]. Она указывает: "Нетрудно перечислить слова, встречающиеся в ответах на соответствую-

[4] Там же, с. 20–21.

[5] О связях между умеренным яканьем и ёканьем говорили многие лингвисты. Впервые на эту зависимость указал Е.Ф.Будде (см.: *Будде Е.Ф.* К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896, с. 330). Немалое место в разработке теории переходных говоров заняла эта проблема у Н.Н.Дурново (Указ. соч., с. 83–85). Ученик Н.Н.Дурново Р.О.Якобсон показал и пути перехода ёканья в умеренное яканье (*Якобсон Р.О.* Фонетика одного северновеликорусского говора с намечающейся переходностью [литографированное издание]. Прага, 1927. Перепечатано: *Jakobson R.* Selected Writings. 1. (2-е изд.). Mouton. 1971, p. 588–590.) Позднее происхождению умеренного яканья посвятил ряд своих статей В.Н.Сидоров. В этих работах В.Н.Сидоров нарисовал подробную картину перехода ёканья в умеренное яканье, объяснив и происхождение различных разновидностей умеренного яканья, возводя их к разным типам севернорусского вокализма (см.: *Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка. М., 1966; *Он же.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.)

[6] Собирание материалов "Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы", включившего основную территорию окающих говоров ДАРЯ, было закончено в 1962 г.

[7] См.: *Пожарицкая С.К.* К вокализму 1-го предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах (положение перед сочетанием твердого согласного с мягким). – В кн.: Материалы и исследования по рус. диалектол. Новая серия, вып. I. М., 1959.

щие (3, *е* и *ж*) пункты "Программы": *гребли, земля, в тепле, теплее, утепление, утеплить, темнеть, медведь, везли, несли, ветлина, узелки, черенки, кленки, утвердить, заперлись, озерки, берегли, легли, расстегнись, пекли, текли, на стекле, стеклянная, пекчи, сестре, сестренка*"[8]. Среди этих примеров есть и слова с последним согласным заднеязычным: *узелки, черенки, кленки, озерки*.

В примерах, извлеченных С.К.Пожарицкой из материалов ДАРЯ, отмечается произношение [е] и [о]. Так, *п'екл'и́* отмечено в 67 нас. п. обследованной территории, *п'окл'и́* – в 97, *т'екл'и́* – в 60 нас. п., *т'окл'и́* – в 55, *л'егл'и́* – в 70 нас. п., *л'огл'и́* – в 48 и т.п.[9] "Этот материал, – пишет С.К.Пожарицкая, – показывает, что произношение *е* перед сочетанием согласных колеблется между ... [е] и ... [о] без сколько-нибудь существенного преобладания того или другого"[10].

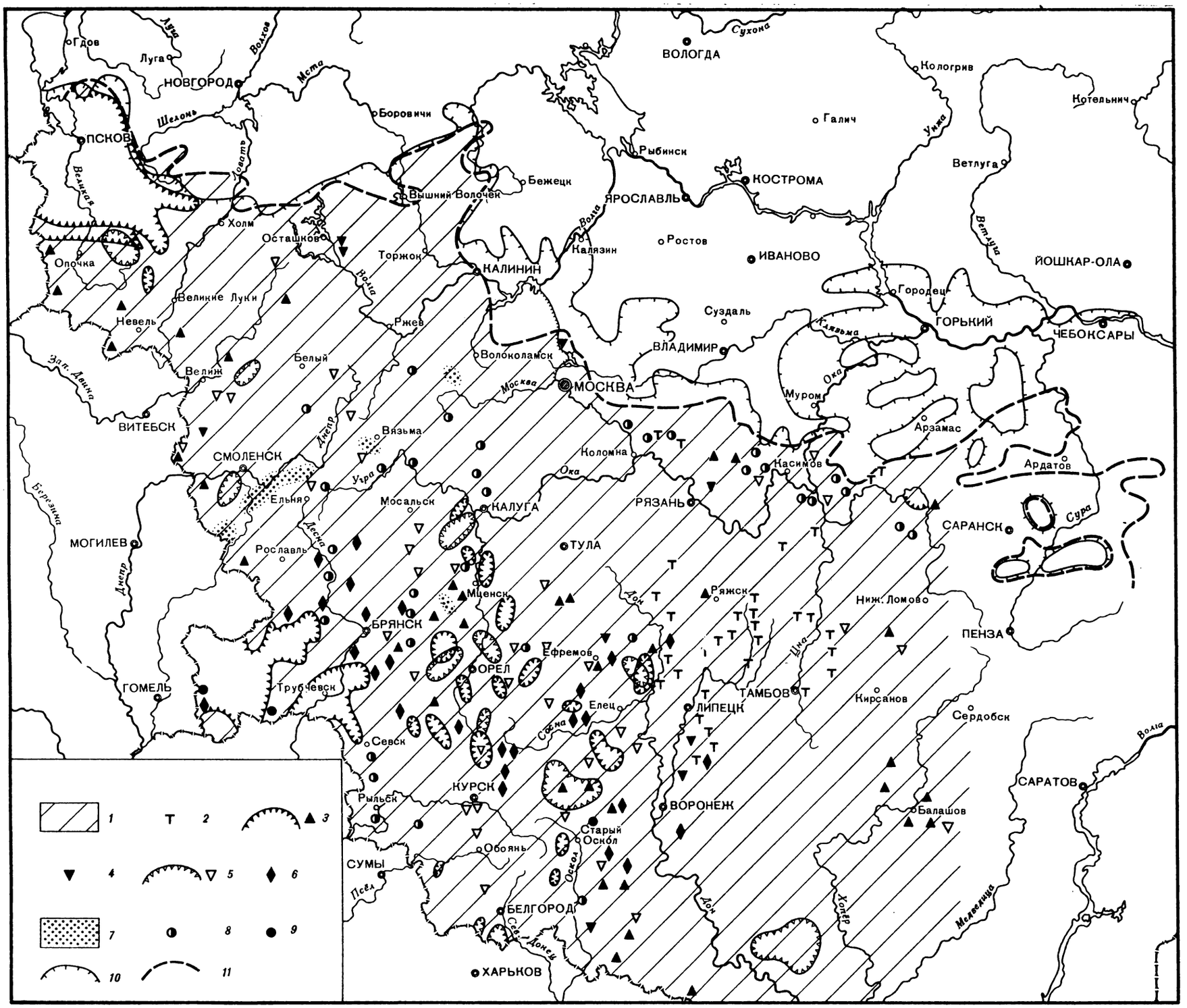
Вывод этот, правильный для большинства примеров, не применим к примерам с последним согласным сочетания мягким заднеязычным. Вот в какой форме и где отмечены эти примеры: *уз'олк'и́* – в Лысковском р-не Горьковской обл. и Курловском р-не Владимирской обл., *оз'орк'и́* – в Суздальском р-не Владимирской обл., *ч'ор'онк'и́* – в Городецком р-не Горьковской обл., *кл'онк'и́* – в Козловском р-не Мордовской АССР. Все остальные слова, приведенные С.К.Пожарицкой, отмечены и в произношении с [е], только примеры с мягким заднеязычным отмечены исключительно с [о][11].

С.К.Пожарицкая в указанной статье приводит также примеры с [е] и [о] перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким, извлеченные ею из описаний говоров исследуемой территории. Эти описания "указывают почти исключительно на произношение *е* и лишь изредка – на ... *о*"[12]. Среди этих примеров встречается лишь один пример с последним мягким согласным сочетания заднеязычным – *уз'олк'и́*, приведен он И.А.Кудрявцевой в кандидатской диссертации "Говор Завидовского р-на Калининской области". М., 1952[13].

С.К.Пожарицкая приводит материал и тех нас. п., где на месте *е* в первом предударном слоге произносится не только [е] и [о], но и [и]: *п'екл'и́, п'окл'и́, п'икл'и́* и т.п. Таких ответов на "Программу" ею обнаружено 47, и ни в одном из них нет примеров на позицию гласного перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным.

Материалы для Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы, как уже говорилось, продолжали собираться и после того, как Пожарицкая написала указанную статью. В 1955 г. в д.Летнево Застолбского сельсовета Кушалинского р-на Калининской обл. побывала сотрудник Института русского языка АН СССР И.Б.Кузьмина с группой студентов МГосПИ. Вот что она писала в ответе на "Программу". "На первый предударный слог после мягких было записано довольно много примеров, при-

[8] Там же, с. 121.
[9] Там же, с. 123.
[10] Там же, с. 124.
[11] Там же, с. 123. Только с [о] приведен также пример *зая'орл'и́с'*, отмеченный всего один раз именно в этой форме в Балахнинском р-не Горьковской обл.
[12] Там же, с. 124–125.
[13] Там же, с. 125.

Карта. Звуки в соответствии с ⟨о⟩ в заударном неконечном слоге после твердых согласных в акающих говорах

1 – [ъ] : *хо́л*[ъ]*дно, па́л*[ъ]*чка, но́в*[ъ]*го*; *2* – отмечена сильная редукция: *хо́лдно, па́лчка, но́вго*; *3* – [а] : *хо́л*[а]*дно, па́л*[а]*чка, но́в*[а]*го*; *4* – [а] только в суффиксах: *па́л*[а]*чка*; *5* – [ы] : *хо́л*[ы]*дно, па́л*[ы]*чка, но́в*[ы]*го*; *6* – [ы] только в суффиксах: *па́л*[ы]*чка*; *7* – [у] в окончаниях существительных твор. падежа ед. числа жен. рода: *па́лк*[у]*ю*; *8* – [у] в основах: *ку́з*[у]*ва*; *9* – [у] в суффиксах глаголов *-ова-*: *пра́зд*[у]*новать*; *10 – 11* – территория говоров с неразличением ⟨о⟩ и ⟨а⟩: *10* – в неконечном заударном слоге, *11* – в 1-м предударном слоге

К ст. В.Н. Тепловой, с. 63

чем одни и те же слова записывались за разными объектами. Общая схема предударного вокализма получилась одна и та же у всех: этимологическое *е* перед твердыми чаще всего произносится как *'о*, но возможно (значительно реже) произношение *'е*. Примеры с *'и* и *'а* единичны (отклоняются чаще приставки, отрицания) ... На месте этимологических *е* и *ѣ* перед мягкими (а также и перед сочетанием согласных, из которых первый твердый, второй мягкий) произносится *е* или звук, близкий к *'а*. Звук, средний между *е* и *'а*, не во всех случаях одинаков: иногда он ближе к *'а* (в этих случаях он транскрибировался как *'а*), иногда ближе к *е* (передается через *'ӓ*). Через *е* передается звук *е* чистое. Разграничение *'а* и *'ӓ* весьма условное: при одновременной записи разные собиратели транскрибировали иногда по-разному одни и те же слова. Когда все записи были кончены, мы спрашивали своих объектов прямо, скажут ли они *"с'остра́"*, *"н'ад'е́л'а"*. Все они признавали первое, но отказались от примеров, которые мы произносили с *'а*. Это, видимо, говорит за то, что звук, произносимый перед мягкими, все же не *'а*, хотя мы нередко воспринимали этот звук как *'а*. Изредка отмечается *'и"*. В ответе приведены следующие примеры:

3. а) *в'осна́, с'остра́, пр'ин'осла́, л'огла́, зъп'орла́, ун'осла́, хл'оба́й, нъпл'ова́т', пр'ив'озла́, хр'оста́м, Л'оксандра, ум'орла́, с'м'ота́на, с'омна́цътъва, ръзд'ова́л'и, вым'орза́ит, дъзр'ова́йит, л'ота́т', нъд'ова́лас', шл'опа́* (свернутая бумага для хлопанья мух), *с'ола́, в'орста́* и т.д.; *с'м'ета́на, п'екарн'а, с'естра́, ф п'ер'едба́йн'ик'ъ; б'ис па́м'ит'и*;

б) *с'оло́, в'осло́, с' с'остро́й, в'осно́й, з'орно́, с'т'окло́, т'опло́, л'ого́н'ко, дъ П'отро́ва* (дня), *Ф'одо́с'йа, Його́р'ий, с'в' окро́в'йу, с'в'окро́в'и, л'охко́, Ф'одо́с'* (звательная форма); *с'ело́, н'имно́шка, П'атро́ф, дъл'ако́*;

в) *в'осло́м, с'оло́м*;

г) *с'остру́, уб'ору́, доб'ору́с', св'озу́, нъ б'ир'огу́, в'орну́л'и, в'оду́т, съб'ору́ца, пр'ив'озу́т, п'оку́т, д'ър'ову́шк'ъ, к н'ому́, ф Тр'осну́, уб'ору́т, б'ору́т, п'ер'абу́лас'*;

д) *д'в'е в'орсты́, д'в'е с'остры́, п'ит'орых; тр'и в'ерсты́, б'аздны́мный*;

е) *т'акл'и́, ув'езл'и́, б'ер'ӓгл'и́, п'екл'и́, с'в'атл'и́ны, п'ир'в'арн'и́, л'егл'и́*, но *къз'олк'и́* (козлы);

ж) *к с'естр'е́, ъп с'астр'е́, нъ с"т'ӓкл'е́, в з'емл'е́, М'едв'е́д'иха*;

з) *з'ӓмл'о́й, з'емл'а́, з'амл'а́*[14].

Примеры, приведенные И.Б.Кузьминой и студентами руководимой ею группы, показывают примерное распределение в потоке речи слов с разными звуками на месте этимологических *е, ь*. Приведено 85 примеров. Среди них 16 – с предударным гласным перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким[15]. Среди этих 16-ти один пример с предударным *'о – къз'олк'и́*. Это и единственный пример с мягким заднеязычным согласным в конце данного сочетания.

Итак, ясно, почему описываемое явление – реализация гласного первого предударного слога перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным, совпадающая с реализацией перед твердым

[14] См. Материалы по нас. п. 634 "Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы".

[15] В потоке речи примеры этого типа встречаются гораздо реже. Но на положение перед твердым согласным, стоящим не перед мягким, приведены, конечно, не все услышанные в говоре примеры. Об этом говорит указание "и т.п." в пункте а).

согласным, – не обращало до сих пор внимания диалектологов и историков языка (мне известно только упомянутое беглое замечание Н.Н.Дурново): примеры, где после предударного гласного произносится сочетание согласных с последним мягким заднеязычным, чрезвычайно редко встречаются в потоке речи. Нет подобных примеров и в "Программе".

Характерно следующее. Н.Б.Парикова тщательно проанализировала ответы на эту "Программу" по тульским и среднерусским говорам "Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы" и "Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы"[16]. Среди этих говоров последовательно выдержана система умеренного яканья в 75 нас. п. Единичные колебания встречаются в 46 нас. п. Сосуществование умеренного яканья и иканья наблюдается в 56 нас. п.[17]. Во всех этих 177 нас. п. отмечено всего 12 примеров с сочетаниями *тк', нк', лк', лтк', рк'*, из которых 10 примеров с произношением предударного *а* и 2 примера с произношением предударного *и*. Но при яканье в первом предударном слоге выступают гласные на месте всех фонем неверхнего подъема. При ёканье же возможность появления в потоке речи интересующих нас примеров еще меньше, так как предударный гласный [о] произносится только в соответствии с фонемой ⟨о⟩[18].

В 1977 и 1979 годах я побывал в д.Дуброве, Ченцах и с.Ивановском Рамешковского р-на Калининской обл. с целью выяснить систему предударного вокализма говора, а главным образом – реализацию этимологических *е, ь* в первом предударном слоге перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким, в том числе мягким заднеязычным. В 1977 г. в с. Ивановском и д.Ченцах были сотрудники Института русского языка АН СССР Р.Ф.Пауфошима, Е.В.Щигель и Л.В.Васильев и произвели там магнитофонные записи речи местных жителей. Этими записями я дополнил свои наблюдения. Архаические говоры этих нас. п. по интересующему меня вопросу оказались одинаковыми. Поэтому привожу материал без дифференциации по этим нас. п.

В первом предударном слоге после мягких согласных перед твердым на месте гласных неверхнего подъема различаются три гласных: [о] на месте ⟨о⟩, [е] на месте ⟨е⟩, [а] на месте ⟨а⟩:

л'огла́, с'в'озла́, с'остра́, ум'орла́, сл'оза́м'и, мъс'т'ора́, бъйова́йъ, с'в'ола́, т'опло́, с'оло́, л'охко́, в'осно́й, с'ово́д'н'ь, н'ьдъл'око́, пазън'ослос', с'в'окро́w', б'ору́, в'орну́с', уб'ору́т, д'ору́цъ, св'оду́, нъп'оку́т, нъ б'ър'огу́, ръз'б'ору́, с'остры́, в'осны́ и т.п.;

*м'еста́м, дв'ена́цът', уд'ева́л'ис', д'ева́т', нъдъйеда́ит, въцв'ета́ит, у*ъ*бр'еза́иш, йеда́, р'ека́, выр'еза́л, п'еско́м, л'есо́к, п'есо́ч'ку, с'едо́й, с'еро́, б'ело́, р'еко́й, в л'есу́, п'ску́, йеды́, сл'епы́х* и т.п.;

---

[16] Материалы атласов хранятся в Институте русского языка АН СССР

[17] *Парикова Н.Б.* Указ. соч., с. 17–18.

[18] Как известно, [о] в первом предударном слоге может в некоторых говорах произноситься и в соответствии с ѣ (⟨е⟩ на месте этимологического ѣ): *л'ес – в л'осу́* и т.п. Но, во-первых, примеры с этимологическим ѣ перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким еще более редки, чем примеры с этимологическими *е, ь* в этой позиции. С.К.Пожарицкая пишет, что в ответах на "Программу" наблюдатели приводят здесь только два слова ... *в ведре* и *светлеть*..." (*Пожарицкая С.К.* Указ. соч., с. 130). Кроме того, происхождение этого *о* на месте ѣ неясно, и сначала надо выяснить этот вопрос.

п'атна́цът', вз'ала́, д'ьв'атна́цътъвъ, зън'ата́, гр'ада́, пл'аса́л'ь, зъпр'агайът, с'в'аза́лъ, къп'ато́ч'към, ч'асо́ф, р'адо́ф, взгл'ану́лъ, къп'атку́, нъпр'аду́т, тр'асу́цъ, пъм'ану́т', м'асны́ш, нън'аты́ш и т.п.

Перед мягким согласным ⟨о⟩, ⟨е⟩ совпадают в звуке [е], на месте ⟨а⟩ произносится [а]:

т'еб'а́, Д'ем'йа́н, шыз'д'ес'а́т, пл'ем'а́н'ику, н'ел'з'а́, б'ес'е́ды, б'ер'ез'н'ик, д'ер'е́вн'ь, д'ьр'ев'е́н', въскр'ес'е́н'ь, т'еп'ер' М'ед'в'е́д'ицъ, в'ез'д'е́, н'ед'е́л'ку, с'ер'о́тку, н'ес'о́цъ, б'ер'о́ш, зъм'ет'о́т, с'в'ез'о́т, С'ер'о́жын'къ, з'ел'о́ный, б'ер'о́з'и, пл'ел'и́, в'ез'и́, св'ес'т'и́, п'ир'в'ел'и́;

ръз'д'ел'а́йут, сйед'а́т, йед'а́т, стр'ел'ба́, д'ет'а́м, фстр'еч'а́т', д'ет'е́й, зв'ер'е́й, пъм'еш'е́н'йь, б'ел'йо́, з'м'ейу́, б'ег'и́, р'ек'и́, сл'ед'и́лъ, п'ев'и́цъ, ръз'д'ел'и́л'ьс', йед'и́т'ь, б'ел'и́т';

гл'ад'а́т, къп'ат'а́т, в йас'л'а́х, св'аш'е́н'ик, пъгл'ад'е́л'и, пъгл'ад'е́лъ, ч'айо́к, ч'айко́м, р'аб'и́нъ, к^{ъ}с'т'ан'и́къ, ср'ад'и́л'и, ср'ад'и́лъ, йаи́ц, д'ьс'ат'и́н, распър'ад'и́лс'ь, р'ьб'ат'и́шк'и, къп'ач'у́.

Таким образом, фонемы ⟨е⟩ и ⟨а⟩ перед твердым и мягким согласным реализуются соответственно одним и тем же звуком: ⟨е⟩ – [е] и ⟨а⟩ – [а]. Естественно, что каждая из них реализуется тем же звуком и перед сочетанием согласных с первым твердым и вторым мягким: *д'ефч'о́нкъ, св'ет-л'е́т', с'екл'и́, скр'епл'а́т', стр'елк'и́, ф п'еск'е́; йагн'о́нък, ф с'ьн'т'абр'е́, с'ьн'т'абр'а́, нън'алс'а́.*

Фонема ⟨о⟩ реализуется в позиции перед твердым согласным звуком [о], а в позиции перед мягким согласным звуком [е]. В позиции же перед сочетанием согласных с первым согласным твердым, а вторым мягким произносится [о], если этот мягкий согласный заднеязычный, и [е] в остальных случаях: *л'ьп'оск'и́, на п'ьр'отк'е́, на в'ьт'орк'е́, къс'т'орк'и́, в ъз'орк'е́, ч'ьр'онк'и́, скр'опк'и́, ф пъгр'опк'е́, уз'олк'и́, къз'олк'и́, кът'олк'и́, ф кът'олк'е́; – с'естр'е́, пр'ив'езл'и́, пъч'ерн'е́лъ, ч'ерн'и́шнъ, в'еч'ерн'и́цъй, з'ерн'и́л'ис', п'ерш'а́тк'и, с'емйе́, с'емйа́, з'емл'а́, скр'ебн'и́ца, п'екл'и́.*

Система эта в архаическом слое говора держится очень прочно. Встречаются только редкие отклонения от нее. Так, на месте ⟨о⟩ наряду с [о] перед твердым согласным в редких случаях наблюдается звук менее лабиализованный – [о^{е}] или [е^{о}]: *йо^{е}wо́нъму, т'о^{е}пло́, пъ$_{е}$в'ь'о^{е}ра́м, с'е^{о}ла́, л'е^{о}хко́, нъбе^{о}ру́т*. Единично в этой позиции [е]: *с'ело́, в'еду́т, с'естра́*. Наряду с [е] перед мягким согласным единично [и]: *м'ин'а́, п'ъд'ис'а́т, п'ич'н'и́к*. Отмечен и пример *кът'елк'и́* с [е] перед сочетанием согласных со вторым мягким заднеязычным. Однако эти примеры никак не колеблют основной системы.

Итак, в ёкающих говорах и в говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным яканьем наблюдается следующая зависимость: если после предударного гласного выступает сочетание согласных с первым твердым и последним мягким, то характер предударного гласного зависит от того, какой именно в конце сочетания мягкий согласный. Если этот согласный заднеязычный, то предударный гласный почти всегда такой же, как перед твердым согласным. Если в конце сочетания мягкий переднеязычный или губной, то предударный гласный чаще такой же, как перед мягким согласным, но может быть и таким же, как перед твердым.

Чем же объясняются колебания гласного в этой позиции? С.К.Пожариц-

кая писала: "Суть вопроса заключается в установлении того, чем определяется произношение гласного в интересующем нас положении: определяется ли оно фонетически – влиянием последующего сочетания согласных – и эквивалентом какого – твердого или мягкого согласного – является это сочетание согласных; или произношение гласного в этом положении определяется факторами нефонетическими – влиянием парадигмы склонения или спряжения, словообразовательными связями слов"[19].

Среди диалектологов и историков русского языка нет единства во взглядах на происхождение примеров типа *с'естр'е́, с'истр'е́* и примеров типа *с'остр'е́* при ёканье и *с'астр'е́* при умеренном яканье. Произношение [е] в примерах типа *с'естр'е́, з'емл'е́* А.А.Шахматов объяснял фонетическими причинами[20]. К такой же точке зрения склонялся Р.О.Якобсон [21]. В "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" была высказана другая точка зрения. Здесь указывалось, что при умеренном яканье "произносят *пикли́, утикли́*, несмотря на твердость *к*, видимо, по образцу *вили́, нисли́, визли́* и т.д.; произносят *в видре́*, несмотря на твердость *д*, видимо, по образцу *на стине́, к висне́* и т.д."[22] Такая же точка зрения на происхождение примеров указанного типа, а именно то, что возникновение предударного гласного объясняется в них нефонетическими причинами – морфологической аналогией (если в сочетании согласных, стоящих после предударного гласного, твердость первого согласного нельзя объяснить недавним отвердением), была высказана Л.Н.Булатовой [23], В.Г.Орловой[24], Р.И.Аванесовым[25].

В противоположность этому объяснению фонетическое истолкование примеров подобного типа дал Ф.П.Филин, показавший, что "некоторые слова данной группы не очень-то укладываются в рамки аналогии"[26].

Рассматривая явление перехода *е* в *о*, В.Н.Сидоров убедительно показал, что этого перехода не было перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким. В современном русском литературном языке об этом свидетельствуют такие слова, как *бедренный, вепрь, гребля, дебри, дешевле, дремлет, желчь, землю, клеплет, кремль, легче, набедренник, пестрядь, разведрилось, серебряный, сестрин, теплится, треплется, шепчет*. Отклонения от такого произношения в словах *пёстренький, тёпленький, жёлтенький, ёмче, жёлчь* объясняются обобщением корневой гласной *'о*, выступающей в однокоренных словах: *пёстрый, тёплый, жёлтый, ёмкий* [йóмкъй]

---

[19] *Пожарицкая С.К.*, Указ. соч., с. 119.

[20] *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. – Энциклопедия славянской филологии, вып. 11, 1. Пг., 1915.

[21] *Якобсон Р.О.* Указ. соч., с. 582–583.

[22] Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М., 1947, с. 169.

[23] *Булатова Л.Н.* О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области. – Бюллетень Диалектологического сектора Иститута русского языка АН СССР, 1947, вып. 1, с. 64.

[24] *Орлова В.Г.* Говоры северо-восточной части Рязанской области. Там же, 1948, вып. 3, с. 48.

[25] *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, с. 80.

[26] *Филин Ф.П.* Говор д.Селино Дубенского р-на Тульской области (Фонетический очерк). – В кн.: Материалы и исследования по рус. диалектол., т. I. М.–Л., 1949, с. 291.

и т.д.[27] Таким образом, "исторически закономерным ... в положении перед сочетанием твердой согласной с мягкой необходимо признать произношение гласной *е*"[28]. Та же закономерность устанавливается В.Н.Сидоровым и для ёкающих говоров. В результате В.Н.Сидоров приходит к выводу: "Рассмотренные случаи отсутствия перехода *е* в *'о* перед соответствующими сочетаниями в слоге под ударением, а в севернорусских ёкающих говорах – и в предударном позволяют вывести общее заключение, что когда в русском языке происходило изменение *е* в *'о*, то этого изменения не было в положении перед твердыми согласными, за которыми следовали мягкие"[29]. Произношение же *'о* в этой позиции ([п'о]*стренький*, [с'о]*стре*) возникло под влиянием морфологической аналогии[30].

К подобным же выводам приходит и С.К.Пожарицкая: "... Материал северных говоров, имеющих чередование гласных в 1-м предударном слоге в зависимости от твердости или мягкости последующего согласного, с полной определенностью показывает, что лабиализации гласного перед сочетанием твердого согласного с мягким не происходило, как не было ее и перед мягкими согласными"; [31] "... говоры, в которых при чередовании *о/е* перед твердыми и мягкими согласными перед сочетанием согласных произносится то *о*, то *е*, позволяют считать фонетическим *е* и не дают подобных оснований для *о*"[32].

Итак, В.Н.Сидоров и С.К.Пожарицкая считают, что произношение ['о] перед сочетанием твердого и мягкого согласного нефонетического происхождения. Правда, В.Н.Сидоров не приводит примеров, где мягкий согласный в этом сочетании заднеязычный[33], а С.К.Пожарицкая приводит слишком мало таких примеров, чтобы можно было заметить иную закономерность.

Н.Б.Парикова, рассматривая подобные случаи в говорах с умеренным яканьем (которое, "как убедительно доказано В.Н.Сидоровым, ... соответствует системе северновеликорусского ёканья и является акающей перелицовской ёканья владимирско-поволжского типа"[34]), возражает против такой трактовки: "... произношение *а* наблюдается в тех же грамматических категориях, где обычно произношение *и*, а также в форме им.-вин. падежей мн. ч. существительных м.р. (*къч'атк'и́, в п'атк'и́, в'анк'и́, шарк'и́, жалтк'и́*). Поэтому морфологический подход к объяснению этого явления вряд ли правомерен"[35]. Приведенный материал говора д.Дуброва, Ченцев

---

[27] *Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка. М., 1966, с. 129–131.

[28] Там же, с. 131.

[29] Там же, с. 139.

[30] Там же, с. 131; *Он же.* Из русской исторической фонетики. М., 1969, с. 103, 105.

[31] *Пожарицкая С.К.* Указ., соч., с. 131.

[32] Там же, с. 124.

[33] В литературном языке (а В.Н.Сидоров рассматривает переход *е* в *о* и в литературном языке) таких примеров довольно много: *бабёнки, плётки, гребёнки, девчонки, четвёрки, тёрки, причёски, тётки, тёткин, блёстки, посерёдке, глазёнки, очёски, ошмётки, посёлки, о ребёнке, о милёнке, свёртки, напёрстки, желёзки* и т.п. Нет ни одного случая в литературном языке, чтобы в позиции перед сочетанием согласных "твердый + мягкий заднеязычный" на месте этимологических *е, ь* в старых русских словах произносилось бы под ударением [е], не перешедшее в [о].

[34] *Парикова Н.Б.* Указ. соч., с. 28–29.

[35] Там же, с. 20.

и с.Ивановского Рамешковского р-на Калининской обл. и говоров Чухломского р-на Костромской обл. полностью это подтверждает.

Действительно, возникновение перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным [о] в ёкающих говорах и [а] в говорах с умеренным яканьем можно, казалось бы, объяснить морфологической аналогией. Так, произношение типа *в'ът'оро́к, в'ът'орка́, в'ът'оркý, в'ът'орко́м* и др. в ёкающих говорах могло бы приводить к замене [е] на [о] в формах предл. падежа ед.ч и им. падежа мн.ч., если в этих формах раньше произносилось [е] : *на в'ът'орк'е́, в'ът'орк'и́*. Точно так же произношение типа *в'ът'аро́к, в'ът'аркý, в'ът'арко́м* и др. в говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным яканьем могло бы приводить к аналогичной замене [и] (или [е]) на ['а] в формах *на в'ът'арк'е́, в'ът'арк'и́*.

Однако подобное предположение должно быть отвергнуто по следующим соображениям. Если бы такое аналогическое выравнивание основы происходило, то оно должно было бы захватить не только слова, у которых в конце основы выступает сочетание согласных с последним мягким заднеязычным, но и слова, у которых в конце основы наблюдаются другие мягкие согласные. Так, формы *бр'овно́, т'опло́, бр'овна́, т'опла́, бр'овнý, т'оплý, бр'овно́м, т'опло́м* должны были бы вызвать формы типа *нъ бр'овн'е́, ф т'опл'е́, т'опл'е́й*, так же, как формы *бр'авно́, т'апло́, бр'авна́, т'апла́, бр'авнý, т'аплý, бр'авно́м, т'апло́м* должны были бы вызвать формы типа *нъ бр'авн'е́, ф т'апл'е́, т'апл'е́й* и т.п. Между тем в указанных говорах Рамешковского р-на произносится в словах подобного типа [е] : *нъ бр'евн'е́, ф т'епл'е́, т'епл'е́й*, а в говорах Чухломского р-на – [и] : *нъ бр'ивн'е́, ф т'ипл'е́, т'ипл'е́й*.

Поэтому возникновение произношения *на в'ът'орк'е́*, но *нъ бр'евн'е́, ф т'епл'е́* в ёкающих говорах и произношение на *в'ът'арк'е́*, но *нъ бр'ивн'е́, ф т'ипл'е́* в говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным яканьем надо связывать с фонетическими причинами.

Каковы же эти причины? А.А.Шахматов выдвинул гипотезу о том, что переход *е* в *о* был вызван лабиализующим воздействием следующего твердого и одновременно с этим лабиализованного согласного[36]. В примерах же типа *с'естр'е́, з'емл'е́* Шахматов видел свидетельство того, что зубные и губные в положении перед мягким согласным были прежде полумягкими[37].

Так же и О.Брок считал, что, несмотря на то, что в описанном им говоре из Тотемского у. Вологодской губ. в сочетании согласных, стоящих после предударного гласного, первая согласная может быть твердой при мягкости второй, ≪"мягкость" слога в историческом отношении доказывается тем, что его *е* не перешло в *'о* (*p'ekl'ú* и др.)≫[38].

Р.О.Якобсон приводит из ёкающего рогачевского говора (Дмитровский у. Московской губ.) примеры *л'егл'и́, п'екл'и́, т'екл'и́, б'егл'и́* (при *б'огла́*), где также нет перехода *е* в *о*, а между тем даже по мнению Шахматова *г, к* в общерусском языке в этом положении были твердыми. И Якоб-

---

[36] См.: *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка, с. 133–135.

[37] Там же, с. 179.

[38] *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. – Сб. ОРЯС, 1907, т. XXXIII, № 4, с. 85–87.

сон констатирует: "*е* (и *ь*) не лабиализовались в общерусском не только непосредственно перед мягким, но и тогда, когда следующий слог начинался с мягкого согласного"[39].

Ф.П.Филин, приведя из говора д.Селино, характеризующегося умеренным яканьем, примеры с "сочетанием согласных, последний из которых является мягким, первый же твердым", *ны з'имл'е́, з'имл'о́й, з'имл'а́, к с'истр'е́, у в'идр'е́, у т'ипл'е́, ны м'итл'е́, ны с'идл'е́, л'игл'и́, пыт'икл'и́, ны п'ик'е́, с'т'ир'игл'и́, б'ир'игл'и́, п'икл'и́, с'т'икл'а́най, иγн'о́нак, абл'ихч'ит'*, пишет: "... Сочетание согласных, оканчивающееся на мягкий, так же воздействует в данном случае на качество предшествующего гласного, как и мягкий согласный. Сочетание согласных с конечным мягким, таким образом, по отношению к предшествующему гласному первого предударного слога представляет собою единый фонетический комплекс"[40]. В другой работе Филин писал: "Твердые согласные в указанных сочетаниях никогда не были мягкими. Следовательно, мы имеем здесь дело со своеобразными звуковыми комплексами, такими сочетаниями двух согласных, которые ведут себя в данном случае как один согласный, причем определяющим является мягкий согласный"[41].

Но если, как считали Якобсон и Филин, дело не в первом согласном сочетании, а в последнем, то чем же вызывался переход *е* в *о* и почему его не было перед немягким согласным подобного сочетания?

В.Н.Сидоров ответил на это следующим образом: "... Когда в русском языке происходило изменение *е* в *'о*, то этого изменения не было в положении перед твердыми согласными, за которыми следовали мягкие. Это можно объяснить тем, что переход *е* в *'о* в древнерусском языке происходил перед лабиализованными (или лабио-веляризованными) согласными, каковыми твердые согласные были только в положении перед гласными заднего ряда и твердыми же согласными. Поэтому естественно, что *е* не изменилось в *'о* перед группой согласных, кончающейся мягкой согласной, так как согласная, находящаяся перед мягкой согласной, не была лабиализованной. Возможно, что эта согласная вместе с тем не была также и вполне твердой"[42].

Этому выводу, однако, противоречит описанная закономерность: сочетание согласных с первым твердым и последним мягким воздействует на предшествующий гласный как мягкий согласный, если последний согласный сочетания переднеязычный или губной (*с'естр'е́, м'едв'е́т'*), и как твердый согласный, если последний согласный сочетания заднеязычный (*оз'ор-к'и́*)[43]. Ведь если лабиализованность (или лабио-веляризованность) соглас-

---

[39] *Якобсон Р.О.* Указ. соч., с. 582–583.

[40] *Филин Ф.П.* Говор д.Селино Дубенского района Тульской области (Фонетический очерк). – Материалы и исследования по рус. диалектол., т. 1. М.–Л., 1949, с. 291.

[41] *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.–Л., 1962, с. 178.

[42] *Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка, с. 139.

[43] Указанная закономерность обнаруживается и при других чередованиях гласных. Так, в севернорусских говорах, знающих под ударением "переход *а* в *е*" между мягкими согласными, распространено слово *йе́стр'еп* (ястреб) (см., например: *Брок О.* Указ. соч., с. 15). Но перед сочетанием согласных с первым твердым, а последним мягким заднеязычным в таких говорах [а] сохраняется: *м'а́лк'и, пр'а́лк'и, тр'а́пк'и, р'а́ск'и* и т.п. В говорах, где на месте *ѣ* под ударением перед твердым согласным произносится [е], [ę] или [i̯е], а перед мягким [и], сочетания согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным функционируют как твердые: *б'е́лк'и, гр'е́лк'и, р'е́тк'ий, малол'е́тк'и* и т.п.

ного зависела от следующего звука – непереднего гласного или твердого согласного, который в свою очередь получил это качество от следующего гласного, – то перед мягким заднеязычным не мог стоять лабиализованный согласный. В связи с этим возникает необходимость пересмотра взглядов А.А.Шахматова на причины перехода *е* в *о* в русском языке как результата воздействия на *е* следующего лабиализованного согласного.

Рассмотренное выше явление возволяет косвенным образом установить закономерность фонетической системы диалектов, подробно описанную для литературного языка[44]. Так, в литературном языке позиция перед [к'] сильная для переднеязычных согласных: в этой позиции твердые и мягкие переднеязычные различаются; ср.: *ба́*[нк']*и* – *ба́*[н'к']*и*, *го́*[рк']*и* – *го́*[р'к']*и*, *ре́*[тк']*и* – *ре́*[т'к']*и*, *ма́*[ск']*и* – *Ва́*[с'к']*и* и т.п. Позиция же перед мягкими переднеязычными и губными слабая: почти все согласные не различаются в этой позиции по твердости – мягкости, они либо мягки в настоящее время, либо были мягки в прошлом[45].

Таким образом, перехода *е* в *о* не было перед сочетанием согласных с последним мягким переднеязычным и зубным потому, что и первый согласный этого сочетания был нетвердым.

Способность смягчать предыдущие согласные у переднеязычных и губных и отсутствие такой способности у заднеязычных кроется не в особенностях их фонетической мягкости, а в их фонологическом статуте. Мягкость переднеязычных и губных согласных была фонологически существенна, а у заднеязычных согласных фонологически несущественна, позиционно обусловлена. Из этого следует, что при рассмотрении вопроса о различных фонетических изменениях должна учитываться не только фонетическая, но и фонологическая сторона явления.

Особое место в фонетической системе литературного языка занимают ⟨л⟩ – ⟨л'⟩. Для них сильной является позиция перед всеми мягкими согласными кроме ⟨л'⟩ и ⟨j⟩. Таково же положение в описанном говоре Рамешковского р-на Калининской обл., как и во многих подобных ёкающих говорах. Обнаруживается это в следующем. Зависимость предударного [о] или [е] (на месте *е*, *ь*) от твердости или мягкости следующего согласного наблюдается здесь не только после мягких согласных (*с'оло́ – ф с'ел'е́*), но и после твердых шипящих: *жона́, жоны́, жону́, ж жоно́й, жона́тый, шошна́ъ̄т', жорло́, р'ьшото́, жолто́к, шосто́й, шосто́к, жолу́дък, ушоло́н* (эшелон), *ф'ьршола́; – жен'е́, жен'и́х, жен'и́лсъ, шес'т'и́, шес'со́т*. В соответствии с описанной выше закономерностью здесь произносится *на шоск'е́* (на шестке), *жолк'и́* (желтки). Однако [о] после твердого шипящего произносится не только перед [л], за которым следует [к'], но и перед [л], за кото-

---

[44] Наиболее полно это описание см.: *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956, с. 170–171, 174–182; *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967, с. 91–100, 324–327.

[45] О прошлой нетвердости ныне твердых согласных перед мягкими переднеязычными и губными есть немало свидетельств. См., например: *Кошутић Р.* Грамматика руског језика. 1. Гласови. Пг., 1919, с. 157–158; *Грот Я.К.* Труды Я.К.Грота. II. Филологические разыскания. СПб, 1899, сс. 222, 241–243; *Шахматов А.А.* Указ. соч., с. 180; *Князевская О.А.* К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. – Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. VIII. М., 1957, с. 172–173.

рым следуют и другие мягкие согласные: *жолв'ак, Жолн'ýха* (топоним), *пъжолт'ёл'и*.

Но есть и различие между говорами и литературным языком. Так, в литературном языке губные согласные перед мягкими заднеязычными сейчас твердые, хотя недавно еще произносились мягко: *лá*[п'к']*и, дé*[ф'к']*и, сё*[м'г']*е* и т.п. Позиция эта для губных слабая. В говорах же, судя по рассмотренному явлению, позиция эта в период формирования ёканья была для губных согласных сильной: перед твердым губным, за которым следовал мягкий заднеязычный, переход *е* в *о* происходил.

Рассмотрение фонетических закономерностей привело нас к установлению закономерностей фонологических, без учета которых невозможно решение проблем исторической фонетики.

Н.Н. ПШЕНИЧНОВА

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТЯЖЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ

(о комплексном подходе к исследованию языковых явлений)

В лингвистической географии для выявления и интерпретации ареалов в ряде случаев используются статистические методы. Статистический анализ материала, осуществляемый в таких целях, должен быть очень тесно связан с его лингвогеографическим анализом.

С одной стороны, статистический анализ может исходить из лингвогеографического, хотя и проводится затем вне территориального аспекта. Так, выбор говоров и признаков для статистического анализа может определяться лингвогеографической картой.

С другой стороны, результаты статистического анализа, отраженные на лингвогеографической карте, позволяют выявить "статистические ареалы" изучаемого признака, т.е. ареалы, каждый из которых включает в себя говоры с близкими количественными характеристиками.

Сопоставление статистической и лингвогеографической характеристик явления позволяет более объективно и обоснованно интерпретировать ареалы. Такое сопоставление является взаимопроверкой результатов лингвогеографического и статистического анализа и основой для выводов как в синхроническом, так и диахроническом (ретроспективном и проспективном) плане.

В качестве примера комплексного подхода к исследованию языковых явлений может быть рассмотрено стяжение гласных в глаголах и прилагательных в русских говорах методами лингвогеографическим и статистическим.

Стяжение в русских говорах уже было предметом специальных исследований[1]. Комплексный анализ – лингвогеографический и статистический – позволяет продолжить разработку данной проблемы.

---

[1] *Коготкова Т.С.* Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. Автореф. канд. дис. Л., 1953; *Она же.* Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологическим категориям. – В кн.: Материалы и ис-

В современных русских говорах стяжение представляет собой явление морфологизованное, в связи с чем оно рассматривается отдельно в разных частях речи.

Известно, что стяжение в русских глаголах неодинаково по происхождению. Общепризнанным является тот факт, что стяжение по-разному возникало в севернорусских говорах, с одной стороны, и среднерусских, с другой. При этом историческая интерпретация стяжения у разных исследователей не совпадает. В частности, С.В. Бромлей, наиболее подробно исследовавшая фонетические условия стяжения, показала, что в разных звуковых сочетаниях и разных говорах стяжение возникало либо как фонетический процесс (севернорусские говоры), либо нефонетическим путем (среднерусские говоры)[2]. Бромлей убедительно показала, что в современных русских говорах стяженные формы глаголов имеют неодинаковый морфологический статус: в одних говорах они являются вариантами форм I спряжения и сосуществуют с другими вариантами форм I спряжения, в других можно выделить III спряжение как особую парадигму[3]. В то же время известно большое число говоров, в которых системы I и III спряжений у глаголов одного и того же класса находятся в таких отношениях (при сосуществовании вариантов форм стяженных и нестяженных без [й]), что определение типа спряжения в таких говорах представляет собой большую сложность[4].

Исходя из указанных результатов Бромлей, задачи первого этапа исследования можно сформулировать следующим образом: 1) выделить говоры, которым свойственно стяжение; 2) противопоставить говоры, в которых стяженные формы следует рассматривать как варианты форм I спряжения, таким говорам, где формы с полным стяжением образуют особую парадигму – III спряжение.

Первая задача решается методом лингвистической географии. В результате картографирования выявляются говоры со стяжением в формах глаголов типа *работ́ат, знат, белет.* Они образуют два больших ареала: один – бо́льшая часть севернорусских говоров, другой – в среднерусских акающих говорах[5].

Вторую задачу только методом лингвистической географии решить

следования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II. М., 1961; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970; *Бромлей С.В.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия. ОЛА. Материалы и исследования. 1970. М., 1972; *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[2] Основные точки зрения изложены в работах: *Коготкова Т.С.* Утрата интервокального *j*..., с. 9; Образование севернорусского наречия..., с. 175–176 (раздел написан Орловой В.Г.); с. 330–331 (раздел написан Захаровой К.Ф.); *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 126–132.

[3]

1 л.ед.ч.	*знај-у*	*умеј-у*	*работај-у*
2 л.ед.ч.	*зна-ш*	*уме-ш*	*работа-ш*
3 л.ед.ч.	*зна-т*	*уме-т*	*работа-т*
1 л.мн.ч.	*зна-м*	*уме-м*	*работа-м*
2 л.мн.ч.	*знај-ете*	*умеј-ете*	*работај-ете* / *работа-те*
3 л.мн.ч.	*знај-ут*	*умеј-ут*	*работај-ут*

[4] *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Указ соч., с. 199.

[5] Характеристика ареалов стяжения подробно дана в работах, указанных в сн. 1.

невозможно. Лингвогеографическая карта показывает, что говоры, которые характеризуются наибольшей мощностью III спряжения, образуют четкий ареал на юго-востоке территории стяжения, т.е. в восточных среднерусских (акающих) говорах. Пестрота же остальной части зоны утраты интервокального [й] и стяжения свидетельствует о том, что ни для одного класса глаголов, в которых представлено сосуществование стяженных форм и нестяженных без [й], методом лингвистической географии нельзя провести границу между говорами с III спряжением и такими, где стяжение – "живой" процесс[6], так как отмечается большое количество говоров с сосуществованием вариантов стяженных и нестяженных без [й] и эти варианты представлены по говорам разным числом примеров.

Возникает необходимость ввести такое правило, по которому можно считать сосуществование вариантов качественно различным в зависимости от его разной количественной характеристики, т.е. необходимо определить, при каком количественном соотношении стяженных вариантов и нестяженных без [й] говоры можно присоединить к таким, в которых отмечено только стяжение (*рабо́тат, знат, беле́т* и.т.п.), т.е. отмечено III спряжение, и при каком соотношении – к говорам, в которых сосуществующие варианты могут быть рассмотрены как отражающие "живой" процесс.

Для решения такой задачи необходимо провести статистический анализ материала (вне территориального аспекта). Таким образом, вывод о необходимости статистического анализа возникает в результате анализа лингвогеографического.

Статистическому анализу подвергается не весь материал, отражающий сосуществование вариантов стяженных и нестяженных без [й]. Отбор признаков, по которым материал анализируется статистическим методом, также производится на основании выводов лингвогеографического анализа. Именно картографирование обнаруживает, что статистическим методом следует анализировать лишь сочетания ⟨айе⟩ и ⟨ейе⟩ (*рабо́тает, зна́ет, беле́ет* и т.п.). Для глаголов же типа *мо́ет, торгу́ет* необходимость в статистическом анализе не возникает, так как в этих глаголах стяженные формы (*мот, торгу́т* и т.п.) и нестяженные без [й] (*мо́эт, мо́от, торгу́эт, торгуот* и т.п.) территориально строго разграничены.

Статистически анализировался только тот материал, который отражает сосуществование стяженных вариантов и нестяженных без [й], т.е. сосуществование тех признаков, по которым устанавливается, отмечено ли в говоре III спряжение или стяжение может быть рассмотрено как "жи-

---

[6] Термином "живой" процесс будем называть условно сосуществование стяженных и нестяженных вариантов как вариантов форм I спряжения, имея в виду, что сосуществующие варианты отражают "разные стадии некогда имевшего место фонетического процесса" (*Бромлей С.В.* Указ соч., с. 123–124; ср. также: *Коготкова Т.С.* Стяжение гласных..., с. 78). Варианты без [й] и без стяжения (*знаэт, знаат* и т.п., *работаэт, работаат* и т.п., *болеэт* и т.п.) независимо от числа примеров, которыми они представлены, при отсутствии стяженных форм также свидетельствуют о том, что говору свойственно стяжение как процесс. Небольшое число примеров может быть связано с недостаточной активностью процесса или объясняться неполнотой ответа (такие ответы, когда единичные в говоре варианты нестяженных форм без [й] отмечены, а типичные для говора – стяженные – не приводятся, маловероятны).

www.ruslang.ru

Таблица 1

Тип глаголов	Интервал относительной частоты стяженных форм		
	I	II	III
работат	0,08–0,39	0,39–0,66	0,66–0,94
знат	0,04–0,34	0,34–0,65	0,65–0,96
белет	0,17–0,39	0,39–0,62	0,62–0,83

вой" процесс. Варианты с [й] расцениваются как элементы сосуществующей (в части говоров) системы спряжения, совпадающей с литературной.

Статистический анализ показал, что стяжение для всех трех классов глаголов (типа *рабо́тат, знат, беле́т*) в статистическом смысле имеет одинаковый характер: оно относится к таким явлениям, для которых характерно постепенное изменение относительной частоты изучаемого признака, и, следовательно, границу между говорами, в которых можно выделить III спряжение, и говорами, где стяжение – "живой" процесс, можно провести лишь условно. Такой тип явления мы условно называем континуальным в отличие от дискретного типа, который характеризуется тем, что выделяются группы говоров, однородных по относительной частоте изучаемого признака[7].

Относительная частота стяженных форм у глаголов типа *рабо́тает* изменяется по говорам в диапазоне 0,08–0,94, у глаголов типа *зна́ет* – в диапазоне 0,04–0,96, у глаголов типа *беле́ет* – в диапазоне 0,17–0,83.

Диапазон изменения относительной частоты стяженных форм для каждого класса глаголов делится на три интервала[8]. Эти интервалы представлены в табл. 1.

Для каждого из трех интервалов частот вводятся условные обозначения, и результаты анализа отражаются на карте. Таким образом, оказываются выявленными "статистические ареалы" стяжения в глаголах.

После того, как проведен статистический анализ, формулируется правило, по которому стяженные формы можно считать парадигмой III спряжения. Правило формулируется безотносительно к территориальному распределению стяженных форм.

Прежде, чем сформулировать такое правило, необходимо отметить, что было бы ошибочным рассматривать как отражение III спряжения все такие материалы, в которых стяженные формы зафиксированы как единственные. Так, если стяженные формы приведены как единственные, но

[7] Метод определения "статистического типа" явления (дискретный или континуальный) подробно излагается в работах: *Пшеничнова Н.Н.* Лингвистическое картографирование на основе анализа материала статистическим методом. – В кн.: Исследования по русской диалектологии М., 1973; *Она же.* Статистический анализ многочленного диалектного соответствия. – ВЯ. М., 1973; *Pshenichnova N.N.* Data statistical analysis as a basis for identification of linguogeographical areas. – In: Symposium: Mathematical processing of cartographic data. Tallinn, 1979. В этих работах дискретный тип и континуальный называются соответственно первый и второй статистический тип.

[8] Относительную частоту, стоящую на границе интервалов, условимся относить каждый раз к предыдущему интервалу.

примеры стяжения единичны, они действительно, могут быть единичными в говоре (например, высокочастотные слова со слабой смысловой нагрузкой, близкие к служебным, в особых ритмико-интонационных условиях[9]). Нестяженные формы, могут быть при этом просто незафиксированными. Какое же число примеров следует считать единичностью? При работе над "Диалектологическим атласом русского языка" авторы его пришли к выводу, что это число не должно быть всегда одним и тем же. Определить это число в каждом конкретном случае позволяет картографирование, т.е. лингвогеографический анализ материала. Необходимо проанализировать, какое количество примеров с изучаемым признаком наиболее часто приводится в говорах тех населенных пунктов, которые единично разбросаны за пределами основных ареалов явления. Для стяжения в глаголах – это один или два. Такое количество примеров – один или два – условно и принимается за единичность.

Представляется логичным сформулировать "статистическое правило" следующим образом. III спряжение как особая парадигма условно может быть выделено: во-первых, в тех говорах, в которых отмечены только стяженные формы, причем представленные не одним или двумя, а несколькими (тремя или более) примерами; во-вторых, в говорах, в которых при сосуществовании стяженных форм и нестяженных без [й] относительная частота стяженных форм входит в интервал наибольших значений частот (третий интервал – см. табл. 1). Как видно из табл. 1, эти значения для разных классов глаголов могут не совпадать.

Второй этап исследования заключается в сопоставлении результатов статистического и лингвогеографического анализов. Такое сопоставление служит взаимопроверкой полученных результатов и в то же время позволяет сделать некоторые выводы.

Характер территориального расположения статистических ареалов, т.е. лингвогеографический аспект, показывает правомерность условного выделения интервалов относительных частот стяжения и введенного статистического правила определения говоров с III спряжением. Говоры, относящиеся к разным интервалам частот стяженных форм, территориально распределяются таким образом, что входящие в интервал наивысших значений частот как правило примыкают к говорам, где отмечено только стяжение, говоры, относящиеся к интервалу самых низких частот стяженных форм, в большинстве случаев – территориально рядом с теми, где отмечены только нестяженные варианты без [й]. Таким образом, лингвогеографическая характеристика статистических ареалов позволяет считать, что говоры, входящие в интервалы самых высоких значений частоты, правомерно отнесены к говорам с III спряжением: на карте они "сгущают" III спряжение, заполняя пустоты в ареале III спряжения в средне-

---

[9] В качестве единичного примера с -⟨á⟩- из -⟨áje⟩- в большинстве ответов дается форма 3 л.ед.ч. глагола *знать*, одного из наиболее частотных слов в русском литературном языке, самого частотного из глаголов с основой на -⟨áj⟩-. Чаще всего приводятся словосочетания "кто знат", "кто е знат", в которых стяженные формы могут "относиться к области фразеологии" (*Высотский С.С.* Говоры юго-западного Подмосковья. Канд. дис. М., 1941, с. 132; *Коготкова Т.С.* Стяжение гласных..., с. 91). В качестве единичного примера с -⟨а⟩- из -⟨аje⟩- в большинстве случаев отмечены формы глагола *думать*, также самого частотного из глаголов с основой на -⟨аj⟩-.

русских говорах и для разных классов глаголов в разной степени сгущая полосу полного стяжения в севернорусских говорах. Следовательно, лингвогеографический анализ подтверждает правомерность введенного нами статистического правила.

С другой стороны, правило выделения говоров с III спряжением, т.е. результаты статистического анализа, позволяют внести некоторое уточнение в оценку лингвогеографических ареалов. Так, в отдельных севернорусских говорах зафиксированы только стяженные формы (причем более всего это формы глаголов типа *работать*, несколько менее – типа *знать*, еще менее – типа *белеть*). С.В. Бромлей отмечает, что "для современных с.-р. (северно-русских. – *Н.П.*) говоров, знающих стяжение, не характерны такие, где было бы представлено только выпадение интервокального [й] (а также какая-либо из стадий ассимиляции гласных) или только конечный результат – стяжение. Все стадии процесса обычно представлены в одном говоре"[10]. Употребление в севернорусских говорах стяженных вариантов и нестяженных без [й], по мнению Бромлей, подчинено ритмико-интонационным особенностям структуры речи[11]. Сопоставление результатов лингвогеографического и статистического анализов позволяет думать, что это утверждение, возможно, следует относить не ко всем севернорусским говорам, а лишь к некоторым из них. В этой связи интересно отметить, что карта ДАРЯ обнаруживает разрежение стяженных форм примерно в тех говорах, в которых отмечается слабая двухступенчатость редукции гласных предударных слогов ("рубленая" речь[12]). Говоры же, в которых отмечены только стяженные варианты, вместе с говорами, входящими в интервал наибольших частот стяжения, образуют территорию, достаточно определенно противопоставленную области разреженного распространения стяженных форм: полоса этих говоров опоясывает с юга, запада и севера северо-восточный ареал разреженного распространения стяжения. Это дает основание полагать, что в этих севернорусских говорах стяженные варианты (конечный результат фонетического процесса стяжения) являются равноправным членом междиалектного соответствия, представляющего систему спряжения глаголов типа *работать, знать*, т.е. стяженные варианты в этих говорах употребляются как нейтральные, позиционно не обусловленные и могут быть также рассмотрены как особая парадигма – III спряжение.

Таким образом, именно сопоставление результатов статистического и лингвогеографического анализов позволило не только выделить говоры с III спряжением, но и выявить тот факт, что III спряжение как особая парадигма может быть результатом неодинаковых языковых процессов. Так, если в одних говорах III спряжение возникло нефонетическим путем (что логично обосновано Бромлей[13]), то в других говорах, а именно во многих севернорусских, III спряжение – это конечный этап стяжения как фонетического процесса. В этих говорах изменение на одном уровне –

---

[10] *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 125.

[11] Там же.

[12] Ср.: *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973, с. 36.

[13] *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 126–132.

фонетическом – вызвало изменение на другом, более высоком уровне – морфологическом.

Лингвогеографическая характеристика статистических ареалов позволяет выдвинуть новую гипотезу относительно неодинакового характера распределения говоров с сосуществованием стяженных вариантов и нестяженных без [й] на разных территориях: в северной части территории стяжения относительная частота стяженных форм меняется постепенно (континуальный тип), в южной – такие говоры образуют однородную группу с большим значением средней относительной частоты стяжения (дискретный тип). Проверка гипотезы осуществляется статистическим методом отдельно для говоров каждой части территории, выделенных лингвогеографическим методом. Полученные результаты свидетельствуют о том, что данную гипотезу отвергнуть нельзя, и это хорошо согласуется с мнением исследователей о неодинаковом происхождении стяжения в говорах разных территорий.

Результаты статистического анализа позволяют более детально, чем это было возможно без статистики, рассмотреть характер сосуществования вариантов стяженных и нестяженных без [й]. Рассмотрим некоторые из этих результатов.

Распределение числа говоров с сосуществованием по интервалам частот стяжения в глаголах типа *рабо́тает* и типа *зна́ет* представлено в табл. 2.

Приведенные цифры позволяют увидеть различие в тенденции распределения говоров с сосуществованием по интервалам частот: для глаголов типа *зна́ет* менее всего говоров, входящих в третий интервал (их 105, т.е. 18,3% от общего числа 575), а именно в них выделяется III спряжение; более всего таких, в которых относительная частота стяжения самая низкая, т.е. в которых соответственно самая высокая относительная частота нестяженных форм без [й], отражающих промежуточные этапы стяжения (их 323, т.е. 56,2%). Таким образом, для глаголов типа *зна́ет* более всего таких говоров, в которых процесс стяжения наименее близок к завершению.

Для глаголов типа *рабо́тает* наблюдается противоположная тенденция: более всего таких говоров, где доля стяжения самая высокая (их 186, т.е. 40,1% от общего числа 464) – в них выделяется III спряжение. Следовательно, в глаголах типа *работает* процесс стяжения в целом по говорам более завершен.

Цифры, приведенные в табл. 2, обнаруживают качественное различие между классами глаголов типа *рабо́тать* и типа *знать* по степени продвинутости процесса стяжения к завершающему этапу (в смысле числа говоров, для которых стяженные варианты являются типичными и могут быть рассмотрены как особая парадигма – III спряжение).

О том же свидетельствуют и числа, отражающие общее количество говоров с сосуществованием: в глаголах типа *рабо́тает* таких говоров меньше (их 464), в глаголах типа *зна́ет* – их существенно больше (575). При этом говоров, где только стяженные формы, для глаголов типа *рабо́тает* существенно больше, чем для глаголов типа *зна́ет*. Это соотношение также отражает тот факт, что процесс стяжения в безударном сочетании (*рабо́тат*) в целом по говорам более близок к завершению, т.е. к полному стяжению, чем в ударенном (*знат*).

Таблица 2

Тип глаголов	Интервалы частот			Σ
	I	II	III	
работает	111 (23,9%)	167 (36%)	186 (40,1%)	464 (100%)
знает	323 (56,2%)	147 (25,6%)	105 (18,3%)	575 (100%)

Приведенное соотношение показывает в то же время, что общее количество говоров, в которых отмечены стяженные варианты – только стяженные или наряду с нестяженными без [й], – для обоих классов глаголов (*рабо́тает* и *зна́ет*) примерно одинаково. Это подтверждает справедливость положения о том, что классы глаголов типа *рабо́тает* и типа *зна́ет* по наличию или отсутствию у них стяженных форм не обнаруживают по говорам заметных расхождений[14], но именно только по наличию или отсутствию стяженных вариантов. Статистический анализ выявил, что по количественному соотношению стяженных вариантов и нестяженных без [й] расхождения между этими классами глаголов существенны. Это важно, по крайней мере, в двух отношениях: во-первых, в связи с вопросом о происхождении стяжения в глаголах и прилагательных, и во-вторых, в связи с вопросом о развитии категории III спряжения.

Расхождения между классами глаголов типа *рабо́тает* и типа *зна́ет* обнаруживаются главным образом за счет севернорусских говоров, так как в среднерусских в большинстве случает в обоих классах глаголов варианты форм стяженных и нестяженных без [й] совпадают. Это позволяет считать, что данные статистического и лингвогеографического анализов подтверждают вывод о фонетическом происхождении стяжения в севернорусских говорах, детализируя и уточняя характеристику фонетического процесса[15], и согласуются с выводом о нефонетическом происхождении стяжения в среднерусских говорах.

Выше было сказано, что материал, относящийся к глаголам с основой на -(о́j)-, -(у́j)- статистически не анализировался, так как стяженные вариан-

[14] *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 119.

[15] Выводу о фонетическом происхождении стяжения в севернорусских говорах не противоречит и тот факт, что нестяженные варианты без [й] в ряде случаев при наличии в говоре стяженных вариантов могут объясняться влиянием литературного языка (ср.: *Коготкова Т.С.* Утрата интервокального *j*..., с. 8): приведенные цифры свидетельствуют и о том, что такому влиянию глаголы типа *знает*, очевидно, подвержены сильнее, чем глаголы типа *работает*. Это значит, что замена стяженных вариантов нестяженными происходит в последовательности, обратной той, в которой осуществляется стяжение: у глаголов с безударным сочетанием -(айе)- дольше сохраняются стяженные варианты форм (стяжение в них происходит быстрее), у глаголов с ударенным сочетанием -(а́йе)- стяженные варианты форм легче заменяются нестяженными (стяжение в этих глаголах протекает медленнее, дольше сохраняются нестяженные варианты форм). Такая закономерность может быть связана с ритмико-интонационной структурой речи и объясняться, в частности, тенденцией к унификации ритмической структуры конца слова (ударенный слог + безударный: *рабо́тат, зна́эт*).

ты и нестяженные без [й] у этих глаголов территориально четко разграничены. Стяженные варианты отмечаются на юго-востоке зоны стяжения или утраты интервокального ⟨j⟩, занимая центральную часть основного массива стяжения (в акающих восточных среднерусских говорах). Нестяженные без [й] распространены в большой степени (пестрый ковер отдельных ареалов и островков) в севернорусских говорах, в пределах той их части, где отмечается разрежение стяженных форм и у других глаголов с основой на *Vj*. Существенно, что между первыми и вторыми лежит полоса таких говоров, где не отмечены ни стяженные варианты форм этих глаголов, ни нестяженные без [й], в то время как формы типа *рабо́тат* и типа *знат* в тех же говорах отмечаются последовательно. Это северная часть Владимирско-Поволжских говоров.

Доводы С.В. Бромлей в пользу гипотезы о нефонетическом развитии стяжения в среднерусских говорах логичны и убедительны. Карты ДАРЯ, как нам кажется, позволяют внести в эту гипотезу лишь некоторые уточнения.

Не во всех среднерусских говорах результаты заимствования оказались одинаковыми. Так, во Владимирско-Поволжских, как наиболее близких к источнику заимствования, результат более всего соответствует "оригиналу" (стяжение отмечается в сочетаниях -⟨aje⟩-, -⟨áje⟩-, -⟨éje⟩-; отмечаются и промежуточные ступени, хотя и редко). Чем дальше распространяется волна влияния, тем более преобразованным оказывается его результат. Возможно, что воздействие севернорусских говоров со стяжением – фонетическим процессом на говоры, более южные, проходило как бы поэтапно, при этом Владимирско-Поволжские явились в некотором смысле говорами-посредниками. Эти говоры, хотя и восприняли стяжение главным образом в тех вариантах, которые наиболее контрастны нестяженным[16], но все-таки лишь в сочетаниях, где есть стяжение и в севернорусских. По всей вероятности, поэтому во Владимирско-Поволжских отмечено стяжение сочетаний -⟨aje⟩-, -⟨áje⟩- и реже -⟨éje⟩- (*рабо́тат, знат, белéт* и т.п.) и не отмечено стяжения или утраты [й] в сочетаниях -⟨óje⟩-, -⟨ýje⟩- (*мот, торгýт* и т.п.).

Далее, через Владимирско-Поволжские говоры, стяжение, очевидно, уже нефонетическим путем проникло в говоры более южные, среднерусские акающие. В результате возникли говоры, которые стали как бы "ядром стяжения", поскольку именно здесь стяжение отмечено во всех классах глаголов I спряжения на *Vj*. Это "ядро стяжения" составляет небольшая (относительно всей зоны) группа на юго-востоке восточных среднерусских акающих говоров.

В результате образовались два центра III спряжения (разного по происхождению), каждый из которых теперь уже сам влияет на соседние говоры (в некоторых случаях это влияние оказывается перекрестным). При этом фонетический по происхождению процесс очень рано морфологизуется. Так, в севернорусских говорах отмечаются отдельные случаи стяжения типа *мот, торгут*, невозможные фонетически[17], и в то же время в таких, например, случаях, как *в сарае* стяжение не отмечено. С другой стороны,

[16] *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 128.
[17] *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 115.

аналогическое развитие стяженных форм оказалось возможным на почве местного заударного вокализма[18]: на периферии "ядра стяжения" (важно отметить, что именно на периферии, а не совпадая с ним) возникли формы типа *рабо́ту, рабо́тут,* образовав новую парадигму *рабо́ту, рабо́таш,... рабо́тут,* которая может быть рассмотрена уже как результат влияния говоров "ядра стяжения", с одной стороны, и тех, где стяжение отмечено только в глаголах типа *рабо́тат, знат,* с другой[19].

Материал, отражающий стяжение в прилагательных, статистически не анализировался, так как говоры, в которых отмечено сосуществование стяженных форм и нестяженных без [й], очень редки.

Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в целом позволяет предполагать, что и в прилагательных стяжение возникало как процесс фонетический[20]. Во-первых, карты ДАРЯ отражают практически полное совпадение зоны стяжения или утраты интервокального ⟨j⟩ у глаголов и прилагательных (в том числе и области разреженного распространения стяженных вариантов в Вологодских говорах). Кроме того, в пользу гипотезы о фонетическом происхождении стяжения в прилагательных говорит и та общая тенденция развития стяжения, которая выявилась в результате статистического анализа стяжения в глаголах.

Основываясь на данных лингвогеографического анализа, исследователи полагают, что стяжение в формах прилагательных и в формах глаголов существенно различно в том отношении, что в прилагательных "значительно шире и последовательнее осуществляется стяжение в формах с безударными сочетаниями (*до́бр* [айа], *стар* [айа] и др.), чем в формах с ударенными (больш[а́йа], *сыр*[у́йу]); у глаголов формы с ударенными и безударными сочетаниями не проявляют резких расхождений"[21]. Статистический анализ материала, относящегося к формам глаголов, показал, что в плане сравнения ударенных и безударных сочетаний нельзя говорить о большом контрасте между прилагательными и глаголами: статистический анализ обнаружил в глаголах ту же тенденцию, что и в прилагательных. Об этом свидетельствуют данные табл. 2. Эта тенденция, обнаруженная статистическим методом, при наличии изоморфизма ареалов стяжения в глаголах и прилагательных (а это уже аспект лингвогеографический) является доводом в пользу гипотезы об общности происхождения стяжения в обеих категориях. Возможно, что в прилагательных, как и в глаголах, стяжение в севернорусских говорах возникало как процесс фонетический[22].

Различного рода расхождения в результатах стяжения у глаголов и прилагательных[23] могут свидетельствовать о том, что, фонетический

---

[18] Образование севернорусского наречия..., с. 330–331.

[19] Морфологическую интерпретацию этой парадигмы см.: *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 131–132.

[20] С.В. Бромлей рассматривает стяженные формы прилагательных как факты, лишь внешне совпадающие со стяжением, и объясняет их как сохранившиеся в говорах со стяжением именные формы (См.: *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 119–123.

[21] *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 119. См. также: *Коготкова Т.С.* Стяжение гласных., с. 80;

[22] Ср: Образование севернорусского наречия. . , с. 176.

[23] Ср., например, отсутствие у прилагательных в большей части говоров промежуточных этапов, случаи [оо] в Им. падеже ед. числа ср. рода при [ое] в глаголах, некоторые расхождения между ударенными и безударными.

по происхождению, процесс стяжения был с самого начала морфологизованным. Кроме того, такие расхождения могут объясняться и воздействием на прилагательные местоименного склонения. Последнее всегда играло большую роль в развитии склонения прилагательных, и многие изменения в прилагательных идут параллельно с изменениями в местоимениях. В частности можно обратить внимание на тот факт, что стяженные формы во многих говорах отмечаются лишь в местоименных прилагательных *како́й, тако́й*[24], что также может свидетельствовать в пользу гипотезы о существенности роли местоименного склонения в развитии стяженных форм у прилагательных.

Рассмотренный пример позволяет считать, что комплексный подход к изучению языковых явлений можно рассматривать как эффективный способ исследования. Целесообразно применять в комплексе и другие методы анализа, при этом необходимо развивать не только сами методы исследования, но, что является чрезвычайно существенным, необходимо развивать способы сравнения результатов, полученных разными методами.

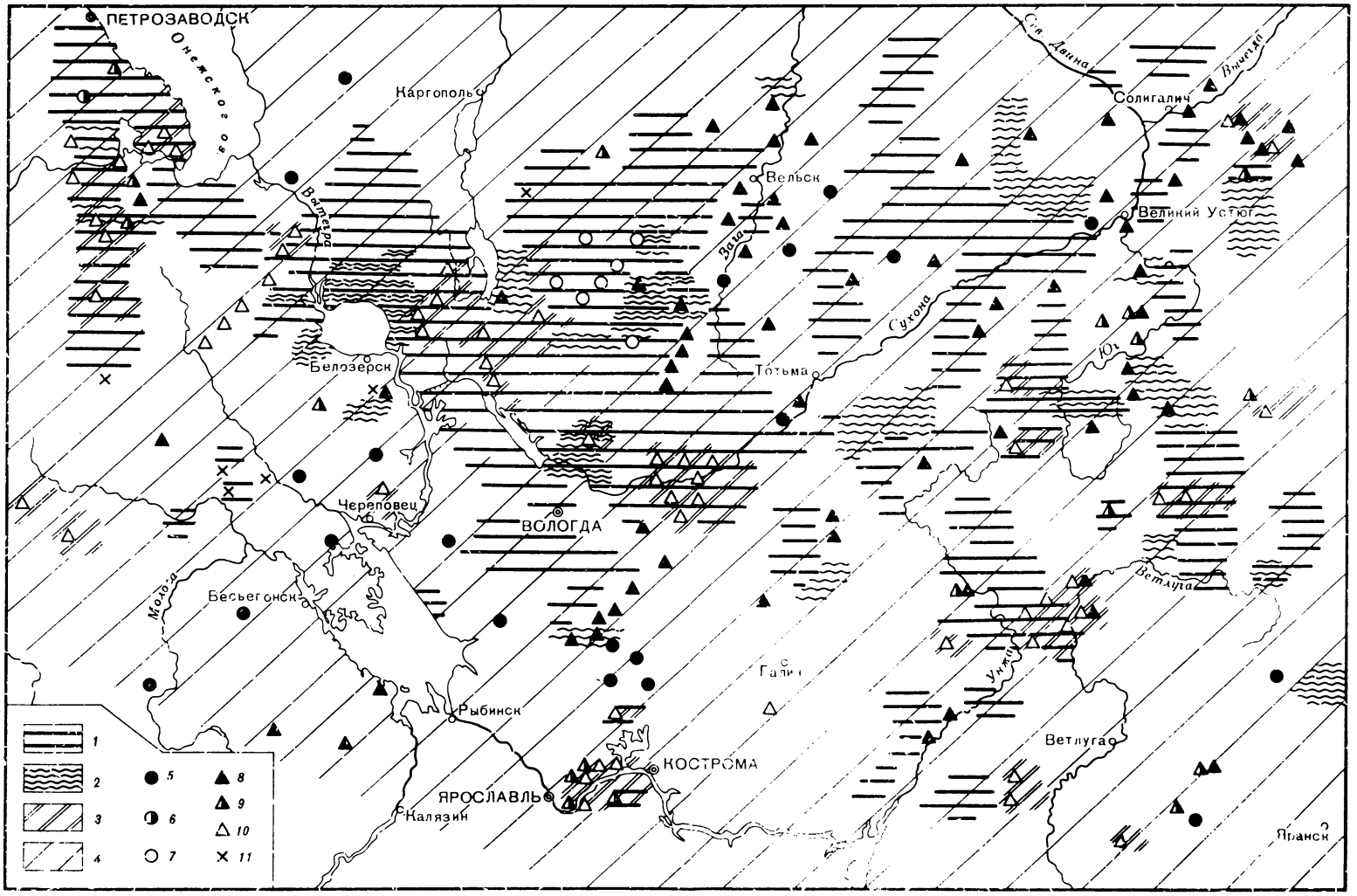
А.И. СОЛОГУБ

О СИНКРЕТИЗМЕ ФОРМ В СКЛОНЕНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ПО ДИАЛЕКТНЫМ ДАННЫМ

Проведенное к настоящему времени широкое обобщение диалектных данных русского языка позволяет наряду с описанием отдельных структурных звеньев выделить также некоторые общие закономерности и тенденции существования и развития русских говоров. Так, к числу наиболее важных направлений в развитии системы склонения говоров русского языка на территории Европейской части СССР[1] относится падежный синкретизм в склонении существительных женского рода. Процесс образования синкретических форм с исторической точки зрения является результатом общего направления в развитии русских говоров, так как наличие подобных форм, образованных на различной основе при их реализации, свойственно всем русским говорам изучаемой территории. Так, на широкой части территории, включающей южное наречие русского языка и большую часть среднерусских говоров, можно наблюдать употребление общей формы родительного–дательного–предложного падежей с окончанием *-е* исторически обобщенной по типу форм дательного-предложного падежей у существительных женского рода 1-го типа склонения *у жене́, к жене́, о жене́* и под. По территории Западной диалектной зоны с различной степенью интенсивности имеет распространение форма Р–Д–П падежей тех

[24] "Возможно, что это связано с частой употребительностью данных слов в речи вообще и со слабой смысловой нагрузкой их" (*Коготкова Т.С.* Утрата интервокального *j*. . , с. 12).

[1] Имеется в виду территория, обследованная для составления диалектологических атласов русского языка.

Карта 1. Звуки в соответствии (в) перед согласными в середине слова

1 – 3 – перед звонкими и глухими согласными: *1* – [ў] *пра*[ў]*но* и т.п.; *тра*[ў]*ка*, *о*[ў]*са* и т.п., *2* – [w] *пра*[w]*да*, *да*[w]*но* и т.п.; *тра*[w]*ка*, *о*[w]*са* и т.п., *3* – [в] *про*[в]*да*, *да*[в]*но* и т.п.; *тра*[в]*ка*, *о*[в]*са* и т.п.; *4* – [в] перед звонкими согласными, [ф] перед глухими согласными: *пра*[в]*да*, *да*[в]*но* и т.п.; *тра*[ф]*ка*, *о*[ф]*са* и т.п.; *5*, *7*, *9* – только перед звонкими согласными: *5* – [ў], *7* – [w], *9* – [в]; *6*, *8*, *10* – только перед глухими согласными: *6* – [ў], *8* – [w], *10* – [в]; *11*, *12* – перед глухими согласными: *11* – [ф], *12* – [х]

К ст. А.К. Васильевой, с. 82

же существительных с окончанием *-ы*, образованная по типу формы Р падежа: *у жены́, к жены́, о жены́* и под.[2] Для подавляющего большинства русских говоров характерна тенденция к образованию общей формы Д–П падежей у существительных типа *печь, грязь*: типа *печи́* или типа *пе́чи* и т. д.

Образование синкретических форм в парадигмах существительных жен. рода в основе своей может иметь различные процессы: 1) внутрипарадигматические, связанные с взаимодействием разных падежных форм внутри определенных парадигм; 2) межпарадигматические, связанные с взаимовлиянием различных парадигм этих существительных. Наиболее типичным и характерным для говоров русского языка следует, видимо, признать образование синкретических форм в склонении существительных жен. рода, основанное на процессах внутрипарадигматических, обусловленных взаимодействием различных форм внутри той или иной парадигмы, первоначально различавшихся по тому признаку, который в них унифицируется: тип ударения, гласный в окончании и т. д. Так, в результате взаимодействия форм Д и П падежей существительных типа *печь, грязь*, исконно различавшихся по типу ударения (на основе – в Д падеже и на окончании – в П падеже) в говорах развились общие для этих падежей формы с унифицированным ударением на основе – типа *гря́зи* или на окончании – типа *грязи́*. Как уже указывалось, формы Р–Д–П падежей существительных на *-а*, различавшиеся гласным в окончании (*-ы* – в Р падеже, *-е* – в Д–П падежах), при взаимодействии образовали общие формы с унифицированным гласным в окончании: типа *жены́*, в одних говорах, а типа *жене́* – в других.

В некоторых говорах действие тенденции к образованию синкретических форм прослеживается лишь в ее самом общем виде, поскольку сама реализация этой тенденции может осуществляться в одних и тех же говорах на разной основе. Так, в говорах юго-запада можно наблюдать сосуществование форм Р–Д–П падежей типа *жены́* с формами тех же падежей типа *жене́*. В говорах той же территории обобщенные формы Д–П падежей существительных жен. рода с нулевой флексией могут быть различными у разных существительных в одном и том же говоре, поскольку в нем одни существительные унифицировали ударение на основе по типу формы Д падежа (*по гря́зи, в гря́зи* и под.), а другие – на окончании по типу П падежа (*к печи́, в печи́* и под.), ср., например: д. Строительная Слобода Клетнянского р. Брянской обл. *по грязи́–в грязи́*, но *к пе́чи–в пе́чи, к ко́сти–в ко́сти, к но́чи–в но́чи; с.* Немчино Почепского р. Брянской обл. *по грязи́–в грязи́, по кости́–в кости́*, но *к пе́чи–в пе́чи, к но́чи–в но́чи;* д. Добрунь Брянского р. Брянской обл. *по грязи́–в грязи́, по степи́–в степи́*, но *к пе́чи–на пе́чи;* д. Прилепы Навлинского р. Брянской обл. *по грязи́–в грязи́*, но *к пе́чи–в пе́чи и* др.

Тенденция к образованию синкретических форм может иметь по говорам разную степень интенсивности и зависеть при ее реализации от различных условий. В одних говорах этот процесс представлен достаточно широко и не имеет никаких ограничений как, например, процесс образования формы Р–Д–П падежей типа *жены́, земли́* на территории северо-запада. Этот же процесс на юго-западной территории имеет совершенно иной ха-

[2] Подробнее см.: ВЯ, 1972, № 1, с. 68–81.

рактер его реализации; здесь подобные формы являются сравнительно более редкими и, выступая спорадически, порой находятся в зависимости от некоторых дополнительных условий. Так, например, форма *жены́* чаще выступает в значении Р и П падежей и реже – в значении Р, Д и П. Образование форм Р–Д–П падежей типа *жене́* в ряде говоров юго-востока ограничено употреблением с предлогом *у*, между тем в остальных говорах южного наречия оно широко представлено во всех предложных конструкциях. По говорам южного наречия можно проследить зависимость процесса обобщения форм от характера основы и типа ударения в парадигме этих существительных: наиболее широко образование подобных форм отмечают у существительных с основой на твердый согласный, имеющих постоянное ударение на окончании: типа *жене́, стене́* и под. Менее интенсивно процесс образования синкретических форм с окончанием *-е* представлен в парадигме существительных с мягкой основой, а также у существительных с постоянным ударением на основе. Реже это явление наблюдается также в беспредложных конструкциях.

Процесс образования общих форм для нескольких падежей может быть различным также в отношении охвата лексического состава того или иного класса существительных. Мы уже указывали, что процесс образования синкретических форм типа *жены́, земли́* на территории северо-запада является лексически не ограниченным. В случае же образования общих форм Д–П падежей у существительных жен. рода с нулевой флексией этот процесс охватывает лишь часть общего лексического состава существительных данного типа склонения, что может свидетельствовать о разном времени возникновения двух этих процессов обобщения флексий. В случаях, когда процесс образования синкретических форм представлен в сфере многочисленной и разнообразной лексики, можно предположить сравнительно более раннее его развитие, и наоборот, случаи определенного лексического ограничения этого процесса можно связать с относительно поздним временем его появления, имевшим место при общем воздействии литературного языка на говоры, в связи с чем процесс образования синкретических форм в говорах мог быть заторможен, что и привело к неполноте охвата круга лексики существительных данного типа, например, у существительных *печь, грязь* и под.

Действие тенденции к образованию синкретических форм может различаться по говорам и в зависимости от того, какое количество падежей объединяется в результате этого процесса общей формой. Так, у существительных жен. рода с нулевой флексией широко представлен процесс объединения двух падежей – Д и П – в одной форме типа *печи́*, и трех падежей – Р–Д–П – в форме типа *пе́чи*. У существительных жен. рода на *-а*, как уже говорилось, одна форма выступает в значении трех падежей – Р, Д и П (типа *жены́* или типа *жене́*). Наибольшую степень объединения падежных форм отмечают по говорам в склонении существительных *мать, дочь* и *свекровь*. Так, в говорах юго-востока можно наблюдать употребление одной, общей формы четырех, пяти падежей, а иногда и всех падежей, ср.: И–Р–Д–П *до́чи* – д. Ивановское Межевского р-на Костромской обл.; И–Р–Д–Т *до́чи* – д. Задорье Устьянского р-на Архангельской обл.; И–Р–Д–В *до́чи, ма́ти* – д. Глинно Макарьевского р-на Кировской обл.; И–Д–В–П *ма́ти* – д. Никола Тотемского р-на Вологодской обл.;

И–Р–Д–В–П *ма́ти* – д. Ивановское Межевского р-на Костромской обл. и д. Лопатни Клинцовского р-на Брянской обл.; И–Р–Д–В–П *ма́три*, Т *ма́трей* – д. Сосновка Мордовского р-на Тамбовской обл.; И *мать*, Р–Д–В–П *ма́три*, Т *ма́трей* – с. Введенка Хлевенского р-на Липецкой обл.; И–В *мать*, Р–Д–Т–П *ма́три* – с. Каменка-Са́довка Новохоперского р-на Воронежской обл. и др. Таким образом, в ряде говоров этой территории представлена тенденция к образованию одной общей формы для всех падежей у некоторых существительных т. е. к исчезновению парадигмы как таковой.

Процесс образования синкретических форм в парадигмах существительных жен. рода органически связан с процессом утраты семантического значения падежными формами этих существительных, поскольку по сути дела исчезают сами эти формы. Смыслоразличительная функция в этих случаях переносится на предлоги, употребляемые с этими общими формами и на употребление форм в той или иной синтаксической конструкции.

Образование синкретических форм, связанное с межпарадигматическими процессами, слабее распространено в говорах русского языка. Так, на территории крайнего северо-востока и юго-востока имеются ареалы форм Д–П падежей типа *грязе́, пече́*, образованных, как обычно считают, по типу аналогичных форм существительных жен. рода на *-а*, что может свидетельствовать о действии тенденции к установлению единого типа склонения существительных жен. рода. Ср. в пределах территории северо-восточной диалектной зоны и формы Р–Д–П падежей *ма́тере, до́чере, матере́, дочере́*, развившиеся также под влиянием форм Д–П падежей существительных жен. рода на *-а*.

Как результат взаимодействия разных типов склонения можно рассматривать также формы Р–Д–П падежей *ма́три, до́чри*, употребляемые в говорах юго-востока. Можно думать, что подобные формы появились в результате развития процесса уподобления парадигмы склонения существительных *мать, дочь* парадигме существительных типа *кость* не только по типу падежных окончаний в парадигме, но также и по количеству слогов в падежных формах. В результате этого общего процесса взаимодействия существительных разных типов склонения развились синкретические формы Р–Д–П падежей существительных *мать* и *дочь*. Следует заметить, что развитию общих форм для нескольких падежей в парадигме существительных *мать, дочь, свекро́вь* типа *ма́ти, до́чи* в одних говорах, и типа *ма́три, до́чри*, в других, содействовали и общие процессы, имевшие место в историческом развитии склонения существительных жен. рода. Так, на основе тенденции к совпадению форм И–В падежей у существительных с исконной основой на *^{x}i* и непродуктивных типов склонения могли развиться формы В падежа *ма́ти, до́чи*, а позже – *ма́три, до́чри* по типу форм И падежа. В сочетании с аналогичными формами Р–Д–П падежей парадигма этих существительных стала иметь одну общую для пяти падежей (И–Р–Д–В–П) форму типа *ма́ти, до́чи* или типа *ма́три, до́чри*. В некоторых говорах в этот процесс образования общей формы была втянута и форма Т падежа, в результате чего уже по аналогии могла появиться форма *ма́ти, до́чи* или *ма́три, до́чри* в Т падеже.

Аналогично могла развиться форма И–В *свекры́*. Позже, видимо, в свя-

зи с процессом унификации основы *свекр-*, с одной стороны, и тенденцией к совпадению форм Р–Д–П падежей, с другой, могли развиться формы Р–Д–П падежей *свекры́*, что привело также к образованию общей формы И–Р–Д–В–П *свекры́*.

Начало процесса образования синкретических форм относится, видимо, к сравнительно раннему периоду существования русского языка. Так, исследователи памятников, относящихся к северо-западной территории, с древнейших времен отмечают наличие в них формы Р падежа с окончанием *-Ѣ* у существительных с основой на *-а*[3], связанное на этом раннем этапе с взаимодействием твердой и мягкой разновидности этого типа склонения существительных. Новые окончания в формах Р падежа склонения основ на *-а* и *-ја* развились, по мнению Ф.П. Филина, "в результате сложных грамматических воздействий, прежде всего выравнивания формы родительного падежа[4]... Сначала появилось окончание *и* в мягком варианте склонения как эквивалент *ы* твердого варианта. Когда стало происходить это выравнивание, – пишет Ф.П. Филин, – оно могло иметь свою "обратную сторону": *Ѣ* из мягкого склонения могло заменить собой *-ы* в твердом склонении".

К более позднему времени следует отнести процессы образования общих форм на основе внутрипарадигматических аналогий. Таким образом развиваются формы Д–П падежей типа *грязи́* и типа *гря́зи*, формы Р–Д–П падежей типа *жены́* или типа *жене́*. Эти процессы относятся, видимо, уже к периоду самостоятельного существования восточнославянских языков, ср. слабое распространение на территории белорусского языка, например, таких форм Р, Д и П падежей, как *жены́* и *жене́*, или узколокальное распространение на его территории, например, формы П падежа типа *гря́зи* (в части могилевских говоров) или формы типа *грязи́* (в брестских говорах)[5].

Еще позднее развились синкретические формы на основе взаимодействия разных парадигм существительных жен. рода. Наконец, самым поздним, видимо, является развитие общей формы для всех или большей части падежей, наиболее наглядно выраженное у существительных *мать, дочь* и *свекровь* (*ма́три, свекры́* и под.). Появление таких форм особенно ярко иллюстрирует продуктивность образования синкретических форм у существительных жен. рода.

Действие тенденции к образованию синкретических форм в склонении разных парадигм существительных жен. рода привело к сокращению количества форм в парадигме. Так, в склонении существительных жен. рода на *-а* на широкой территории говоров русского языка, образующейся путем исключения территории северо-восточной диалектной зоны, можно наблю-

---

[3] См., например: *Парахина М.Ф.* Имена с основой на *-а* в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. – В кн.: Вопросы русского языкознания, кн. 2-я. Львов, 1956; *Добромыслова А.Н.* К истории форм женского склонения в древнем новгородском говоре. – Вестн. МГУ, 4, 1961; *Мирецкий А.Л.* К вопросу об истории форм родительного, дательного и местного падежей singularis женского склонения в новгородском говоре по материалам новгородских деловых памятников XVI–XVII вв. – Вестник ЛГУ, № 14, 1965, вып. 3 и др.

[4] *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 362.

[5] Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964, с. 166–167.

дать сокращение падежных форм до четырех: И *жена́, земля́,* Р–Д–П *жены́* или *жене́,* В. *жену́, зе́млю,* Т *женой, землёй;* ср. наличие четырех форм и у существительных с нулевой флексией, имеющих подвижное ударение: И–В *грязь,* Р–Д *гря́зи,* Т *гря́зью,* П *гря́зи.*

В склонении существительных непродуктивных типов и в литературном языке представлены парадигмы, содержащие только три различающиеся между собой формы, известные также и по говорам:

И–В	*мать*	*дочь*	*свекро́вь*	*соль*
Р–Д–П	*ма́тери*	*до́чери*	*свекро́ви*	*со́ли*
Т	*ма́терью*	*до́черью*	*свекро́вью*	*со́лью*

Наряду с этим в составе парадигм, состоящих из трех форм, в говорах отмечают формы, пережившие различные инновации:

И–В	*дочь*	*мать*	*грязь*
Р–Д–П	*до́чи*	*ма́ти*	*гря́зи или грязи́*
Т	*дочью или дочей*	*матью или матей*	*гря́зью или гря́зей*

Отмечены и парадигмы из трех форм, являющиеся результатом обобщения различных падежных форм:

И	*мать или матрь*	И	*мать или матрь*
Р–Д–В–П	*ма́три*	В	*ма́трю*
Т	*ма́трей*	Р–Д–Т–П	*ма́три*

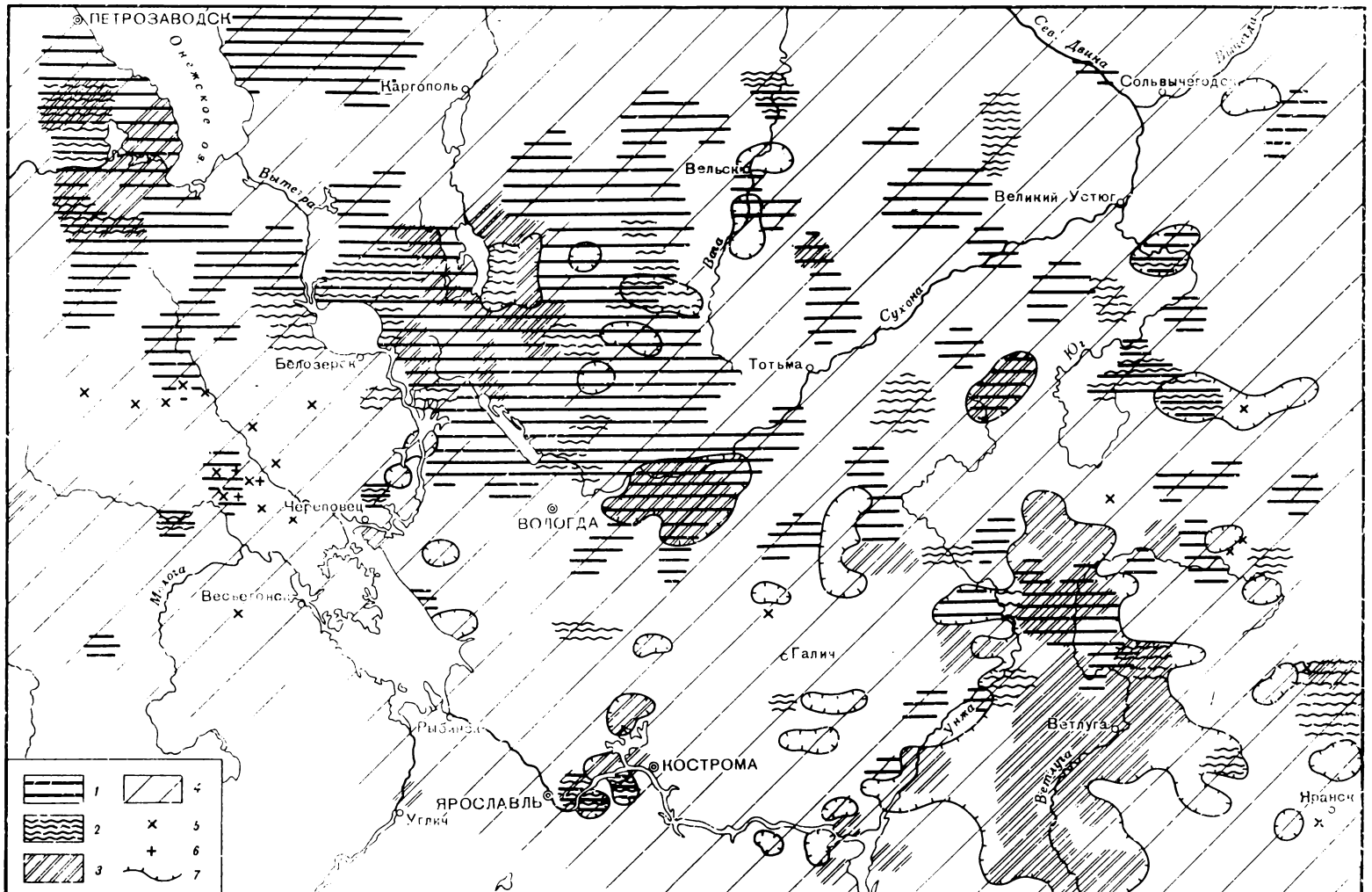
Сравнительно реже отмечают парадигмы, состоящие из двух форм: И–Р–Д–В–П *до́чи, до́чри, ма́ти, ма́три* или И–В *мать, дочь* Т *дочью́, до́чрей, ма́тью, ма́трей* Р–Д–Т–П *ма́три, до́чри.*

Наконец, в говорах можно наблюдать случаи употребления одной общей формы для всех падежей, например, И–Р–Д–В–Т–П *дочи* и др.

На основании того, что в материалах атласов отмечены разные, хотя и неполные, данные об употреблении одной формы *свекры́* для нескольких падежей – ср. И–Р–В *свекры* или И–Р–Т–В *свекры́,* можно, видимо, и в этих случаях говорить о тенденции к образованию общей формы для всех падежей.

Процесс образования синкретических форм у существительных жен. рода в говорах русского языка имеет определенную основу в самой сфере значений падежных форм. Известно, что падежные окончания имен в русском языке очень многозначны, по сути дела каждый падеж объединяет целый комплекс различных значений. "В современном русском языке омонимична сама природа падежных окончаний, – пишет В.В. Виноградов, – особенно у имен существительных. В самом деле, значения косвенных падежей имен существительных как в сочетаниях с предлогами, так и в беспредложном употреблении настолько разнообразны и далеки, что приходится традиционные обозначения: родительный, творительный и предложный падежи считать условными именами групп морфологических омонимов"[6]. Исконная омонимичность падежных окончаний и могла послужить той основой, на которой развился процесс постепенной утраты семантического значения падежными формами имен существительных и

[6] *Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 15.

Карта 2. Звуки в соответствии ⟨в⟩ на конце слога: в окончании *-ов* родительного падежа множественного числа существительных и в основах

1 – [у]: *столо*[ў], *домо*[ў] и т.п. и *голо*[ў], *рука*[ў] и т.п.; *2* – [w]: *столо*[w], *домо*[w] и т.п. и *голо*[w], *рука*[w] и т.п.; *3* – [в]: *столо*[в], *домо*[в] и т.п. и *голо*[в], *рука*[в] и т.п.; *4* – [ф]: *столо*[ф], *домо*[ф] и т.п. и *голо*[ф], *рука*[ф] и т.п.; *5* – [х]: *столо*[х], *домо*[х] и *голо*[х], *коро*[х] и т.п.; *6* – [х]: *рука*[х], *гото*[х] и т.п.; *7* – в говоре отмечено неоглушение звонких согласных на конце слова

К ст. А.К. Васильевой, с. 87

процесс переноса смыслового значения с падежных форм на предлоги и различные синтаксические конструкции. Как результат подобного процесса и явилось развитие синкретических форм, т. е. форм, утративших свое грамматическое значение и сохраняющих лишь лексическое значение. Объединению в звуковом выражении падежных форм существительных жен. рода могло содействовать и то, что такие общие для ряда падежей формы были и в исконных типах склонения существительных жен. рода (ср.: Р–Д *кости*, Д–П *женѣ*, рано появившиеся Р–Д–П *ма́тери, свекро́ви, морко́ви* и под.). В пользу высказанного предположения о причинах развития синкретизма падежных форм существительных жен. рода свидетельствует, видимо, и тот факт, что употребление общих форм в склонении существительных муж. и ср. рода (например, Д *к быку́* – П *на быку́*, Д *к концу́* – П *на концу́*, Д *к сара́ю* – П *в сара́ю*, Д *к де́ду* – П *при де́ду* и под., или Р *с о́зеру* – Д *к о́зеру* и под.)[7], сравнительно более редко наблюдаемое по говорам русского языка, развилось, видимо, также на аналогичной основе, т. е. именно в тех случаях, когда к этому имелись предпосылки в исконных формах.

Образование общих форм у существительных жен. рода началось, видимо, в Р, Д и П падежах в связи с тем, что как уже указывалось, именно в этих падежах имелись общие формы в некоторых исконных типах склонения. Остальные формы включаются в этот процесс уже в более позднее время, о чем свидетельствует иной характер их распространения: они не представляют таких широких ареалов, как общие формы Р–Д–П падежей.

Процесс образования синкретических форм в склонении существительных жен. рода в свою очередь ведет к общей перестройке характера самой парадигмы этих существительных в направлении сокращения падежных форм, а в ряде случаев к развитию одной общей формы для всех падежей. В последнем случае уже снимается понятие парадигмы вообще, а выражение исконных падежных значений уже полностью переносится на предлоги и синтаксические конструкции, что является симптомом перехода от синкретизма к аналитизму, протекающего в говорах ярче и определеннее, чем в литературном языке. Ср. также формы существительных мн. числа: Д–Т *к рука́м – с рука́м, к нога́м – с нога́м* и под., широко представленные в говорах северной части Европейской территории распространения русского языка, развившиеся на иной основе, но также связанные с общей тенденцией к обобщению форм внутри парадигмы, характерной для говоров русского языка.

---

[7] *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Единственное число. Л., 1927, с. 190–192; *Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с. 21–24.

И.А. БУКРИНСКАЯ

УДАРЕННОЕ ОКОНЧАНИЕ *-И* В ПРЕДЛОЖНОМ ПАДЕЖЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ВТОРОГО ТИПА СКЛОНЕНИЯ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

Вопрос о распространении ударенного окончания -⟨и⟩ в предложном падеже существительных муж. и ср. рода и его соотношении с другими окончаниями в различных диалектных системах рассматривался в ряде работ, посвященных морфологии русских говоров[1]. В настоящей работе дается более подробное описание территориального распространения данного окончания, а также делаются некоторые предположения о различном происхождении ударенного окончания -⟨и⟩ на разных территориях.

Окончание -⟨и⟩ отмечается, как правило, у существительных с неподвижным ударением на окончании в формах ед. числа (например, *двор, бык, гумно, конь, плечо, отец* и др.). Наряду с этим ударенное окончание -⟨и⟩ в предложном падеже встретилось и у существительных, которые в литературном языке имеют подвижное ударение или неподвижное ударение на основе: *бок, буй, волк, гай, гной, голод, зверь, камень, колос, корень, корм, край, кут, локоть, луг, месяц, подпол, сердце, стул, ухо, хлев.* Некоторые из этих существительных, например, *волк, локоть, корень, кут, хлев* могут в говорах иметь неподвижное ударение на окончании[2].

На территории ДАРЯ различаются две зоны распространения окончания -⟨и⟩: юго-западная и северо-западная (см. карту). На юго-западе данное окончание встречается, главным образом, у существительных с основой на парный мягкий согласный, шипящий и *ц*. В дальнейшем все они будут называться существительными с основой на мягкий согласный. Всего на юго-западе отмечено около тридцати слов с основой на мягкий согласный, которые имеют окончание -⟨и́⟩ в предложном падеже. Чаще, чем другие, с окончанием -⟨и́⟩ отмечается существительное *конь* (есть даже небольшие ареалы, где это окончание отмечено только у данного существительного; возможно, здесь имеет место лексикализация), а также слова: *конец, край, плечо.* Все остальные существительные этого типа встретились по одному – три раза[3].

На юго-западной территории окончание -⟨и́⟩ в предложном падеже у существительных муж. и ср. рода с основой на мягкий согласный является реликтовой формой древнего склонения на **-jo* и на **-i*.

Окончание -⟨и́⟩, как правило, отмечается наряду с окончанием -⟨е⟩. Лишь

---

[1] Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964; Русская диалектология. Под ред. П.С. Кузнецова. М., 1973; *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии руских говоров. М., 1972.

[2] В говорах отмечается и безударное окончание *-и* в предложном падеже у существительных второго типа склонения, но в данной работе рассматривается только ударенное окончание, так как при ударении на основе не для всех говоров можно разграничить окончания -⟨и⟩ и -⟨е⟩.

[3] *в блиндажи́, в борщи, на буи́, на венцы́, на Воронцы́* (р. Воронец), *в гаи́, на гнои́, при дворцы́, на дни́, на дожжы́, на звери́, на корабли́, на корни́, на костыли́, в кремли́, на лицы́, в локти́, в монастыри́, в огни́, при отцы́, на пни́, на поставцы́, в сельцы́, в сентябри́, на серцы́, при цари́, в чепцы́, в шалаши́, на шоссы́, на этажи́, в январи́.*

в нескольких говорах это окончание представлено во всех или большинстве приведенных в материалах существительных с мягкой основой. Пять населенных пунктов Суражского и Гордеевского р-нов Брянской обл. составляют даже небольшой ареал таких говоров на самом западе картографируемой территории, на границе с Белоруссией[4]. В пределах ареалов юго-западной зоны окончание -(и́) единично отмечено у некоторых существительных с твердой основой: *на береги́, на берези́ (бе́рег), на боки́, на дворы́.* Вне пределов юго-западных ареалов распространения окончания -(и́) (на юго-востоке) в отдельных говорах окончание -(и) встречается у различных единичных существительных с основой на твердый и мягкий согласный.

Для ареалов северо-западной зоны характерно наличие окончания -(и) у существительных с основой как на твердый, так и на мягкий согласный, правда, в отдельных говорах иногда данное окончание отмечается или только у существительных с мягкой основой, или только с твердой[5]. Однако представляется, что на данной территории признак твердость–мягкость основы не является значимым для распространения окончания -(и), в связи с этим на северной территории существительные с разными основами показаны одним знаком (см. карту)[6].

Окончание -(и́) в большей части населенных пунктов отмечается наряду с окончанием -(е́). Лишь в небольшом числе говоров (при достаточном материале) при наличии окончания -(и́), окончание -(е́) не зафиксировано. Окончание -(и́) у существительных с твердой основой широко распространено и лексически не ограничено. Всего с этой флексией отмечено сто пять различных существительных с основой на твердый согласный. Наиболее регулярно с окончанием -(и) приводятся существительные (в порядке убывания числа примеров): *на столи́, на быки́, в окни́* (слова "Программы"), *во двори́, в хлеви́, в мешки́, на платки́, на чердаки́, в горшки́, в сундуки́, в овси́, на гумни́, в ведри́, на стекли́, в молоки́, в гнезди́, в тепли́, в сели́, в седли́.* Существительные, которые отмечены с окончанием (и́) три–пять раз: *на бревни́, на дни́ (дно), в дупли́, в замки́, в звени́, на животи́, в кипятки́, в колеси́, в котли́, в кути́, на пайки́, на пески́, на письми́, на потолки́, в пшени́, на столби́, в уми́, в чугунки́, в шостки́, на языки́.* Остальные существительные встретились по одному–два раза[7]. В населен-

---

[4] Говоры населенных пунктов: д. Федоровка, д. Сенча, с. Овчинец, с. Творишино, с. Кулаж.

[5] В некоторых случаях это может объясняться недостаточностью материала, в некоторых же говорах это могут быть лексикализованные формы типа *на столи́, в хлеви́, при отцы́, на корни́, на концы́.*

[6] Согласные парные по твердости–мягкости и задненебные в картографируемой форме перед окончанием -(и́), как правило, являются мягкими. Твердый согласный единично отмечается в основе следующих слов: *на быкы́, на гумны́, на дерны, в животы́, в молоки́, на огны́, в окны́, в пшены́, в решеты́, на столы́, на суды́, на узлы́.*

[7] *на бережки́, на боки́, на бугри́, на бураки́, в веретни́, на ветерки́, на вини́, на воли́, о волки́, в голоди́, на женихи́, в зерни́, на коври́, на колоси́, в колпаки́, на корми́, в костри́, в котелки́, в кошельки́, в куски́, в ларьки́, на лби́, на луги́, на льни́, на маяки́, на молочки́, на мосткы́, на мужики́, на осли́, на островки́, в пальти́, в парники́, в радиоузли́, на ремешки́, в решети, , в родники́, на рождестви́, во рти́, в сапоги́, в снопи́, в соснякы́, в станки́, в стулы́, на суди́, на сукни́, в топори́, на турники́, в тупики́, в угли́, в угольки́, в узелки́, в ухи́, на холодки́, на холсти́, в хомути́, в чулки́, в цветки́.*

ных пунктах, находящихся на периферии северо-западных ареалов, и в отдельных пунктах внутри этих ареалов окончание -⟨и́⟩ отмечается лишь у определенных существительных: *бык, двор, стол, хлев, гумно, окно, село.* Как уже говорилось, для этих говров данное морфологическое явление носит лексикализованный характер.

Среди существительных с основой на мягкий согласный с окончанием -⟨и⟩ наиболее часто встречаются существительные *отец* (85 раз), *царь, корень, сентябрь, октябрь, огонь, монастырь, крыльцо,* которые, хотя и отмечены на юге с окончанием -⟨и́⟩, но лишь единично (один–три раза)[8]. Так же, как на юго-западной территории регулярно с этим окончанием приводятся существительные: *конь, конец, плечо.* Остальные существительные с основой на мягкий согласный встретились по одному–два раза[9].

О происхождении окончания -⟨и́⟩ в предложном падеже у существительных с основой на твердый согласный существуют различные мнения. А.А. Шахматов высказал предположение, что окончание -⟨и́⟩ в данной форме существительных с основой на твердый согласный имеет фонетическое происхождение и связано с судьбой *ѣ*. Согласно его точке зрения, звук *ѣ* произносился как дифтонг *ie.* "Быть может, фонетически изменялось *ie* в *i* только в неударяемом конечном слоге, причем этот *i* переносился и на место ударяемого *ie* под влиянием грамматической аналогии"[10]. Иного взгляда придерживался П.С. Кузнецов: "... поскольку у нас нет данных о более раннем или более широком наличии *i* < *ѣ* именно в безударном положении и поскольку конечное *ѣ* в древнерусском языке представлено главным образом как падежное окончание твердой разновидности склонения на *-ā* и *-ŏ*, при *i* в соответствующих падежах мягкой разновидности тех же склонений, вероятнее предположить не фонетическую, а аналогическую замену *ѣ* посредством *i* ... случаи обратного воздействия мягкой разновидности на твердую отражаются в современных поморских и олонецких говорах, где иногда в дательном и местном падежах ед. числа склонения на *-ā*, но в основном в местном падеже ед. числа склонения на *-о* и в твердой разновидности является окончание *i* вместо *ѣ*"[11]. Для оценки высказанных предположений представляет интерес сравнение территории распространения окончания -⟨и⟩ в предложном падеже у существительных муж и ср. рода с территорией распространения [и] на месте *е* в том же фонетическом положении – под ударением в конечном открытом слоге, а также с территорией распространения [и] на месте *ѣ* под ударением в корне слова перед последующим твердым согласным. Как видно из карты, на северо-западе раз-

---

[8] Существительные *отец, царь, корень* на юго-западной территории регулярно приводятся в материалах, но для них более характерным является окончание -⟨у́⟩ в предложном падеже: *при отцу́, при царю́, на кореню́.*

[9] *в бельи́, на воробьи́, на врачи́, на гвозди́, во дворцы́, в декабри́, на дни́* (*день*), *на дожжы́, на жеребцы́, на камни́, в кольцы́, в корабли́, в корени́, в корцы́* (*коре́ц* 'ковш'), *на кра́и́, в кремли́, в косьи́* (*косье*), *на локти́, в месяцы́, в ноябри́, в Олонцы́, на пни́, на ремни́, в феврали́, в Череповцы́, в шалаши́, на этажи́.*

[10] *Шахматов А.А.* Исследование о двинских грамотах XIV в. СПб., 1903, с. 85; см. также: *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка – М., 1957; *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927, вып. 1.

[11] *Кузнецов П.С., Борковский В.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 137; см. также: *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

личаются два компактных ареала распространения окончания -(и́): псковский и ладого-онежский[12]. Можно сделать вывод о разном происхождении окончания -(и́) на территории этих двух ареалов. В пределах ладого-онежского ареала окончание -(и́) имеет фонетическое происхождение и отражает общую картину перехода звука на месте *ѣ́* в [и] на данной территории. Именно на данной территории мы находим [и] на месте *ѣ́* в корнях слов перед последующим твердым согласным, здесь же распространено окончание -(и́) в предложном и дательном падежах местоимений (*ко мни, о тебѝ, о себѝ*); на этой же территории произносится [и] на месте *ѣ́* в словах *где, две, все* (*гди, дви, вси,* последнее слово не получило отражения на карте, так как [и] на месте *ѣ́* в данном местоимении в некоторых говорах может иметь и морфологическое происхождение)[13].

Для говоров, находящихся на территории современной Псковской обл., не характерен переход звуков на месте *ѣ́* в [и] под ударением в положении перед последующим согласным, как твердым, так и мягким; не находим мы [и] на месте *ѣ́* под ударением и в конечном открытом слоге: в окончаниях местоимений, в словах *где, две.* Итак, на территории псковского ареала вероятнее предположить не фонетическое происхождение окончания -(и́): оно появилось, по-видимому, у существительных с твердой основой под влиянием окончания -(и́) в предложном падеже мягкой разновидности склонения. Такое предположение подтверждается и данными псковских памятников письменности. Т.Н. Кандаурова в работе, посвященной языку псковского Пролога 1383 г. высказывает мнение, что [и] на месте *ѣ́* вообще не характерно для псковских говоров и "что в произношении тех писцов, которым был свойствен переход *ѣ́*→[и], этот переход проявлялся не последовательно, а только в отдельных морфологических категориях в окончаниях дательного и местного падежей... и в лексически ограниченном круге слов"[14]. В.В. Виноградов на материале псковских памятников также отмечает [и] на месте *ѣ́* в конечном открытом слоге "... главным образом в формах locativ'a, но здесь [и] может быть и не фонетического происхождения"[15].

Таким образом, можно предположить, что окончание -(и́) на северо-западной территории имеет разное происхождение: 1) морфологическое (под влиянием мягкой разновидности склонения на твердую) в пределах псковского ареала распространения данного окончания и 2) фонетическое (в результате общего перехода *ѣ́* в [и]) в пределах ладого-онежского ареала.

---

[12] Новгородские говоры не дают четкой картины, но скорее тяготеют к ладого-онежскому ареалу.

[13] Окончание -(и) в предложном и дательном падежах у существительных жен. рода на *-а* отмечается в говорах на всей северо-западной и западной территории ДАРЯ, охватывает псковский и ладого-онежский ареалы; граница его распространения проходит значительно южнее (ДАРЯ, вып. II, Грамматика, карта 2. Рукопись хранится в ИРЯ АН СССР; см. также: *Сологуб А.И.* Формы родительного, дательного и предложного падежей существительных женского рода продуктивного типа склонения в русских говорах. – ВЯ, 1972, № 1).

[14] *Кандаурова Т.Н.* К истории древнепсковского диалекта. – Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. VIII. М., 1957; см. также: *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка. – М., 1972.

[15] *Виноградов В.В.* Очерк из истории звука Ь в севернорусском наречии. – Изд. отд. русск. яз. и словесности АН, т. XXIV, кн. 2. Пг., 1923, с. 192.

Н.А. ЛИПОВСКАЯ

ФОРМА РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА С ОСНОВОЙ НА ПАРНЫЙ ТВЕРДЫЙ СОГЛАСНЫЙ

Исследование данных лингвистической географии методом картографирования, проведенное за последние годы, показало, что в говорах русского языка наряду с формами, свойственными литературному языку, употребляются сугубо диалектные формы род. падежа мн. числа существительных жен. рода с основой на парный твердый согласный. Подобные формы, выступающие с окончанием *-ов* и *-ей*, имеют определенные ареалы их распространения.

Так по наличию или отсутствию окончания *-ов* говоры русского языка делятся на две противопоставленные территории. Формы с окончанием *-ов* имеют широкое распространение в говорах юго-восточной диалектной зоны и в говорах, окружающих Москву, при этом в целом ряде говоров они известны в исключительном употреблении (см. карту).

Формы с нулевым окончанием, свойственные также и литературному языку, известны в основном всем говорам изучаемой территории.

Следует заметить, что изучение вопросов, связанных с употреблением окончания *-ов* у существительных жен. рода с основой на парный твердый согласный проведено на большом и разнообразном лексическом материале: более 900 существительных образуют форму род. падежа мн. числа с этим окончанием, в ответах приведено свыше 5 тысяч примеров.

Как показало исследование, какой-либо лексической закрепленности в образовании форм род. падежа с окончанием *-ов* не наблюдается, однако отдельные словоформы сравнительно часто повторяются на определенных территориях, например, *сило́в* – Ю. и Вост., *конфе́то́в* – С.

Среди рассматриваемых форм наиболее последовательно представлены словоформы, являющиеся примерами "Программы": *сва́дьбов* (в 800 нас. п.), *я́годов* (в 600 нас. п.), *ве́рбов* (в 600 нас. п.), *ба́бушков* (в 400 нас. п.), *стару́шков* (в 250 нас. п.), остальные существительные с окончанием *-ов* отмечаются значительно реже, причем подавляющее большинство из них – единично.

Формы с окончанием *-ов* наблюдаются у существительных с разными типами основ: основы, оканчивающейся на группу согласных (*ба́бушков, стару́шков* и т. п.), и основы на один согласный (*я́годов, ко́зов* и т. п.).

Однако необходимо заметить, что территория распространения форм типа *ба́бушков* является сравнительно более широкой, чем территория форм типа *я́годов* (см. карту).

По характеру употребления форм с окончанием *-ов* и нулевым окончанием в зависимости от характера основ существительных территория юго-востока представляет определенные ареалы говоров, важные для изучения данной проблемы. Эти ареалы можно разделить на пять типов: ареалы исключительного употребления форм с окончанием *-ов* независимо от характера основы существительных (*ба́бушков, я́годов* и т. п.); ареалы исключительного употребления окончания *-ов* у существительных типа *ба́бушков* при сосуществовании окончаний *-ов* и нулевого у существитель-

ных типа *я́год* (*ба́бушков – я́годов, я́год* и т. п.); ареалы исключительного употребления окончания *-ов* у существительных типа *ба́бушков* при нулевом окончании у существительных типа *я́год* (*ба́бушков – я́год* и т. п.); ареалы распространения окончания *-ов* у существительных типа *ба́бушков* при сосуществовании с нулевым окончанием у существительных с разной основой (*ба́бушков – ба́бушек, я́год* и т. п.); ареалы распространения окончания *-ов* в сосуществовании с нулевым у существительных с разной основой (*ба́бушков, ба́бушек – я́годов, я́год* и т. п.).

Все пять ареалов отмечены в пределах основной территории распространения окончания *-ов* (см. карту). В единичных говорах и за пределами этой территории отмечено окончание *-ов* у существительных типа *я́годов* в сосуществовании с нулевым окончанием у существительных разных основ (*я́годов – я́год, ба́бушек* и т. п.).

Рассмотрим территории распространения этих типов. Говоры с исключительным употреблением форм с окончанием *-ов* независимо от характера основы (*ба́бушков, я́годов* и т. п.) образуют ряд ареалов на территории южного наречия (Рязанская группа и Тульская подгруппа), а также части восточных среднерусских говоров (Владимирско-Поволжская группа) и отмечаются в р-не Рязани, Ряжска, Мурома, Моршанска, Калинина, Касимова и Саранска.

Так, например, *запла́ткъф, к'ита́йкъф, руба́хъф, маты́гъф, сушы́лкъф, кл'у́шкъф* (с. Черкасское Пачелмского р-на Пензенской обл.); *Ол'гъф, мана́шкъф, гра́ткъф, булкъф, л''ул'къф, фуфа́йкъф, свад'бъф, в'ербаф, ба́бушкаф, стару́шкаф, йдгадаф* (д. Чернавка Пичаевского р-на Тамбовской обл.); *д'е́вач'къф, со́ткъф, малат'и́лкъф, с'е́йилкъф, ло́шкъф, кро́шкъф, паду́шкъф, му́хъф, кварт'е́ръф* (с. Росташи Аркадакского р-на Саратовской обл.); *ч'а́шкъф, тъбур'е́ткъф, сва́д'бъф, в'ербъф, ло́шкъф, ба́бушкъф, до́ч'къф, стару́шкъф, ра́мъф, йдгьдъф* (д. Неготино Калининского р-на Калининской обл.).

Примыкают к этим говорам говоры, в которых окончание *-ов* отмечено в исключительном употреблении у существительных типа *бабушков* при сосуществовании с окончанием *-ов* и нулевым у существительных типа *я́год* (*ба́бушков – я́годов, я́год* и т. п.). Эти говоры образуют значительные ареалы на территории Рязанской группы (в р-не Тамбова – Пензы, Моршанска и Воронежа) и отдела В восточных среднерусских говоров (в р-не Мурома, Касимова, Нижнего Ломова): *гр'и́внъв, со́ткъф, саро́чкъф, дайа́ркъф, и́глыф, кн'и́шкъф, с'ид'е́лкъф, р'из'и́нкъф, рагу́л'къф, З'и́нъф, же́ниш'ш'инъф, машы́нъф, ст'е́нъф, б'из лук* (с. Лещиново Нижнеломовского р-на Пензенской обл.); *па́лкыф, ска́скъф, д'е́вач'каф, д'ил'а́нкъф, бо́рънъф, шу́баф, ко́мнытаф, с'иро́т, я́гат* (с. Белоречье Можарского р-на Рязанской обл.); *сва́д'баф, ко́ч'къф, пласт'и́нкъф, ба́бушкаф, йа́гъдаф, ко́зъф, каро́ф* (с. Виндрей Торбеевского р-на Мордовской АССР).

Единично и рассеянно отмечаются говоры с исключительным употреблением форм с окончанием *-ов* у существительных типа *ба́бушков* при нулевом окончании у существительных типа *я́год* (*ба́бушков, я́год* и т. п.).

Они встречаются в основном на территории говоров юго-востока: *д'е́вьчк'ъф, скам'е́йкъф, раку́шкъф, л'агу́шкъф, и́збов, крава́ткъф, свад'бъф, каро́ф* (с. Григорьевка Аркадакского р-на Саратовской обл.);

т'ил'ёшкъф, с'п'ич'къф, со́ткъф, в'ир'о́вч'къф, кл'ёткъф, но́шкъф, сох (д. Шача Шацкого р-на Рязанской обл.); *рагу́шкъф, д'ир'у́шкъф, свад'ъф, в'ёрбъф, стару́шкъф, ба́бушкъф, кап'ъл'къф, старо́н* (д. Чудная Башмаковского р-на Пензенской обл.).

Окаймляют эту зону наиболее интенсивного распространения окончания *-ов* говоры, в которых окончание *-ов* отмечается у существительных типа *ба́бушков* при сосуществовании с нулевым окончанием у существительных разных основ (*ба́бушков – ба́бушек, я́год* и т. п.). Эти говоры занимают территории на север от основного массива широкого употребления окончания *-ов*, а также представлены незначительными ареалами на западе от него.

Они отмечаются преимущественно на территории, замыкающейся с севера линией Волоколамск – Осташков – северная оконечность Рыбинского водохранилища – Солигалич – Сольвычегодск, где образуют как значительные ареалы, так и отмечаются в единичном распространении. Наблюдаются такие говоры на территории западной диалектной зоны и в центре Рязанской группы: *б'ъс сп'и́нкъф, ко́шкъф, со́ткъф, карто́шкъф, кап'о́н, д'ен'ах, афч'и́н, каро́ф* (с. Сосновка Мордовского р-на Тамбовской обл.); *д'ел'а́нкоф, ис т'у́ммоф, гр'е́лоч'ек, т'о́ток, до́цок, коро́вушек, пого́т, кос, коро́ф* (д. Большой Двор Белозерского р-на Вологодской обл.); *у́ткоф, д'е́ушок, ло́доч'ек, свад'оп, коро́ў, доро́х* (д. Малеево Вашкинского р-на Вологодской обл.); *д'ел'а́нкъф, свад'ъф, с'ис'т'о́р, из дра́нък, из дасо́к, карто́шык, пало́сък, д'е́вушык, каро́ф, машы́н, р'ек, штук, йа́гът, сл'ос, же́ншшын* (д. Козиха Спировского р-на Калининской обл.).

Говоры, в которых образуются формы с окончанием *-ов* и нулевым независимо от характера основы существительных, распространены на значительной территории, представляющей собой треугольник, очерченный извилистой линией, идущей от Острогожска на Воронеж – Ефремов – Калинин, далее на юго-восток к Москве – Рязани – Тамбову и Сердобску (см. карту). В нее входят в основном говоры южного наречия (Рязанская группа и Тульская подгруппа), а также часть восточных среднерусских говоров (Калининская подгруппа и отдел В); *л'агу́шкъф, игру́шкъф, д'афч'о́нкъф, пасы́лкъф, лаханкъф, б'ис'ар'и́нкъф, же́нш'ш'инъф, с'ас'т'о́р, старо́н, крыс* (перв.), *у падру́шкъф, б'е́лкъф, пышкъф, раку́шкъф, л'е́нтаф, д'е́вч'къф, у д'афч'о́нкъф, в'е́ткъф, ав'е́ч'каф, кры́саф, д'е́н'ък, старно́вак, каро́ф* (пов.) (с. Ежовка Балашовского р-на Саратовской обл.); *свад'ъаф, с'е́йилкаф, паду́шкаф, рагу́шкаф, йа́гъдаф, д'е́вак, кос* (д. Архангельское Тульского р-на Тульской обл.); *нас'е́ткъф, ш'ш'е́пъч'къф, стру́шыч'къф, в'е́йалкъф, нас'е́ткъф, доч'къф, д'евач'къф, с'е́йалкъф, жн'е́йкъф, с'ило́ф, машы́нъф, вадо́в, паду́шък, у́тък, капо́н, каро́ф, карто́х, афч'и́н, р'ек, машы́н, же́н'ш'ш'ин, штук, кос* (с. Данилкино Балашовского р-на Саратовской обл.).

В единичном рассеянном распространении такие говоры отмечаются и на остальной территории, например, в говорах северного наречия (Вологодская и Костромская группа), западных среднерусских говорах (Гдовские говоры, Новгородская группа и Селигеро-Торжковские говоры): *ло́ткъф, с'о́стръф, га́лъч'къф, к'итайыч'къф, у́ткъф, фа́бр'икъф, кр'и́нък, у́тък, коп'е́йык, в'е́тък, д'е́вък, подру́к, кос, поло́с, коро́ф* (д. Брыкино Калязинского р-на Калининской обл.); *йа́гаткъф, фо́рмаф, волно́ф, сл'и́воф, водо́ф,*

казо́ф, касо́ф, д'е́вушек, дасо́к, бу́лок, д'е́н'ек, карто́шок, л'еп'о́шек, штук, рук, каро́ф, кн'ик, йа́гат (д. Кошкино Кингисеппского р-на Ленинградской области); *уса́д'боф, н'ев'е́стоф, йа́годоф, фа́бр'икоф, д'е́н'ок, стару́шок, мы́шок, коп'и́йок, ку́роч'ок, шту́ч'ок, ду́док, ма́ток, со́точ'ек, вз'а́точ'ек, сп'и́чок, ба́ноч'ок, губ, мух, со́рок в'орс, голо́ф* (д. Кондрашово Кичменгско-Городецкого р-на Вологодской обл.); *гад'у́къф, кн'и́шкъф, кадý́шкъф, т'о́тък, сл'ек, бара́нък, кап'е́йик, газ'е́т, с'ир о́т, жон* (д. Мышкино Можайского р-на Московской обл.).

Говоры, в которых окончание *-ов* наблюдается у существительных типа *я́год* при нулевом окончании у существительных разных основ (*я́годов – я́год, ба́бушек* и т. п.) – единичны. Они представлены чаще вне пределов основного массива распространения окончания *-ов* у рассматриваемых существительных: юго-западнее Москвы, около Задонска, в р-не Липецка. См. например: *казо́у, карто́х, р'ек, б'из рубáх, каро́ф, пр'ах, хат, саба́к, мух, кап'е́йик, бу́лъч'ък, бу́лак, шп'и́л'ак, пр'ико́лак, ко́шьк* (с. Прокурово Касторенского р-на Курской обл.); *подру́гоф, стару́х, коро́ф, в'е́рбоц'ек, у́ток, коп'о́н, свал'еб-от* (с. Гусиха Пыщугского р-на Костромской обл.); *кн'и́гоф, ба́рок, посы́лок, со́ток, до́ч'ок, с'ес'т'о́р, коро́вушок, рубашок, поду́шок, п'ер'и́н, з'им, йа́гот, стару́х, рам* (Великое село Шольского р-на Вологодской обл.); *пч'ало́ф, б'е́лак, гало́вак, жо́нак, пастро́ейк, ав'е́ч'ак, дач'о́к, каро́ф, йа́гат, штук, пч'ол, гор, каро́ф* (д. Лямоны Красногородского р-на Великолукской обл.).

Важно отметить, что ответы, относящиеся к основной территории распространения окончания *-ов*, как правило, содержат обильный материал с формами, имеющими это окончание, в говорах же отдаленных от этой территории, отмечены лишь отдельные формы с окончанием *-ов*. Ср., например; ответ по с. Покров Молоковского р-на Калининской обл.: *бара́нков, но л'еп'е́шек, игру́шок, соба́к, жыке́ток, лепе́шечек, штук, ба́бушок, де́вушок, я́гот, вере́вок, бап, де́вок, до́чок, дефчо́нок, у́дочок, из ни́ток, зверу́шок, пчол, для коро́ф, бес пе́чок, сторо́н, пристро́ек, кри́нок, машы́н, штук, сотню грут, без везáнок* и ответ по х. Житини Николаевского р-на Волгоградской обл.: *ма́мкъф, ав'е́чкъф, пр'а́шкъф, хвъраст'и́нкъф, бро́шкъф, лампъч'къф, йу́пкъф, су́мъч'къф, шапкъф, с'о́стръф, д'е́въч'къф, с'аст'о́р, гало́ф.*

Исследователи отмечают, что "древнейшие примеры, свидетельствующие о начавшемся процессе объединения во множественном числе различных склонений, наблюдаются в памятниках с XIII века (таким образом этот процесс целиком протекает на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками)"[1].

По мнению ученых, данный процесс протекал в говорах разных территорий в различное время и с разной степенью интенсивности.

Наиболее последовательно этот процесс проявляется в говорах, где наблюдается тенденция "к полному устранению родовых различий, ... различие между мужским и немужским (женским и средним) родом во мн. ч. сказывается, но с недостаточностью и не везде, лишь в присвоении genet. plur на *-ов* только именам мужского рода"[2].

---

[1] *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1953, с. 95.

[2] *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. Brno, 1927, с. 218.

О происхождении форм род. падежа мн. числа существительных жен. рода с окончанием *-ов* высказывались различные предположения. А.А. Шахматов связывал их развитие с определенным типом основы существительных: "В именах женского рода окончания *-ов, -ев* являются особенно часто в замену такой формы род. мн., где требовалась вставка беглых *о, е.* Так вместо свадеб, ложек, барок ... явились свадьбов, ложков, барков"[3].

К иному выводу при исследовании этого вопроса приходит С.П. Обнорский: "Трудно поэтому думать, – пишет он, – насколько эти новообразования на *-ов* были основными и направляющими в общем развитии данного морфологического явления"[4]. Подобное заключение определялось, видимо, характером имевшегося в распоряжении С.П. Обнорского материала: "В общем материале форм такие примеры не превалируют над прочими именами существительными (с простыми основами): первых примеров приблизительно до 80, вторых не свыше 100)"[5].

Развитие форм на *-ов* С.П. Обнорский связывал с характером ударения в парадигме множественного числа: "ударяемость флексии в ряде падежных форм, – пишет С.П. Обнорский, – в частности во всех прочих, кроме родительного, косвенных падежах множественного числа легко могла содействовать замене старых форм род. мн. – без флексии с ударяемостью соответственно на основе – новообразованиями т. е. формами на *-ов, -ев,* принявшими естественно на себя также ударение"[6].

Материалы Атласа содержат, как правило, словоформы с безударным окончанием на *-ов.* Ударенное окончание *-ов* выступает в единичных примерах: *волно́в, войно́в, вербо́в, бабо́в, блохо́в, голово́в, грядо́в, губо́в, грудо́в, дыро́в, избо́в, кожуро́в, косо́в, копно́в, козо́в, крупо́в, куклó́в, колбасо́в, лисо́в, середо́в, свадьбо́в, рыбо́в, риго́в, ягодо́в.* Наиболее употребительна с наконечным ударением словоформа *сило́в,* отмеченная более чем в 50 нас. п.

Очевидно, что этот малочисленный по лексическому охвату материал и единичное употребление большинства из приведенных словоформ не могли способствовать столь широкому распространению окончания *-ов* в рассматриваемых формах. Проникновение "окончания *-ов* в основы женского рода, известное, впрочем, не только в великорусском, но также в белорусском и украинском" А.А. Шахматов относит ко времени "отдельной обособленной жизни этих наречий", объясняя это тем, что "подобные образования, во-первых, свидетельствуются почти только современным языком", во-вторых, тем, что "и в современном языке они не получили общего распространения"[7].

"Отсутствие ранних письменных указаний об этих формах" и "отсутствие отражения этого явления в литературном языке" дало возможность С.П. Обнорскому[8] считать появление окончания *-ов* в формах род. падежа мн. числа существительных жен. рода поздним по времени. Некоторое

---

[3] *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 352.
[4] *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927, вып. 2, с. 248.
[5] Там же.
[6] Там же, с. 259.
[7] *Шахматов А.А.* Указ. соч., с. 352.
[8] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 242.

сгущение форм с этим окончанием в говорах московского наречия, по мнению С.П. Обнорского, свидетельствует "о зарождении самого явления в народной речи на основе влияния литературного языка, т. е. бывшего именно московским в своей живой природе в пору зарождения данного явления"[9].

Косвенное указание на позднее развитие форм на *-ов* у существительных жен. рода находим в работе С.И. Коткова[10], исследовавшего памятники XVII в., написанные на территории орловских говоров, и не обнаружившего в них форм, известных в современных говорах, в то время как другие современные диалектные черты в этих памятниках отмечены.

Также к числу поздних образований относят рассматриваемые формы авторы монографии о севернорусском наречии и среднерусских говорах[11].

Исследование лингвистических данных в сочетании с показаниями памятников письменности дает возможность высказать определенные предположения о времени и характере развития форм с окончанием *-ов* в родительном падеже множественного числа существительных жен. рода. Очевидно, что развитие данного явления связано с территорией юго-восточных говоров русского языка, при этом первоначальным очагом их развития была, видимо, территория рязанских говоров, где их в целом ряде случаев отмечают в исключительном употреблении. С этой территории они в дальнейшем получают распространение на территорию говоров, окружающих Москву, и в другие, пока разрозненные говоры. Возможно, что формы род. падежа мн. числа существительных жен. рода с окончанием *-ов* первоначально развивались в составе существительных с основой на группу согласных[12]. Об этом может свидетельствовать сравнительно более широкая территория их распространения.

Существительные с основой на один согласный, по-видимому, были охвачены этим процессом в более позднее время, поскольку их территория является более ограниченной.

В связи с тем, что подобные формы имеют самостоятельные ареалы распространения на территории говоров белорусского и украинского языков, можно думать, что их развитие относится к сравнительно более позднему времени, т. е. к периоду самостоятельного развития восточно-славянских языков[13].

Сравнительно реже наблюдается по говорам употребление окончания *-ей* в форме родительного падежа множественного числа рассматриваемых существительных (см. карту). Говоры, характеризующиеся наличием подобных форм образуют два значительных ареала на территории восточных среднерусских говоров (Калининская и Горьковская подгруппа и отдел В).

---

[9] Там же, с. 249.

[10] *Котков С.И.* К изучению орловских говоров. – Учен. зап. Орловского пед. ин-та, т. VII, 1952, с. 118.

[11] Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. Под. ред. *В.Г. Орловой*. М., 1970, с. 251.

[12] Этому могла способствовать также тенденция к унификации основы по всей парадигме мн. числа: устранение беглых *о* и *е* в группе согласных, известных только в основе род. падежа.

[13] См. также: *Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с. 71. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта 101. Минск, 1963.

Единичные говоры с употреблением таких форм наблюдаются на территории северного наречия (в р-не Чухломы, Яранска, Вологды) и южного наречия (в пределах Тульской и Рязанской групп). С окончанием *-ей* в основном представлена словоформа *свадьбей*, единично отмечены словоформы *вербей* (около 20 рассеянных нас. п.), а также *ко́зе́й, прока́зей, узде́й, карте́й, крысе́й.*

Различны мнения ученых о территориальном распространении окончания *-ей* в формах существительных жен. рода. Так, П.С. Кузнецов считает, что "все дальше идущее объединение различных типов во множественном числе еще в большей степени проявилось в некоторых южновеликорусских говорах. Там окончание *-ей* захватывает и некоторые существительные, в литературном языке не имеющие этих окончаний (например, *свадьбей*)"[14].

С.П. Обнорский пишет, что "территориально явление ограничивается областью северновеликорусского наречия и полосой переходных говоров, являясь совершенно чуждым районам чистых южновеликорусских говоров"[15].

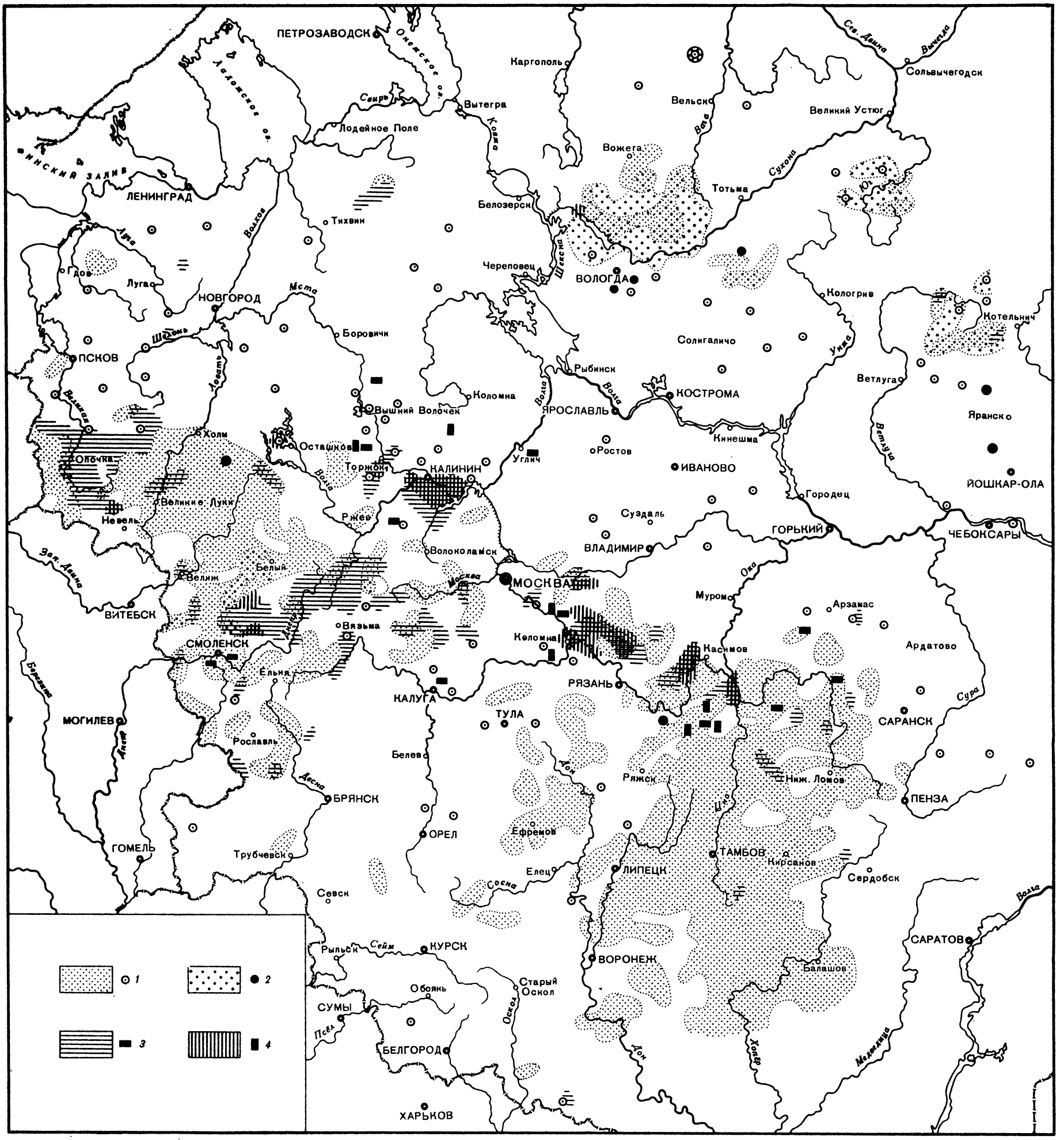
Можно думать, что проникновение окончания *-ей* в формы существительных жен. рода является результатом общей тенденции к унификации окончаний в парадигме мн. числа. Рассеянный характер распространения форм существительных жен. рода с окончанием *-ей* свидетельствует, видимо, о позднем времени их развития.

В пределах территории распространения окончания *-ов* отмечаются формы с окончанием *-ов* от существительных с исконной основой на группу согласных. В связи с нерегулярным приведением их в ответах нет возможности для каких-либо определенных выводов об их употреблении и соотношении с формами других существительных на *-ов* в русских говорах.

В говорах можно наблюдать также особенность, касающуюся образования основы в форме род. падежа мн. числа существительных жен. рода с исконной основой на группу согласных. Имеются в виду формы с "ложными" беглыми гласными *о* и *е* в словах типа *клюков, векош, скире́д* и т. д. Подобные формы в рассеянном распространении отмечены от существительных *искра, игла, векша, скирда, буква, клюква, выдра* и т. д. По-видимому, это поздние образования, связанные с устранением трудно произносимых согласных.

---

[14] *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1953, с. 99.
[15] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 210.

Карта 1. Диалектные формы творительного падежа существительных типа *кость*
1 – 4 – формы типа: *1 – ко́стей*; *2 – ко́стьей*; *3 – ко́стюй*; *4 – ко́стьюй*

К ст. А.И. Сологуб, с. 99

Зак. 542

Л.Н. БУЛАТОВА, Т.Ю. СТРОГАНОВА

ГИПОТЕЗА С.П. ОБНОРСКОГО О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОКОНЧАНИЙ *-УЯ, -АЮ, -АИ, -АМИ* В ФОРМАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СВЕТЕ ДАННЫХ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА

В "Заметках по русской диалектологии"[1] С.П. Обнорский, развивая мысль А.А. Шахматова относительно происхождения окончания *-уя*, выдвинул гипотезу о том, что звуковой вид ряда современных диалектных окончаний прилагательных в южнорусском (по терминологии С.П. Обнорского – в южновеликорусском) наречии обязан своим происхождением диссимилятивному принципу организации вокализма, действовавшему в период возникновения аканья. К таким окончаниям, помимо окончания вин. падежа ед. числа жен. рода *-у́я (молоду́я)*[2] автор относит также безударное окончание той же формы *-аю (бе́лаю)* и безударные окончания им. и твор. падежей мн. числа *-аи (бе́лаи)* и *-ами (бе́лами)*.

Ход рассуждений автора таков. Окончание *-у́я* является южновеликорусской чертой. Но и в пределах южновеликорусского наречия это окончание распространено не всюду, а преимущественно на той территории, где известно диссимилятивное аканье[3]. Аканье коснулось всех безударных гласных. Следовательно, в заударных слогах нужно ожидать таких же результатов, как и в предударных. Сочетание двух одинаковых по закрытости гласных (как в окончании *-ую*) было неприемлемо. Естественно, что изменения коснулись второго (заударного) гласного. Так возникло окончание *-у́я*.

Диссимиляция имела место и в соответствующем безударном окончании. Однако здесь результат был другим. Из двух безударных гласных последний обладает большей силой и поэтому закономерным следствием диссимиляции является безударное окончание *-аю*. Что касается безударного окончания *-уя*, которое распространено значительно уже, чем под ударением, то оно, по мнению С.П. Обнорского, возникло под влиянием соответствующего ударного окончания.

Действию диссимиляции С.П. Обнорский приписывает и возникновение окончания *-аи*. Сравнивая распространение окончаний *-аи* и *-аю* по тем данным, которыми он располагал, С.П. Обнорский приходит к выводу, что окончанию *-аи* сопутствует окончание *-аю*, но не наоборот. Границы распространения окончания *-аи* близки к границам *-у́я*, что и заставляет считать те и другие результатом диссимиляции: *аи* < *ыи; аю* < *ую*. Окончание *-аю*, будучи более широко распространенным, лишь на территории, общей с другими рассмотренными окончаниями, обязано своим происхождением диссимилятивному аканью, а на другой территории могло иметь морфологическое происхождение.

---

[1] Slavia. Praha, 1929, roč. 7, seš. 4.

[2] Окончания приводятся в транскрипции С.П. Обнорского. Авторы пользуются такой же транскрипцией и далее, причем буквы *а (я)* обозначают как [а], так и [ъ]; [аи] и [*аи*] передаются одинаково: *-аи*.

[3] Термин **аканье** С.П. Обнорский употребляет в широком значении, включая в это понятие и яканье.

С.П. Обнорский затрагивает также вопрос о косвенных падежах прилагательных, начинающихся с гласного [а]: *-ах, -ам, -ами*. Окончание *-ами*, поскольку оно отмечается на территории диссимилятивного аканья, имеет, по его мнению, такое же происхождение, как и *-аи* в им. падеже. Окончания остальных косвенных падежей могли возникнуть по аналогии.

Нельзя не заметить, что в ряду рассмотренных С.П. Обнорским окончаний не хватает некоторых звеньев. Так, для вин. падежа ед. числа жен. рода автор рассматривает как ударные, так и безударные окончания, обнаруживая в них обратный порядок противоположных по закрытости (добавим – и по подъему) гласных, а для остальных форм он приводит только безударные окончания. Какой звуковой состав должны иметь их ударные соответствия, если гипотеза С.П. Обнорского верна?

-у́я; ?; ?
-аю; *-аи*; *-ами*

Исходя из отношений между ударными и безударными окончаниями вин. падежа, на пустые места в таблицу следует поставить окончания *-ы́я* и *-ы́мя*[4].

Оба этих окончания действительно существуют, и не учитывая их соотношения с теми окончаниями, которые приводит С.П. Обнорский, нельзя оценить степень обоснованности его гипотезы.

При этом существенным является не только сопоставление окончаний в горизонтальных рядах приведенной выше схемы (разные грамматические формы прилагательного), но и в ее вертикальных рядах (ударное и безударное окончание одной и той же грамматической формы).

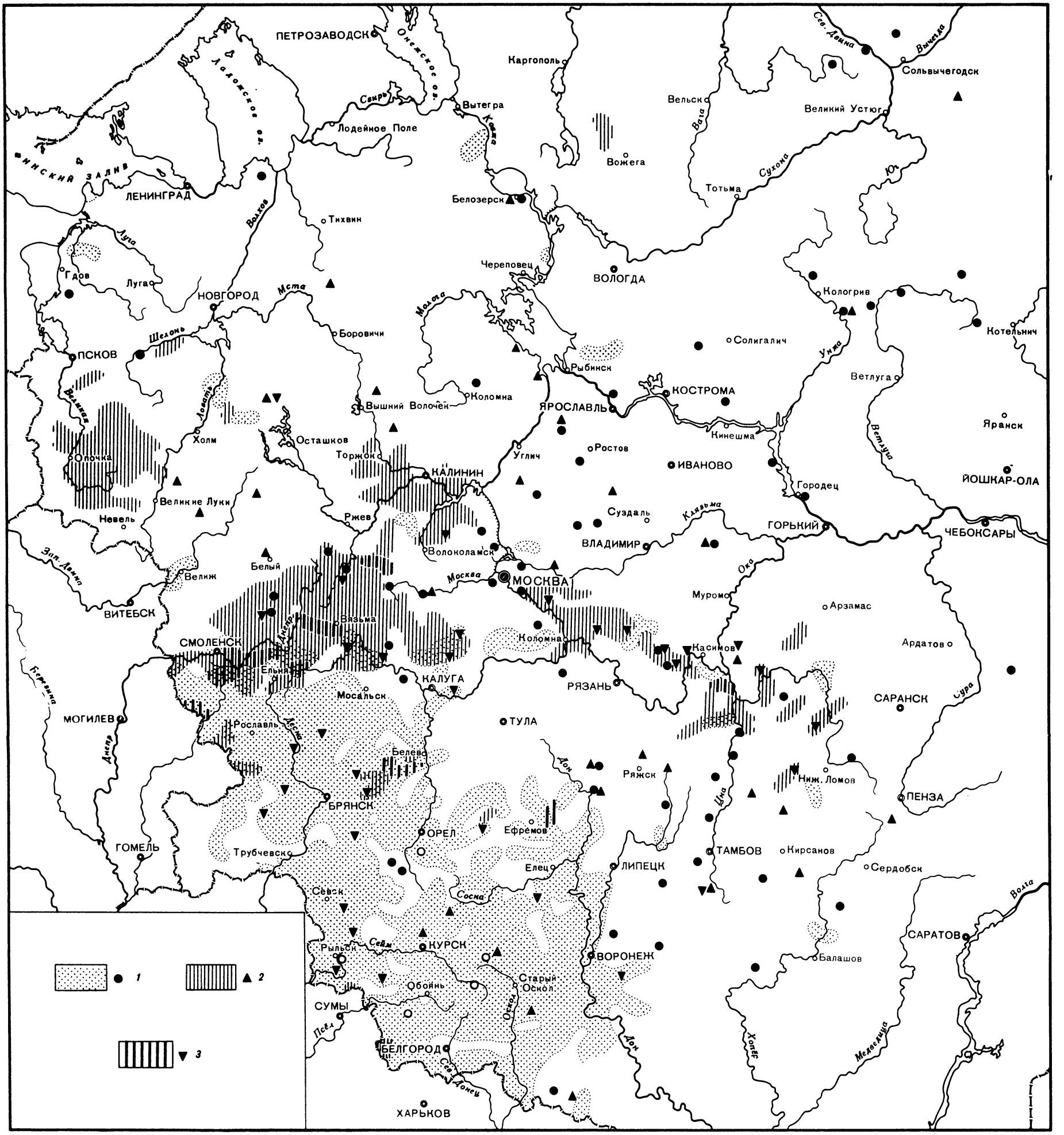
Если сопоставить ударные окончания всех трех форм, то прежде всего обращает на себя внимание незначительность распространения окончания *-ы́мя* сравнительно с ареалами окончаний *-ы́я* и *-у́я*. Небольшой компактный ареал окончания *-ы́мя* расположен в р-не Сычевки (Смоленская обл.), особенно к востоку и юго-востоку от нее. За предалми этого ареала оно известно только в нескольких нас. пунктах на границе Рязанской и Владимирской областей, а также в отдельных нас. пунктах, разбросанных по южной части территории, картографируемой в ДАРЯ[5].

Исходя из гипотезы С.П. Обнорского можно было бы ожидать, что окончанию *-ы́мя* под ударением должно соответствовать окончание *-ами* без ударения. Но такое соотношение в ответах по одному и тому же нас. пункту отмечается очень редко. Например, *худы́м'а (и мълады́м'и)*, *до́брам'и*, *то́нкам'и* (В., 692. Слободские Дубровки Краснослободского р-на Мордовской АССР). Большей частью при окончании *-ымя* под ударением, такое же окончание отмечается и без ударения. А безударному окончанию *-ами*, широко известному на территории южнорусских и среднерусских говоров, большей частью соответствует ударное окончание *-ы́ми*,

---

[4] Мы будем говорить в статье о звуковом составе окончаний только твердой разновидности прилагательных, чтобы не осложнять картины теми звуковыми вариантами, которые связаны с мягкостью предшествующих согласных и не имеют отношения к рассматриваемым здесь вопросам. Ср. закономерное для многих говоров *си*[н'ij у]при *бе*[луjу]; *си*[н'ии] при *бе*[лаи] и т.п.

[5] См.: ДАРЯ, вып. II Морфология. Комментарий к карте 51 (рукопись). Автор карты А.К. Васильева.

Карта 2. Формы творительного падежа существительных женского рода на *-а*

1 – с двусложным окончанием (*па́лкою, бере́зою* и под.); *2* – с окончанием *-уй* (*па́лкуй, бере́зуй* и под.); *3* – с окончанием *-ую* (*па́лкую, бере́зую* и под.)

К ст. А.И. Сологуб, с. 101

где никакой диссимиляции гласных нет. Разобщенность окончаний *-ы́мя* и *-ами* заставляет усомниться в правильности гипотезы С.П. Обнорского относительно происхождения окончания *-ами* у прилагательных.

Следует также отметить, что в р-не Сычевки, где больше всего отмечается окончание *-ымя*, звук [а] в заударном положении в открытом конечном слоге представляет фонему ‹и› и в других окончаниях, где он не может быть объяснен диссимиляцией. Ср. в д. Поповка: *мълады́м'а, зъкрама́м'а ма́л'ън'къ[а]м'а, за э́тъм'а* наряду со *сваи́м'и*, а также *зъ гр'иба́м'а, зъ быка́м'а, тълъка́м'а, гър'с'т'а́м'а, с'ер'па́м'а, плуга́м'а, йа́блън'ам'а* и т.п. наряду с *пъра́м'и, дв'ер'а́м'и, д'е́н'гъм'и* и т.п.; им. мн.: *б'е́лк'а, фа́бр'ик'а, м'а́лк'а, р'е́к'а, ту́рк'а, го́с'т'а* наряду с *го́с'т'и, агур'е́ч'к'и, д'ер'е́в'н'и, а́рм'иц, з'м'е́и* и т.п.; *атпрувл'а́л'а, аддыхал'а, атпус'т'и́л'а* наряду с *абману́л'и* (З., 378).

Что касается окончаний *-у́я, -аю* и *-ы́я, -аи*, то в ряде говоров они действительно сосуществуют[6], хотя каждое из них имеет свой ареал. Параллелизм между соотношением гласных звуков в ударном и безударном окончаниях обеих форм на территории, где отмечаются все четыре окончания, невольно наводит на мысль, что здесь находят отражение какие-то общие фонетические закономерности, если не современные, то имевшие место в прошлом.

Необходимым этапом в исследовании этих закономерностей является сопоставление ареалов всех четырех окончаний[7] между собой, а также, если иметь в виду гипотезу С.П. Обнорского, сопоставление их с территорией диссимилятивных типов безударного вокализма.

Предоставить читателю материал для такого сопоставления (карты 1, 2[8]) мы считаем основной целью публикуемой статьи. Попутно выскажем предварительные соображения, возникающие при таком сопоставлении.

Интересующие нас окончания распространены преимущественно на территории южной части ДАРЯ, хотя все они, кроме *-уя*, заходят на север от ее границы, особенно окончание *-ыя*. Кроме того, окончания *-аю* и *-ыя*

---

[6] См., например: *Аванесов Р.И.* Очерки диалектологии рязанской мещеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 1. М., 1949, с. 214–215; *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., "Наука", 1972, с. 421 и 422 (описание говора д. Деулино Рязанского р. Рязанской обл.).

[7] Для краткости слово *окончание* мы употребляем здесь и далее в значении звукового кортежа, которым представлено окончание. Таким образом, разными окончаниями могут быть названы и фонетические варианты одного и того же (на фонемном уровне) окончания.

[8] При составлении этих карт были использованы следующие карты ДАРЯ: вып. I. Фонетика, карта 8 (автор К.Ф. Захарова); вып. II. Морфология, карта 43 (Т.Ю. Строганова) и карты 48,50 (И.А. Букринская и Л.Н. Булатова). На карте 43 окончание *-ыю* представлено тем же знаком, что и окончание *-аю* (-[аjу], -[ъjу]). Мы не сочли нужным выделять его, потому что это окончание отмечается на той же территории вперемежку с окончанием *-аю*. Различия между ними связаны, по-видимому, с системами заударного вокализма говоров. Морфологическое объяснение, которое С.П. Обнорский дает окончанию *-ыю* (результат контаминации окончаний *-ые* в род. падеже и *-ую* в вин. падеже) ничем не подтверждается. Этому прежде всего противоречит отсутствие соответствующих окончаний под ударением.

(последнее как под ударением, так и безударное) широко распространены в белорусских говорах[9].

Наиболее компактный ареал имеет окончание *-уя*, очертания которого очень близки к границам юго-восточной диалектной зоны[10], известной многими архаическими чертами. На территории юго-восточной зоны систематичнее, чем на остальной территории, окончания *-у́я, -аю, -ы́я* и *-аи* отмечаются в пределах одних и тех же диалектных систем. Территориальные сгущения таких говоров наблюдаются преимущественно в Куско-Орловской и в меньшей степени в Восточной группе южнорусского наречия (около Рязани).

На этой же территории отмечаются и различные типы диссимилятивного вокализма. Почти вся территория юго-восточной зоны, кроме ее северной части, заполнена диссимилятивным яканьем. Здесь расположены все чистые типы диссимилятивного яканья, кроме жиздринского, и все типы, возникшие на основе диссимилятивных. Жиздринский (по иной терминологии белорусский) тип яканья является более поздним[11]. Примечательно, что на белорусской территории, где распространен этот тип диссимилятивного яканья, окончание *-уя* неизвестно.

Что касается предударного вокализма после твердых согласных, то зона диссимилятивного аканья захватывает только самую западную окраину этой территории, включая Курск. Но есть основания думать, что раньше диссимилятивное аканье охватывало всю юго-восточную зону. Об этом свидетельствует остров архаического диссимилятивного аканья к северу от Воронежа[12]. Кроме того, в отдельных говорах диссимилятивное аканье отмечается по всей территории юго-восточной зоны.

Территориальная близость между диссимилятивным аканьем (в широком смысле слова) и окончанием *-у́я*, а также широкое распространение в этой же зоне окончаний *-аю, -ы́я* и *-аи* свидетельствуют в пользу гипотезы С.П. Обнорского.

Однако нужно отметить некоторые факты, которые не находят объяснения в гипотезе С.П. Обнорского.

В то время как законы диссимилятивного аканья действовали внутри морфем различного типа и на их стыках, у нас нет свидетельств диссимиляции двух [у] или [ы] и [и] нигде, кроме как внутри окончаний (их нет, например, в формах 1 л. типа *пробую, требую, завидую* или в формах 3л.мн. числа тех же глаголов). И среди окончаний имеются такие, где мы не наблюдаем ожидаемой диссимиляции, например, ударное окончание *-ыми* твор. падежа мн. числа прилагательных, о чем мы уже говорили. Обращает на себя внимание тот факт, что диссимиляция, или внешне сходные с ней явления, наблюдаются в тех окончаниях, где находился интервокальный *j*.

Далеко не полное соответствие между окончаниями *-у́я* и *-ы́я*, и каждого из них с безударными вариантами соответственно *-аю* и *-аи* даже на тер-

[9] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, Карты 124, 127, 128.

[10] См.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, с. 102.

[11] См.: *Аванесов Р.И.* Лингвистическая география и история русского языка. – ВЯ, 1952, № 6, с. 38–39; Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957, с. 72.

[12] См.: Даря вып. I. Фонетика, карта 1 (автор Т.Ю. Строганова), а также: *Строганова Т.Ю.* Одна из особенностей южнорусского вокализма. – ВЯ, 1955, № 4, с. 95–103.

ритории юго-восточной зоны, хотя и не противоречит гипотезе С.П. Обнорского (их соотношение могло быть нарушено более поздними процессами аналогии, по-разному проявившимися в разных формах), но требует дополнительных объяснений[13].

Следует также отметить, что все упоминаемые С.П. Обнорским окончания, кроме *-уя*, находят свое объяснение без обращения к диссимиляции гласных.

Так, окончание *-аю*, широко распространенное и за пределами юго-восточной диалектной зоны, закономерно возникает в результате редукции заударного [у] и последующего прояснения [ъ] в [а] независимо от качества соседнего слога. Это явление для закрытого конечного слога широко известно в южных говорах, в том числе и на территории юго-восточной зоны: *за́м[а] ж го́л[а]бь, о́к[а]нь, фа́рт[а]к* и т.п. Тем скорее такой редукции можно ожидать и в неконечном слоге.

То же относится и к безударным окончаниям прилагательных во мн. числе в тех говорах, где совпадают ⟨и⟩ и ⟨а⟩ после твердых согласных в заударных слогах (*вы́рэл, вы́мэл* и *р'иб'а́тэм* или *вы́рал, вы́мал* и *р'иб'а́там*).

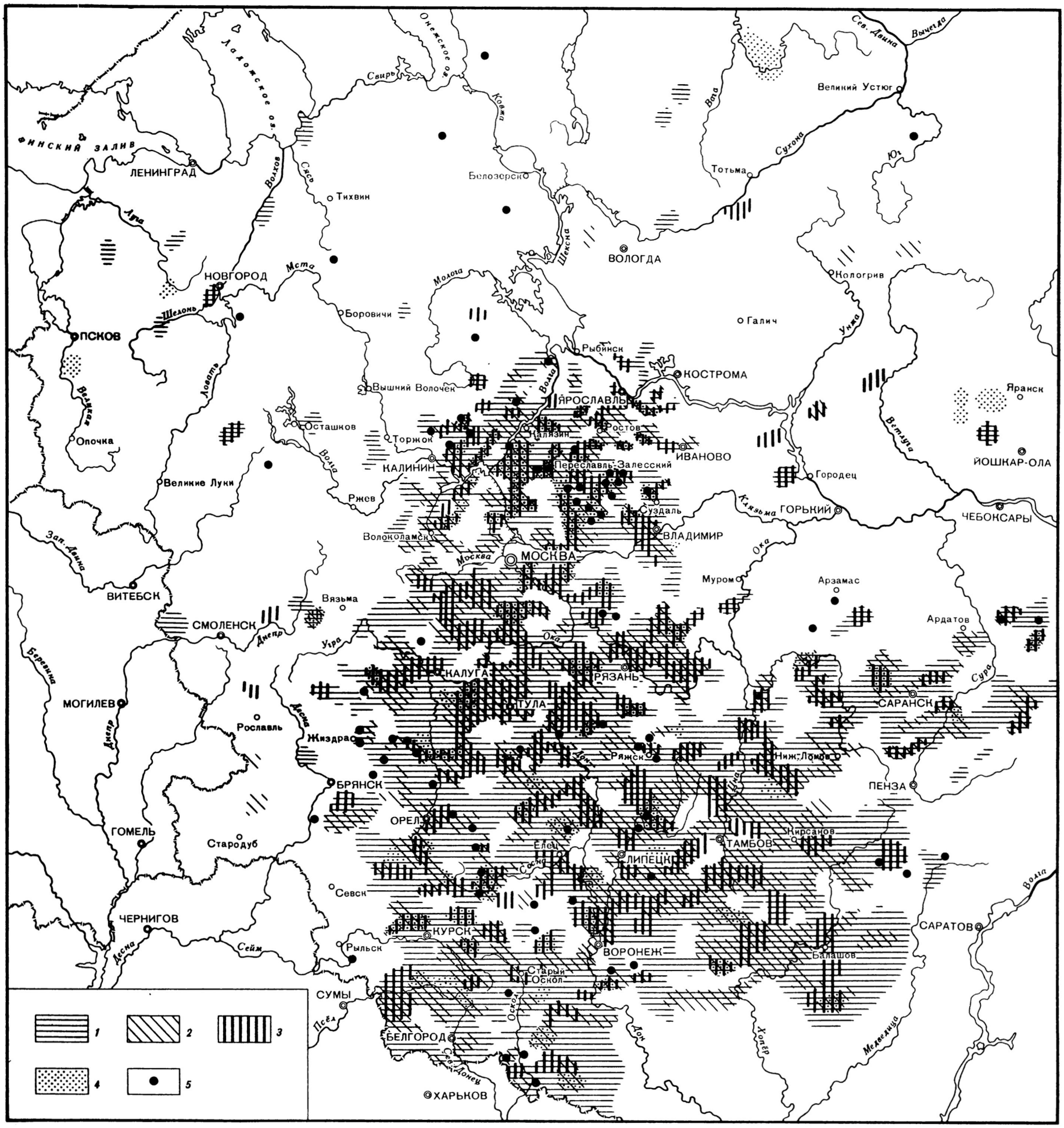
В безударных окончаниях проходили и различные морфологические процессы, которые также могли отразиться на соотношении ударных и безударных окончаний. К ним относится взаимодействие безударных окончаний существительных и прилагательных[14].

Таким образом, звуковой вид окончаний, о которых писал С.П. Обнорский, мог определяться как различными фонетическими факторами, так и сочетанием фонетических и морфологических причин. Среди них, возможно, играла определенную роль и диссимиляция (вероятно, в каких-то ограниченных условиях), что наиболее достоверно может быть отнесено к окончанию *-уя*.

---

[13] Не требует специальных объяснений лишь такое нарушение соотношений *-уя* и *-ыя*, когда последнее распространено шире, чем *-уя*. Окончание *-ыя* не обязательно связано с диссимиляцией [ыи]. Конечный [а] может представлять в этом окончании фонему ⟨е⟩.

[14] См.: *Булатова Л.Н.* Взаимоотношение окончаний одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах (на материале безударных окончаний творительного падежа множественного числа). – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., "Наука", 1981, с. 107–114.

Карта. Различие по твердости и мягкости в исходе основы кратких прилагательных множественного числа типа *сыты, рады*

1 – *сы́*[ты] и/или *ра́*[ды]; *2* – *сы́*[т'и] и/или *ра́*[д'и]; *3* – отмечено *вино́ва*[т'и]; *4* – отмечено *бога́*[т'и]; *5* – отмечено *го́ло́д*[н'и́]; *6* – отмечены другие слова с мягкой основой

К ст. И.Г. Валиной, с. 104

Зак. 542

Е.В. НЕМЧЕНКО

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИЯХ В МОРФОЛОГИИ ПРИЧАСТИЙ
(о полных формах в русских говорах)

Изучение истории страдательных причастий прошедшего времени в русском языке показало, что их полные формы представляют собой образования, функционально ограниченные, – в целом они характерны для книжнописьменной формы языка (применительно к материалам II-й половины XVI в. такой вывод сделан С.Д. Никифоровым[1]). Вместе с тем известен факт сравнительно широкого употребления форм на *-ный, -тый* в современных русских говорах, причем существенно заметить, что степень употребительности их для разных диалектных систем оказывается весьма различной. Указанный факт связан, по-видимому, с двумя моментами: 1) по ряду причин, неоднократно освещавшихся исследователями (и в первую очередь по причине отсутствия поддержки в спрягаемых формах глагола), для страдат. причастий прош. времени характерна "массовая адъективация"[2]; 2) данные образования в части современных говоров широко используются в предикативной функции.

Как показали соответствующие исследования, в современной разговорной речи носителей литературного языка употребительны – как в атрибутивной, так и в предикативной функции – только такие образования на *-ный, -тый,* которые имеют адъективный характер и по существу, несмотря на "причастный вид", должны быть отнесены к системе прилагательных (имеются в виду случаи типа *я угощу тебя жареным лещом; его пьют в подогретом виде; организм ослабленный, и поэтому все липнет* – о болезнях; *я сижу простуженная*)[3].

Адъективация страдат. причастий прош. времени – существенный момент для объяснения факта употребительности их и в современной диалектной речи. Однако здесь наблюдается и другое явление: употребляясь предикативно, образования на *-ный, -тый* могут называть не только более или менее постоянный признак предмета (значение, сближающее или даже объединяющее их с прилагательными), но и признак, возникший в результате предшествующего действия, что подчеркивается возможностью сочетания предиката с обстоятельственным, объектным и даже субъектным распространителем, ср.: *кому ключ даденый?* Модолицы Ленинградск.; *он в войну роженый* Ямок Новгородск.; *это у меня принесеный вам пирог* Колоколово Псковск.; *сын-то на курсах отправленый* Денисово Калининск.; *я не расписаный с ней был* Счастливка Орловск. С точки зрения значения полные формы, по-видимому, сближаются в этих случаях с краткими (функциональное совпадение их очевидно), однако не становятся им равными: если для кратких форм типовым является значение собственно состояния, то в полных семантика состояния неотделима от признака.

---

[1] *Никифоров С.Д.* Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, с. 301.

[2] *Калакуцкая Л.П.* Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971, с. 166.

[3] См.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 179–184.

Экспансия полных форм в сферу функционирования кратких наблюдается в разных русских говорах, однако в большей мере она характерна для говоров южнорусских и восточных среднерусских[4]. Статистическая обработка материалов, собранных для составления ДАРЯ, показала, что сравнительная употребительность предикативных полных и кратких форм страдат. причастий прош. времени выглядит по говорам следующим образом: если в говорах севернорусских и западных среднерусских на долю полных форм приходится 0–35% от всего количества случаев предикативного употребления страдат. причастий прош. времени, то в говорах южнорусских и особенно восточных среднерусских этот показатель вырастает до 70–100%[5].

Указанные факты, безусловно, не могли не сказаться на специфике грамматического статуса полных форм страдат. причастий, употребляемых в говорах: данный морфологический разряд форм, появившийся здесь как результат синтактического параллелизма к кратким формам причастий, приобрел новые грамматические и семантические признаки, благодаря чему оказался принципиально отличным от соответствующих форм страдат. причастий прош. времени литературного языка. Но что представляется особенно существенным для морфологии диалектных причастий, – это наличие в некоторых говорах предикативных форм на *-(в)ший,* к рассмотрению которых мы и переходим.

Как известно, полные формы действит. причастий наст. и прош. времени в русском языке (для всех периодов его истории) представляют собой образования, стилистически маркированные и ограниченные в своем употреблении книжно-письменной формой языка. Для разговорной же речи, особенно диалектной, они никогда не были характерными, хотя отдельные слова – прежде всего адъективировавшиеся или субстантивировавшиеся образования типа *управляющий, заведующая* – и проникают из письменности в живую речь. Однако в современных говорах (во всяком случае в части их) для причастий прош. времени наблюдается и новое явление – употребление в качестве предиката или его именной части (предикативный атрибут) не только причастий на *-ши,* но и полных форм на *-(в)ший,* ср.: *ветки нагнувшие* Яковлево Ярославск.; *и муж и сын – оба погибшие* Кирилловское Ярославск.; *у вас большой самовар согревший* Бурмакино Ленинградск.; *у многих сена есть сгнившие* Кихита Тартумаск. р-н Эст ССР[6]; *никто нигде не бывший* Калласте (Красные Горы) Тартумаск. р-н Эст. ССР; *я не выспавшая* Взвад Новгородск.; *жена записавшая* Заполек Новгородск.; *в огороде у нас цветы есть выросшие* Ямно Новгородск.; *она еще вчера прибывшая* Засово Новгородск.; *он с самой весны высохший* Замежничье Псковск.; *первый*

[4] На материале южнорусских говоров данное явление как диалектное описано В.И. Собинниковой – см.: *Собинникова В.И.* Простое предложение в русских народных говорах. (По материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961, с. 56–57.

[5] См.: *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, карта-схема 4, с. 284–295.

[6] В говорах на территории русского северо-запада возможно сочетание в составе предиката служебного компонента *есть* и с формой на *-ши,* ср.: *она немножко есть рехнувши* Выбье Ленинградск.; *сыновья есть оставши* Новотроицы Новгородск.

давно померший Княжицы Псковск.; *здесь все снаряды павшие* Намоево Псковск.; *от как я вчерась был загулямший, со вчерашнева чердак трещить* Стригово Псковск.;[7] *мы не свыкшие к тому* Горожанка Брянск.; *чтой-то вы не емший* Кузьминские Отвержки Липецк.; *ты одевший, я не евший* Евсюковка Липецк.; *он выпимший* Александровка Воронежск.; *это когда-то говорено, это уже забывшее* Средний Карачан Воронежск.[8]; *он заболемший* Монастырское Саратовск.; *он не поспевший был* Михайловка Саратовск.; *сын пропавший в августе месяце сорок первого года* Новая Пятина Пензенск. Сравнение материалов по разным говорам[9] свидетельствует о том, что лексический состав полных причастных форм по говорам колеблется: если на территории русского северо-запада явление, по-видимому, выступает как лексически не ограниченное, то в южных говорах отмечаются по преимуществу причастия *выпивший, одевший, раздевший, (не)евший...* – в данном случае предикативно (как и полупредикативно) употребляющиеся неизменяемые причастия с суф. *-ши* представляют совершенно аналогичную картину – следовательно, можно говорить о полном параллелизме с употреблением предикативных (или полупредикативных) образований на *-ши.*

Рассмотренное диалектное явление нельзя не сопоставить с наметившейся в современных говорах тенденцией к расширению предикативного употребления полных форм страдат. причастий прош. времени (о чем речь была выше). Вероятно, именно в связи с синтаксическим параллелизмом причастий в русских говорах можно говорить о полных формах на *-(в)ший* как о морфологическом новообразовании: данные формы могли, как представляется, возникнуть на основе неизменяемых причастий с суф. *-ши* присоединением к ним словоизменительных аффиксов.

---

[7] Сказки и легенды Пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В.И. Чернышева. М.–Л., 1950, с. 96.

[8] Говорам известно употребление предикативных причастий на *-ши* и в страдательных конструкциях, ср.: *приходим – вся палатка расковырявши* Пеньково Калининск.

[9] Для южнорусских говоров см. также: *Гринкова Н.П.* Очерки по русской диалектологии, V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии. – Изв. по русскому языку и словесности, II, кн. 1. Л., 1929, с. 95; *Аванесов Р.И.* Очерки диалектологии рязанской мещеры. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 1. М.–Л., 1949, с. 199; *Гецова О.Г.* Говор села Катагощи (канд. дис., рукопись). М., 1952, с. 454–455; *Собинникова В.И.* Указ. соч., с. 60–61.

Ю.С. АЗАРХ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА *-А* С ЭКСПРЕССИВНЫМИ СУФФИКСАМИ ТИПА "ГЛАСНЫЙ + ЗАДНЕНЕБНЫЙ СОГЛАСНЫЙ" В РУССКИХ ГОВОРАХ

В современной диалектной и разговорной речи обнаруживает продуктивность своеобразная группа слов на *-а* с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный". Наименования лиц с суффиксами данной группы принадлежат к разряду слов общего рода. Неодушевленные существительные этой структуры принадлежат к женскому роду, редкие названия животных, как правило, также относятся к женскому роду.

В настоящей статье мы рассмотрим особенности словообразовательного значения и морфонемной структуры дериватов с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный", связанные с грамматической характеристикой этих образований[1].

С помощью суффиксов *-аг(а), -'аг(а), -ак(а), -'ак(а), -ах(а), -'ах(а), -ег(а), -ог(а), -'ог(а), -ох(а), -'ох(а), -уг(а), -'уг(а), -ук(а), -'ук(а), -ыг(а), -ык(а), -ых(а), -г(а) < -ьг(а)* производятся (или производились) слова с контекстно-зависимыми словообразовательными значениями. Образования с этими суффиксами могут иметь разные типы словообразовательных значений: называть носителя признака (мутационное словообразовательное значение); сохранять полностью или частично лексическое значение производящих глаголов или прилагательных, обозначая отвлеченные от носителя действие/состояние или качество (транспозиционное словообразовательное значение); отличаться от производящих существительных дополнительным семантическим признаком (модификационное словообразовательное значение); наконец, дублировать значение производящих атрибутивных словосочетаний (соединительное словообразовательное значение). Все указанные типы словообразовательных значений могут реализоваться у дериватов с одним и тем же формантом. Тип словообразовательного значения у существительных с суффиксами рассматриваемой структуры зависит, во-первых, от категориальной принадлежности производящего слова и, во-вторых, от контекстного окружения деривата.

Отсутствие у производных с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный" общего, инвариантного и обязательного для всех образований с данным формантом словообразовательного значения обусловлено тем, что суффиксы этой группы не связаны однозначно с родом и типом склонения. Только те субстантивные суффиксы, которые участвуют в деривации существительных одного грамматического рода и типа склонения, обладают и функцией указания на определенный тип семантических отношений между производным и производящим, или на определенный тип общего словообразовательного значения. С помощью суффиксов рассматриваемой структуры в русском языке могут производиться слова муж-

[1] Описание тематических групп и территориального распределения слов с суффиксами *-иг(а), -ыг(а), -аг(а), -яг(а)* см: *Вендина Т.И.* Суффиксы с *г*-основой (из русского диалектного словообразования). – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1978. М., 1980, с. 236–266; Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования, 1979. М., 1981, с. 247–264.

ского и женского грамматического рода, мужского и женского субстантивных склонений: ср.: *ма́лег, ма́лёг; ма́лега, малёга; маля́г, маля́га* 'мелкий , густой, молодой лес' олон; *дела́к* 'тот, кто плохо и неумело делает что-либо' калуж.; *дела́ка* м. ж. 'дельный, деловой человек' перм./Кунгур., Охан. (СРНГ).

Дериваты на *-а* с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный", производные от глаголов и прилагательных, наиболее продуктивны в современном языке при образовании слов с мутационным значением носителя признака – процессуального (отглагольные имена) или качественного (отадъективные имена), например: *колю́ка* < *колоть* 'названия колючих растений' курск., дон; 'еж' ворон./Задон., Землян.; 'мелкая костлявая рыба' арх./Пинеж.,; 'злой, вспыльчивый человек' ворон.; *малёха* 'малышка' (о ребенке) моск.; *малыга* м. и ж. 'низкорослый человек' новг./Тихв., Черепов., яросл., нижегор.; 'мальш' (о ребенке) влад.; 'младший в семье' новг./Тихв.; 'опушка леса' горьк./Урен.; *мальга́* м. и ж. 'мальш' ряз., казан.; 'младший сын' твер./Вышневол.; 'младшая сестра' новг./Черепов.; 'денежная мелочь' влад. (СРНГ).

Отсубстантивные дериваты с суффиксами рассматриваемой группы обычно имеют модификационное значение, отличаясь от производящих существительных такими признаками, как увеличительность или реже уменьшительность, уничижительность, ласкательность, собирательность, указание на степень родства, например: *баба́ка* 'мать отца или матери' куйб./ /Шигон., оренб./Октябр .; *бабёха* 'большая дородная женщина' новг./Валд., курск./Хомут., орл., барнаул.; *бабу́га* 'прабабка' калин./Осташк.; уничиж. к *ба́бка* калин./Осташк.; *бабу́ха* 'старуха' орл., влад./Муром., костром./ /Варнав., ленингр./Пашск.; уничиж. к *бабушка* калин./Осташк.; 'прабабка' калин./Осташк.; 'женщина' ср.-урал.; *брата́ха* 'брат' новг./Черепов.; ласк. при обращении новг./Черепов.; *брату́га* 'брат' пенз./Наровч., новг./Тихв.; 'двоюродный брат', 'сводный брат', 'приятель' сев., вост.; *брату́ха* 'то же' широко распространено в говорах; *брато́га* экспр. к *брат* смол./Ельн.; *братяга* 'брат' (чаще при обращении) перм., самар.; *брата́ка* собир. к *брат* смол./Смол.; *братяха* 'брат' (обычно при обращении) перм.; *возя́га* 'большой воз' новг./Тихв.; *каменю́га* 'большой камень' смол.; *каменю́ка* 'то же' кубан./Ейск., терск., краснодар., дон., ворон., зап.-брян., курск. (СРНГ).

У наименований лиц по процессуальному или качественному признаку иногда присутствует дополнительное модификационное значение усилительности, интенсивности, например: ср. *дерю́га* 'толстый и грубый холст' широко распространено в русских говорах; 'место, расчищенное от леса под пашню' волог.; 'пашня, заросшая лесом' волог.; м. и ж. 'забияка' пск./Пск.; *деря́га* 'дерюга' пск.; 'птица сойка' влад./Покр.; 'вид растения' в говорах северо-западной диалектной зоны[2]; м. и ж. 'плаксивый ребенок' вят.; 'вздорный, сварливый человек' волог., вят., перм.; 'забияка' перм.; 'о бороне' (в загадке); *бодря́га* м. и ж. 'бойкий человек, хват' новг./Тихв., пск./Пск.; ж. 'водка, вино' курск. (СРНГ).

Наименования лиц общего рода указанных моделей всегда экспрессивны. Отрицательная или положительная окраска у слов с суффиксами

[2] См.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

типа "гласный + задненебный согласный" обусловлена лексическим значением производящего слова и контекстом, в котором употребляется дериват; ср.: *бродяга* м. и ж. 'о человеке предосудительного поведения' курск., калуж./Мещов.; 'любовник' волог./Кадн., Тотем.; *здоровя́га* м. и ж. 'сильный, здоровый человек' калуж., пск., твер./Осташк., перм.; *злы́га* м. и ж. 'плут, лентяй' перм.; *зля́ка* м. и ж. 'злой человек, животное'; 'испуг, ужас' калуж. (СРНГ). Видимо, признак экспрессивности, свойственный в русском языке словам общего рода, поддерживает значение интенсивности, усилительности у дериватов с суффиксами данной группы, называющих лицо по отношению к тому, что обозначает производящее слово – глагол или прилагательное.

В памятниках древнерусского периода (XI–XIV вв.) слова анализируемых моделей не встречаются. Это, видимо, связано не только с тем, что они характерны для языка народно-разговорного типа, а дошедшие до нас древнерусские тексты лишь в незначительной степени отражают бытовую речь. Это можно объяснить тем, что разряд слов общего рода формируется к концу древнерусского периода, когда начинается преобразование категории лица/нелица в категорию одушевленности/неодушевленности. В древнерусский период личные и неличные существительные муж. рода противопоставлены на лексическом уровне. Они представлены разными лексемами, образуются либо при помощи различных суффиксов, либо при помощи одних и тех же суффиксов, но при этом от разнокоренных слов или однокоренных слов разных частей речи. С распространением в качестве нормы формального показателя одушевленности – флексии Р. п.-В.п. постепенно разрушается словообразовательная оппозиция личных и неличных существительных муж. рода. Становится возможным образование их при помощи суффиксов, ранее противопоставленных по признаку личности/ неличности, а также производство от одних и тех же слов с помощью одинаковых суффиксов. Процесс объединения типов склонения существительных во мн. числе и нейтрализация родовых различий в этой числовой форме обусловливают возможность употребления во мн. числе названий лиц мужского пола, если этот признак не выражен корнем, в качестве наименований лиц обоего пола. Личные существительные отличаются также меной суффиксов при оппозиции по признаку пола: *посадникъ – посадьница, плясьць – плясица, колдунъ – колдунья, тьсть – тьща* и т. п. корреляты по признаку пола выделяют разряд личных существительных на лексическом уровне. Это способствует появлениюю общих словообразующих суффиксов у наименований лиц разного пола. Общая словообразовательная структура характерна в древнерусский период для субъективно-оценочных форм от собственных мужских и женских имен христианского происхождения. Постепенно складывается аналогичная структура и для наименований лиц по характерному признаку. С завершением формирования категории одушевленности/неодушевленности сфера употребления слов общего рода ограничивается диалектной речью и просторечием, разговорной речью. Экспрессивность и принадлежность к женскому субстантивному склонению на *-а* становятся отличительными признаками слов этого разряда.

Регулярность в актовом языке XV–XVI вв. отапеллятивных прозвищ на *-ага, -яга, -ака, -яка, -аха, -еха, -уга, -юга, -ука, -юка, -ыга, -ыка,*

-га указывает на продуктивность экспрессивов этих моделей в народно-разговорном языке, по крайней мере, уже к XIV в. Большей частью встречающиеся в деловых документах антропонимы, у которых вычленяются указанные суффиксы, принадлежат представителям низших социальных слоев, например: *Верещага,* крестьянин, конец. XV в. (Ономастикон); Еско *Верещака,* боярин Кобринский, 1465 г. (Тупиков); *Деревяга,* крестьянин, 1495 г., Новгород (Ономастикон); *Деревяка,* мещанин, кон. XVI в., юго-зап. (Тупиков); *Ляпугин* Степан, послух, 1485 г., Кострома (Ономастикон); Гришка *Мазюка,* крестьянин, кон. XVII в., юго-зап.; *Черпега* Жданец, крестьянин, 1587 г., юго-зап. (Тупиков); *Котеха* Никифор, пос. человек, 1585 г., Псков (Ономастикон); Огафоник *Ворыгин,* крестьянин, 1495 г., Новгород (Тупиков); *Ворыха* Федор, крестьянин, 1571 г., Новгород (Ономастикон); *Ходыка,* дьяк, 1519 г., Москва; *Вязга* Суков, дьяк в Шелонской пятине, 1540 г.; *Мальга,* холоп, 1495 г., Новгород (Тупиков) и мн. др.

Дериваты аналогичных моделей от сокращенных основ христианских мужских имен встречаются в деловом языке XVI–XVII вв. сравнительно редко, что свидетельствует об экспрессивности в этот период нарицательных имен с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный", например: *Гридякин* Семен, 1529 г., Новгород < *Гридя* < *Григорий; Миняка* Федоров, крестьянин, 1593 г., Арзамас < *Миня*< *Михаил; Родюка* Тимофеев, крестьянин, 1593 г., Заонежье < *Родя* < *Родион; Семага* Клим, Холоп, 1593–1603 гг., Новгород; *Семыга* Евский, помещик, 1575 г., Шуя; *Семыка* Иванович Тутыхин, сер. XV в. < *Сема* < *Семен; Софрыга* Андреев, крестьянин, 1606 г., Нижний Новгород < *Софрон,* (Ономастикон).

В памятниках XVI–XVII вв., отражающих бытовую речь, экспрессивы общего или мужского рода, редко женского немногочисленны. Это слова с контекстно-зависимым мутационным значением носителя признака – процессуального, качественного или предметного, например: сами аки *бѣдняги,* во тмѣ скитаетеся, аки *блудяги.* Евфр. Отразит. пис. 56, 1691 г.[3]; (1579) старецъ *бродяга.* Ремез. лет. 316; Савватий костромитинъ, постриженный въ Ярославлѣ въ мирском домѣ таким же *волочугою* чернцомъ. С. Медвед. Зап. 25, XVII в.; *зубака* я псомъ, *зубака* как собака. Богданов Посл. 40 об., XVII–XVII вв.; Лазарева есмя посылали *лазукою* (лазутчиком). Крым. д. II, 706, XVI в.; иной о(т) кнгъ а иной о(т) плутыгъ /научился/. Сим. Послов. 111, XVII в., вариант *плутяга* включен в словари конца XVII в.; алчной *скупяга.* Лепехин. Днев. Зап. I, 1795 г., 495; девять чл(в)къ кузнецки(х) *яры(г).* Арх. Толстого № 2, сст. 1, 1627 г.<*ярый* (Фасмер IV, 562); в деловых документах *ярыга* 'подсобный работник у ремесленника', в говорах и демократической сатире XVII в. *ярыга* 'пьяница', 'проходимец' вят., яросл. (Даль); ср. название известной пародии второй половины XVII в. "Праздник кабацких ярыжек".

В деловых документах старорусского периода (XV–XVII вв.) отражены и неличные образования этих моделей, отглагольные и отадъективные образования, с аналогичным контекстно-зависимым мутационным сло-

---

[3] См. сокращения источников: Словарь русского языка XI-XVII вв. Указатель источников. М., 1975.

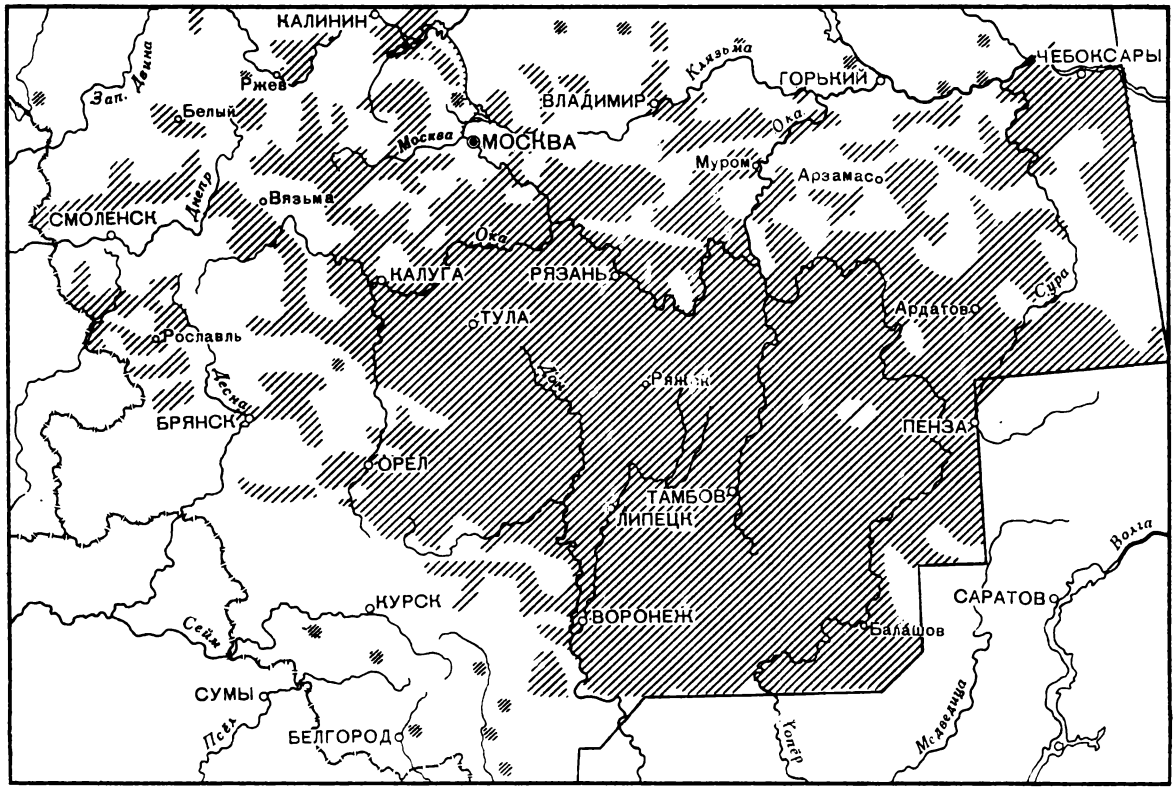
вообразовательным значением: пятьдесятъ осетровъ да три бѣлуги. Кн. расх. Болд. м. 124, 1599 г.; бѣлка *летяга*. Якут. а. к. 5, № 8, сст. 3., 1643 г. Единичны в актовом языке имена с модификационным значением: да подле изгороду до *путика* малого, что лежит х *путяге*. А. феод. землевл. I, 224, 1501 г., сп. XVII в.

В современных говорах среди слов рассматриваемых моделей также преобладают экспрессивные характеристики лиц. Чаще это наименования лиц по отрицательному признаку, производные от глаголов и прилагательных. Дериваты этой тематической группы известны на всей территории русских говоров. Источником деривации могут служить также девербативы и отадъективные имена с нулевым суффиксом. Дериваты только мужского или только женского рода среди экспрессивных наименований лиц по процессуальному или качественному признаку отмечаются в тех сравнительно редких случаях, когда данный признак семантически связан лишь с определенным полом: муж. рода *вояка; бороня́га* 'боронильщик' ирк./ /Нижнеуд. (СРНГ); *холостя́га* 'холостой мужчина' калин., олон., рус.-прибалт. (ОСКО), Кулик., (ССП); жен. рода *лощо́ха* < *лощить*'та, что наводит чистоту в доме' пск. (Даль). Подавляющеее большинство отглагольных и отадъективных образований на *-а* с суффиксами данной группы обозначает лиц обоего пола: девербативы *деля́га* арх./Холмог., яросл., смол./Бельск.: *дела́ка* перм./Кунгур., Охан.; *делю́га* нижегор. 'деловой человек' (СРНГ); *молоты́га* 'молотильщик' краснояр. (СЮК); *молоты́га* 'пустомеля' твер. (Даль); *скря́га* и *скры́га* 'скряга' смол. Добр. и т. п.; отадъективные имена *жадю́га* разг., яросл.; *жадю́ка* ворон./Корот., ср.–урал.; *жадёха* яросл.; *жаду́ха* ср.-урал. 'жадный человек'; *короты́га* волог./Великоустюг., яросл. 'коротышка' (СРНГ). Сочетаемость суффиксов типа "гласный + задненебный согласный" с основами первообразных прилагательных *жад-, корот-* может указывать на древность подобных моделей, возникших в период существования производящих бессуффиксальных прилагательных.

Названия лиц по предметному признаку – отсубстантивные образования – представлены преимущественно увеличительными именами от названий животных и вещей в переносном употреблении, в качестве бранных слов: *гадю́га* перм.; *гадю́ка* курск., орл., дон.; *дубя́ка* тамб./Липец. 'упрямый, глупый человек'; *кобылю́га* калуж./Мосал.; *кобылёха* яросл./Углич.; *коня́ка* кубан./Ейск. (СРНГ). Эта подгруппа экспрессивов общего рода также представлена на всей территории русских говоров.

Названия животных по процессуальному или качественному признаку с суффиксами данной группы малопродуктивны в диалектной речи. Эти наименования относятся к животным обоего пола; девербативы *верща́га* олон. 'птица, которая постоянно верещит' Кулик.; *заеду́га* смол. 'лошадь, которая имеет привычку кусаться' смол. (Добр.) и т.п.; отадъективные образования *буро́ха* арх., олон., пск. 'животное бурой масти (обычно корова)'; *бурёха* пск., мурман. 'то же' (СРНГ); *сырёха* 'кляча' смол. (Добр.) и т. п. Более продуктивны отсубстантивные экспрессивы от родовых названий животных: *ведмедя́ка* курск./Судж.; *волча́га* пск./Великолук.; *волчу́га* орл., брян./Трубч.; *вша́ка* < *вошь* ворон./Липец.; *кобеля́ка* терск. (СРНГ).

Экспрессивность отсубстантивных дериватов с суффиксами типа "глас-

Карта. Безударное окончание *-им'и* в творительном падеже множественного числа существительных с основой на задненебный согласный

1 – отмечено *-им'и* (*у́ткими, теле́гими, стару́хими* и т.п.)

К ст. Л.Н. Булатовой, с. 112

ный + задненебный согласный", если они не обозначают живое существо, определяется не только прозрачностью формально-семантических связей членов словообразовательной пары, их оппозицией, но и оценочным характером производящего слова. Так, обычно экспрессивны производные с суффиксами данной группы от названий частей тела: *глазю́ки* дон.; *головюга* смол./Ельн.; *горбя́ка* перм./Соликам. 'спина' (СРНГ) и т. п.; от названий явлений природы: *ветрю́га* курск., орл.; *дожжа́ка* ворон.; *жиделя́га* и *жиделя́ка* олон./Вытегор. 'слякоть' (СРНГ); от абстрактных имен со значением состояния: *голоду́га* и *голодя́га* пск., твер./Осташк. (СРНГ). Экспрессивность дериватов аналогичных моделей от названий вещей в современных говорах, видимо, уже утрачивается. Ряд подобных образований является семантическими дублетами производящих слов: *кусмя́га* зап.-брян. 'кусок' (Расторг.); *лыча́га* 'толстая веревка из лыка' ср.-урал. (СРГСУ); *мешуга* 'мешок' смол. (Добр.); *мочалы́га* 'веревка из мочала' ср.-урал. (СРГСУ); *ремý́га* волог., вят. 'рваная одежда' Даль и т. п. Разрушение формально-семантической связи членов словообразовательной пары влечет за собой утрату дериватом с суффиксом данной группы модификационного словообразовательного значения увеличительности или субъективной оценки, например, *волочу́га* 'вид телеги, саней для возки сена' известно деловым документам XVII в. в качестве названия особого приспособления для перевозки тяжестей; многозначность производящего девербатива *волок* (см.; СлРЯ XI–XVII вв.), употребительность непосредственно производящего слова *волоки* во мн. числе и расхождение в числовой форме с ним деривата *волочуга,* – все это способствовало ослаблению модификационного словообразовательного значения у последнего, как и его варианта *волоча́га* в говорах Северо-Запада и Урала (СРНГ). Утрате экспрессивности у названий орудий и приспособлений с суффиксами данной группы сопутствует обычно закрепление за дериватом значения разновидности приспособления или орудия, названного производящим словом: *косы́га* ср.-урал. 'коса-горбуша' (СРГСУ); *хвостя́га* арх./Помор, 'дубинка с железным крюком для охоты на морского зверя' (Подвыс.).

Признак усилительности, увеличительности, обычно сопутствующий экспрессивным образованиям с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный", был, видимо, одной из причин закрепления за данными суффиксами в диалектной речи указания на присутствие в значении производного слова этого признака, хотя, видимо, первоначально суффиксам данного типа было присуще лишь указание на экспрессивную окраску, детализация которой зависела от семантики производящего и контекстного окружения производного. Продуктивность для дериватов на *-ага, -уга, -ыга* и др. модификационного значения увеличительности повлекла за собой присоединение суффиксов данной группы к словам с лексическим или контекстным значением собирательности для подчеркивания и оформления этого значения у слов с нулевым суффиксом и непроизводных в синхронной языковой системе, например: *жарýга* пск. 'угли'; *колося́га* 'обмолоченная рожь с остатками колосьев' арх./Шенк.; 'обмолоченные хлебные колосья' арх./Шенк., сев.-двин., волог., новг.; 'слежавшееся сено' волог./Кадуй. (СРНГ); *листю́га* 'трава с широкими листьями' ср.-урал. (СРГСУ); *сбродыга* 'сброд' пск. (Даль).

Одной из особенностей дериватов с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный" является отсутствие у них в современных говорах четкого территориального распределения в зависимости от различий в морфонемной структуре суффиксов. Косвенным отражением этого является вариантность в современной разговорной речи экспрессивов типа *парню́га/парня́га, развалю́га/разьялю́ха, растерёха/растеря́ха, холодю́га/холодя́га/холодю́ка* и т. п. Для говоров одного региона также типична подобная вариантность однокоренных образований с суффиксами данной группы: *безделю́га/безделя́га* 'лицо и состояние по признаку' перм./Исет.; *белу́га/белу́ха* 'вид крупной морской рыбы' мурман. (СРНГ); *брату́га/брата́ха* экспр. пск. (ПОС); *вилга/вилу́ха/виля́ха* 'дерево с развилиной', 'оглобля сохи', 'развилина' свердл. (СРГСУ); *голоду́га/голодя́га* 'голод', 'голодающий человек' пск., твер./Осташк. Даль; *падлю́га/падля́ка* зап.-брян. 'подлец' (Расторг.); *поклоня́га/поклоня́ха* 'челобитчик' смол. (Добр.).

Отсутствие у суффиксов типа "гласный + задненебный согласный" отношений дополнительного распределения в диалектной и разговорной речи связано, видимо, с экспрессивностью дериватов с этими суффиксами. Близкие по морфонемной структуре суффиксы, участвующие в деривации существительных стилистически нейтральных и принадлежащих к одной лексико-семантической группе, как правило, обнаруживают в русском языке тенденцию к дополнительному распределению производящих основ. Так, алломорфами являются в современном литературном языке суффиксы *-чик-* и *-щик-*. Собирательные наименования зарослей деревьев одной породы с суф. *-ник-* производятся обычно от опрощенных и производных названий деревьев, словосочетаний (прилагательное от названия дерева + собирательные наименования типа *лес, заросль*): *бреди́нник* зап., пск., калуж., костром./Буйск. (СРНГ); *бредо́вник* пск./Гд. (ПОС) 'ивняк'; *кустарник; чапы́жник* 'частый молодой лес' волог., моск (Даль). Собирательные той же ЛСГ с суффиксами *-няк-*, диал. *-няг-, -нюк-, -нюг-* являются преимущественно образованиями от непроизводных названий деревьев: *бредня́к* в говорах западной диалектной зоны; *бредню́г* пск./Гд., твер.; *бредня́г* пск., твер./Осташк (СРНГ). Близкие по морфонемной структуре суффиксы дериватов одной ЛСГ обычно также и территориально распределены. Так, собирательные наименования зарослей от диалектных названий пород деревьев и суф. *-ник-* более характерны для говоров юго-западной диалектной зоны, а аналогичные образования на *-няк, -няг* – для говоров Северо-Запада, причем дериваты на *-няг* свойственны говорам – наследникам древнего новгородского диалекта, а дериваты на *-нюк, -нюг* типичны для гдовских говоров[4]. Следует обратить внимание и на то, что отношения дополнительного распределения устанавливаются в субстантивном словообразовании у тех суффиксов, которые являются формальными показателями грамматического рода и типа склонения дериватов. Для суффиксов, у которых подобная морфологическая нагрузка отсутствует, не характерна дифференциация словопроизводственной базы при деривации существительных с одним

[4] См. подробнее: *Азарх Ю.С.* Словообразовательная структура названий однородных групп деревьев в русском языке. – В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 234–252.

и тем же частным контекстно-зависимым словообразовательным значением.

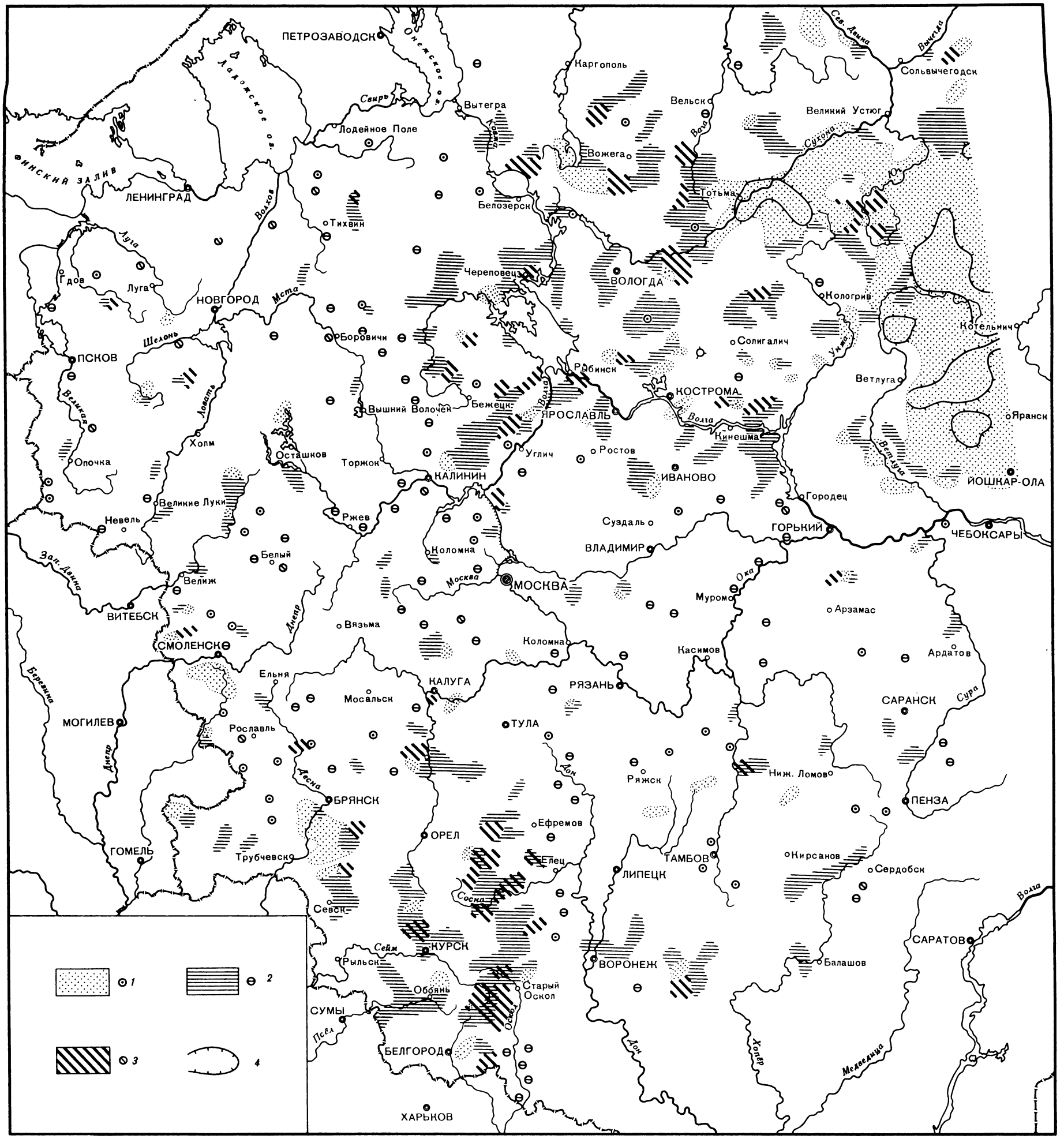
Вариативность гласных и согласных у суффиксов типа "гласный + задненебный согласный" не связана в современном языке непосредственно с особенностями фонетической системы говоров. Гласные и согласные этих формантов либо обычно находятся в сильной позиции (ударенные гласные в суффиксах данного типа), либо употребляются в сильной позиции в большинстве словоформ (согласные). Регулярность вариантности гласных в суффиксах рассматриваемого типа, вероятно, связана с древними, праславянскими чередованиями тех гласных, репрезентантами которых являются суффиксальные ⟨ а⟩, ⟨ о⟩, ⟨у⟩, ⟨ ы⟩. Гласные ⟨ а⟩ и ⟨ у⟩ в суффиксах с ⟨ г⟩ и ⟨ к⟩ могут восходить к носовым гласным *-ę- и *-ǫ-, которые в праславянском чередовались в однокоренных морфемах разных частей речи: *tręsǫ: trǫsъ* > *трясу:трус*. Славянское корневое *-ы-*, как известно, восходит к *-ū-, но в аффиксах оно может быть результатом изменения сочетания *-(*m*)*en-* старых консонантных основ перед суффиксами *-к-*, *-г-*. Таково, видимо, происхождение *-ы-* в слове *владыка* (Фасмер I, 327) и у праславянских деминутивов типа *ремыкъ* 'ремень', *камыкъ* 'камешек'. Возможно, вариантность гласных в суффиксах рассматриваемого типа связана с древними количественными чередованиями гласных, которые в корневых морфемах были средством выражения морфологических и семантических различий производных и производящих слов: ср. *гореть:гарь, жар*: др.-рус. *жеравъ* 'раскаленный'.

Регулярные чередования гласных в суффиксальных морефмах в современном языке либо обусловлены твердостью/мягкостью предшествующего согласного (*о/е, ы/и*), либо наличием на месте беглых *о/е* в прошлом редуцированных гласных, либо мягкостью окружающих согласных (*а/е* в ряде говоров). Непосредственно не связанные с фонетическими изменениями могут быть, видимо, чередования гласных в суффиксах экспрессивных образований. Примером этого являются алломорфы *-от-/-ет-/-ът-/ /-ът* у праславянских экспрессивов от звукоподражаний типа *грохотъ, лепеть, тъпътъ, скрьжътъ*. Гармония гласных корня и суффикса у образований этого типа была, вероятно, дополнительным средством выражения модификационного значения интенсивности, усилительности, свойственного этим наименованиям шума, звучания. В древнерусский период слова этих моделей являются уже дериватами с нулевым суффиксом от генетически производных от них глаголов[5]. Падение редуцированных нарушает древнее соответствие гласных корня и суффикса, а изменение мотивации у дериватов, преобразование суффиксальных образований от звукоподражаний в девербативы с нулевым суффиксом поддерживает процесс опрощения основы у слов типа *грохот, лепет*. Итак, чередование гласных в суффиксах с идентичными или принадлежащими к одному классу согласными отмечается в субстантивном словообразовании у производных экспрессивных слов.

Для согласных финалей русских субстантивных суффиксов существенна оппозиция по твердости/мягкости. Твердость/мягкость согласного

---

[5] См. подробнее: *Азарх Ю.С.* Слова типа *грохот, лепет* в русском языке. – В кн.: Древнерусский язык. М., 1975, с. 260–271.

Карта 1. Основа множественного числа существительных, обозначающих молодые существа

1–3 – формы множественного числа существительных с суф. *-онк-*: *1* – *теленки, теленков* *2* только в форме родительного падежа (*теленков*), *3* – только в сочетании с числительными (*пять теленков*); *4* – формы множественного числа существительных с суф. *-ат-* (*телята, телят*)

К ст. Н.А. Липовской, с. 115

Зак. 542

аффиксальной морфемы в русском языке имеет смыслоразличительную функцию. Ср., например, *жаро́в'* ж. 'пламя, жар от огня' сиб. и *жаров-ый* 'дающий много жара при горении' волог., олон., пск. (СРНГ); *-ов'*-указывает на субстантивную, а *-ов-* — на адъективную основы. Задненебные согласные слабее согласных других классов противопоставлены в русском языке по твердости/мягкости. И в современном русском языке ⟨ к'⟩, ⟨ г'⟩, ⟨ х'⟩ практически не встречаются в исконно русских словах перед ⟨ а⟩, ⟨ о⟩, ⟨ у⟩. Мягкость суффиксального *-к-* отмечается лишь в говорах с прогрессивным ассимилятивным смягчением задненебных согласных после мягких согласных (*Ван'к'а* и т. п.). Задненебные согласные в суффиксах рассматриваемого типа могут иметь лишь позиционно обусловленную мягкость (перед флексиями *-е, -и*). В русском языке отсутствуют суффиксы с задненебными согласными, различающимися по твердости/мягкости.

Противопоставление финалей субстантивных суффиксов по глухости/звонкости не существенно в русском языке, так как в нем отсутствуют исконные славянские аффиксы, различающиеся лишь глухостью/звонкостью консонантных элементов. Видимо, слабая противопоставленность задненебных согласных по твердости/мягкости, отсутствие мягких суффиксальных согласных этого класса с позиционно не обусловленной мягкостью, с одной стороны, и незначительная роль оппозиции по глухости/звонкости финалей русских суффиксов, с другой стороны, поддерживают вариативность задненебных согласных, и в первую очередь, парных по глухости/звонкости ⟨ к⟩ и ⟨ г⟩ в субстантивном словообразовании. Вариантность ⟨ к⟩ и ⟨ г⟩ отмечается в современных говорах у собирательных наименований зарослей деревьев с суффиксами *-няк-/-няг-* на территории Северо-Запада, *-нюк-/-нюг-* в гдовских говорах, а также у названий ягод на *-ика/-ига* в восточных среднерусских говорах и соседних с ними говорах костромской группы.

Смыслоразличительная нагрузка гласных в русском именном словообразовании несравненно меньше аналогичной функции согласных. В русском языке отсутствуют субстантивные суффиксы, состоящие лишь из гласных, но были возможны в позднепраславянском суффиксы с одним согласным элементом или с группой согласных. Некоторые из подобных суффиксов являются продуктивными вплоть до XVIII в., например *-л-* <*-*dl-*. Слабость смыслоразличительной функции суффиксальных гласных в именном словообразовании объясняется, видимо, тем, что они либо восходят к тематическим гласным субстантивных основ, либо к глагольным суффиксам. При достаточной информативности корневой морфемы, а также экспрессивности дериватов вариантность гласных становится регулярной у образований с суффиксами, не являющимися показателями грамматического рода, типа склонения и определенного словообразовательного значения.

Твердость/мягкость согласного, предшествующего суффиксам со структурой "гласный + задненебный согласный", как правило, обусловлена качеством согласного в исходе словообразующей основы. Особого объяснения требуют случаи, когда при твердости финали производящей основы перед суффиксальными ⟨ а⟩ или ⟨ у⟩ находятся мягкие согласные. Мягкие сонорные или шипящие согласные предполагают распространение в прошлом

левой части форманта суффиксом *-j-: *воря́га, ворю́га* разг., *ворю́ка* курск., орл.; *дружа́га* пск./Великолук. (СРНГ). Расширение левой или правой части форманта суффиксом *-j-* было характерно в прошлом для славянских языков, подобное распространение суффикса не связано с изменением словообразовательного значения дериватов[6].

Мягкость согласного перед суффиксальным *-а-* при твердости финали производящей основы может объясняться также и тем, что *-а-* в этом случае является репрезентантом *-ę-*. Ф. Славский полагает, что в восточнославянских языках произошло слияние праславянских *-iag-* и *-ęg-* в один суффикс[7]. К образованиям на *-ęga* восходят, видимо, дериваты со смягченными губными и переднеязычными перед суффиксальным ⟨а⟩, если в исходе основы производящего слова твердый согласный: *горды́га* ср.-урал. СРГСУ; *дубя́га* пск., смол.; *дубя́ка* ворон., тамб./Липец. (СРНГ); *плутя́га* < *плут; нося́ка* < *нос* ср.-урал. (СРГСУ).

Дериваты со смягченными губными и переднеязычными перед суффиксальным ⟨у⟩ при твердости финали производящей основы, по всей вероятности, являются вторичными образованиями по отношению к однокорневым параллелям на *-яга* с суффиксами *-jag-*, *-ęg-*. Дериваты типа *шельмю́га* пск., твер., *холодю́га* разг. мотивируются существительными *шельма* и *холод*, но существование параллельных образований *шельмя́га, холодя́га* провоцирует появление основ *шел'м'-* и *холод'-* и у образований с суф. *-уг(а)*. В ряде случаев слова на *-юга, -юка, -юха* могут восходить к исчезнувшим существительным жен. рода склонения типа *кость*, что и определяет мягкость согласного перед суффиксальным ⟨у⟩. Например, *птю́ха* пск., твер./Осташк. (Даль), вероятно, от **пъть*, параллельного др.-рус. *пъта* 'птица' и сохранившегося в сложении *ку́ропоть* 'куропатка' арх., волог., помор. (СРНГ); шездесят *куроптей*. А. Холмог. там. избы № 600, 1683 г.; *гадюга/гадюка* может быть дериватом от *гадь* ж. 'змея' арх. (СРНГ), параллели жен. рода к псл. *гадъ* известны в южнославянских языках (ЭССЯ вып. 6, с. 81). В пользу предположения о вторичности дериватов на *-юга* с твердыми губными и переднеязычными в исходе производящих основ по отношению к параллельным образованиям на *-яга* свидетельствует и ареал распространения тех и других: экспрессивы на *-яга* известны на всей территории русских говоров, а параллельные образования на *-юга* отмечаются лишь в говорах западной диалектной зоны — смоленских, псковских, калининских. Узость словопроизводственной базы дериватов на *-юга* (они представлены отсубстантивными образованиями) также может указывать на более позднее формирование в русском языке этой модели, чем дериватов на *-яга*.

Изредка в говорах встречаются дериваты на *-ага, -ака,-оха, -ыга, -уга* с предшествующими твердыми согласными при мягкости финали основ производящих слов: прозвище *Елага*, фамильное прозвание *Елагин*, XV в. (Тупиков); *елу́га* смол. 'большой еловый лес'; *елы́га* 'ельник' калуж./Жиздр.; *жерда́ка* смол. 'жердь'; *житу́ха* разг. ср. *жить* 'жизнь' Сб. Усп. XII–XIII в., 281а; волог., костром., сиб.; *лено́ха* 'лавка у печи смол'.;

---

[6] См.: Очерк праславянского субстантивного словообразования. – В кн.: Słownik prasłowiański. PAN. T. 1, 1974, T. 2, 1976. Red. Fr. Słowski.

[7] Там же, т. 1, s. 66.

лену́га м. и ж. 'лентяй' пск./Славк.; *кости́га* 'кость', 'мосол' волог. (СРНГ). Если подобные образования производны от существительных жен. рода *ель, жердь, жить, лень, кость,* то твердость согласного перед суффиксальными гласными можно объяснить тем, что дериваты появились в эпоху до вторичного смягчения полумягких согласных перед гласными переднего ряда, то есть до XII в. Правда, не исключено, что некоторые из приведенных слов могли образоваться от существительных с твердым согласным в исходе основы: *ела* 'елка' твер./Стариц,; *жерд* м. фольк. (СРНГ). Слова *леноха* и *ленуга* могут быть по своему происхождению конденсатами, то есть восходить к атрибутивным словосочетаниям, и непосредственно производящей основой у этих слов является прилагательное *лено́й* олон., пск., твер. (Даль).

Если число немотивированных для современных говоров слов по отношению к общему числу дериватов данной модели считать одним из возможных показателей древности словообразовательного типа[8], то образования на *-ыга* следует отнести к числу наиболее ранних моделей экспрессивов с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный". Среди дериватов на *-ыга/ыка* насчитывается наибольшее количество "темных" для современного языкового сознания слов, членимость которых устанавливается лишь в результате этимологического анализа. Немало среди слов на *-ыга/-ыка* слов со связанным корнем. Например, *булы́га* тул., яросл. 'булыжник, валун'; арх./Каргоп., перм./Охан. 'пустошь'; олон. 'болван, пьяница'; волог./Кадн. 'хвастун'; перм. 'плохо приготовленное жидкое кушанье' (СРНГ); ср. прозвище *Булыга,* вторая половина XV в. (Тупиков); *булы́ка* вят. 'болван, пьяница' СРНГ; ср. прозвище *Булыка,* юго-зап. XVII в. (Тупиков). Этимологи выделяют в этих словах псл. корень *бул-;* ряду слов с этим корнем свойствен семантический признак "круглый", ср. *булава* (ЭССЯ вып. 3, с. 92–93). Мотивированные дериваты на *-ыга* ограничены в основном производными от именных основ, связь у ряда образований на *-ыга* с глаголом вторична; непосредственно производящими словами в этих случаях являются, видимо, девербативы с нулевым суффиксом. Например: *колоты́га* урал. 'тряское, ухабистое место на дороге' < *колот* 'смерзшиеся комья грязи на дороге' новг./Валд.; *жмы́га* м. и ж. калуж./Боров. 'скряга' < *жом* 'то же' широко распространено в русских говорах (СРНГ).

У ряда диалектных слов общего рода вычленяется суффикс *-мы́г(а)// /-мык(а): бесомы́га* пск. 'безбожник'; новг/Тихв., твер./Новоторж.; яросл. 'вертопрах, гуляка'; яросл./Пошех. 'сорванец, шалун, буян'; *бесомы́ка* влад./Переясл., курск./Обоян., орл./Малоарх. 'вертопрах, гуляка'; *босомы́га* влад./Покров., Юрьев., вят., тамб./Борисоглеб., костром./Буйск., самар. 'тот, кто ходит босиком'; симб., тамб., твер. 'вертопрах, гуляка'; *босомы́ка* калуж./Медын. 'тот, кто ходит босиком'; тамб./Лебед. 'непоседа, шалун'; *голомы́га* 'праздношатающийся, бездельник'; *коломы́ка* сарат. 'бродяга'; моск./Кашир., сарат. 'сплетник'; *шаромы́га* вят. 'обманщик'; новг./Черепов. 'дармоед' (Даль, Васн., Герасим., СРНГ) и др.

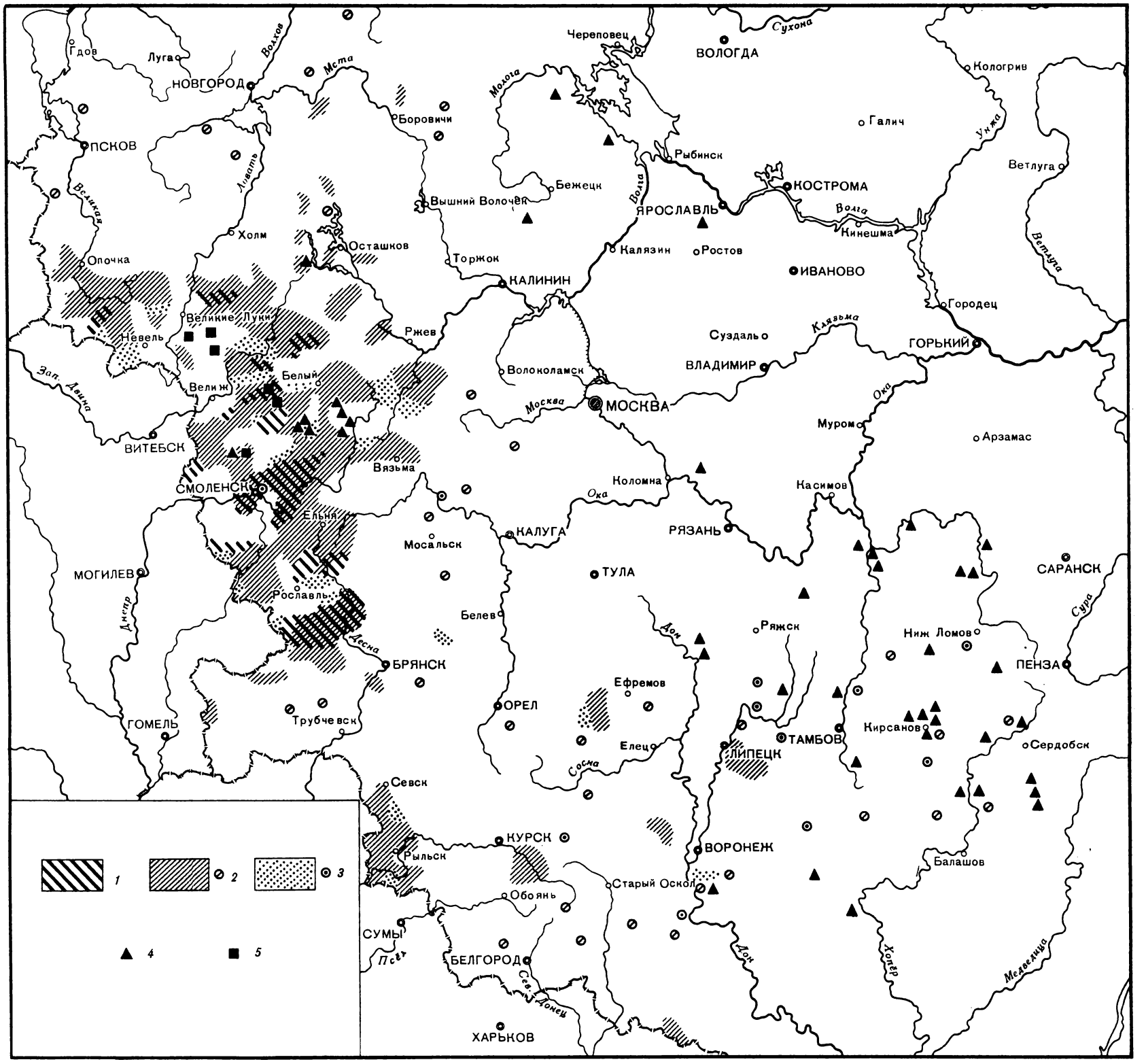
[8] В понятие "словообразовательный тип" не включается частеречная принадлежность производящих слов; к одному словообразовательному типу принадлежат слова с одним и тем же суффиксом, одного рода при общности типа словообразовательного значения.

Возможно, дериваты на *-мыга/-мыка* образованы от существительных с праславянской основой на **-тен-*, подобно деминутивам типа *камыкъ*; ср. диал. *го́ло́ме́нь, голоменя́*, сохранившиеся в севернорусских говорах (СРНГ).

Суффиксальные ⟨ к ⟩ и ⟨ г ⟩ нередко являются альтернантами в славянских и других индоевропейских языках, при этом первичными считаются дериваты с ⟨ к ⟩ в суффиксе[9]. Это, видимо, справедливо в отношении стилистически нейтральных образований. Так, например, названия ягод на *-ига* представляют собой вторичные варианты общеславянского типа с суф. *-ик(а)*. Данные лингвогеографии позволяют предполагать первичность экспрессивов с ⟨ г ⟩ в суффиксе и вторичность параллельных образований с ⟨ к ⟩. Отыменные дериваты с ⟨ г ⟩ в суффиксе и модификационным словообразовательным значением известны на всей территории русских говоров, а параллельные образования с ⟨ к ⟩ характерны для южнорусских говоров, известны в восточных среднерусских; ср. *воряга* в говорах южного и северного наречия; *воряка* ворон; *еду́га* в говорах Северо-Запада. влад., урал.; *едука* влад./ Юрьев. 'лицо по процессуальному признаку' (СРНГ). Естественно, слова нормированного языка с ⟨ к ⟩ в суффиксе распространены шире аналогичных диалектных образований с ⟨ г ⟩ (например, *гадюка, злюка*). Позднее параллельных экспрессивов с ⟨ к ⟩ в суффиксе появляются, видимо, однокоренные дериваты с ⟨ х ⟩. Так, образования на *-аха, -яха* в говорах отмечаются лишь при существовании параллелей на *-ага, -ака, -яга, -яка:* ср. *букарага, букарака* яросл. и *букараха* пск./Пл. 'букашка'; *коняга, коняка* и *коняха* вят.; *миляга* арх. и *миляха милаха* арх. и др. Аналогичные варианты отмечаются и у девербативов: ср. *выпивага* амур. и *выпиваха* амур., южнорусск.; *запивака* смол., тул., моск., влад. и *запиваха* дон., влад. 'пьяница'; *зевака* и *зеваха* вят. (Даль, СРНГ).

Вариантность ⟨ г ⟩, ⟨ к ⟩, ⟨ х ⟩ в суффиксе наблюдается, как правило, у дериватов наиболее продуктивных моделей экспрессивов с суффиксальными ⟨ а ⟩ и ⟨ у ⟩. Вариантность ⟨ г ⟩ и ⟨ х ⟩ отмечается обычно лишь при существовании параллельных образований с ⟨ г ⟩ и ⟨ к ⟩. Так, отсутствуют подобные варианты среди имен на *-ога, -ега, -га*. Дериваты этих типов непродуктивны в современных говорах. Только воспроизводятся праславянские *берлога, острога, тревога.* Новообразования по этой модели единичны: *ку́ло́га/ку́лага* олон. < *ку́ла* олон. 'прошлогодняя сухая трава' (СРНГ). Редки в говорах и слова на *-ега, -га: сопе́га* м. и ж. 'тот, кто громко кричит, о ребенке' вят. (Васн.); *толпе́га* м. и ж. 'грубый, неповоротливый человек' орл., моск./Руз., каз., перм.; *хлысте́га* 'большой длинный кнут' арх.; *холопе́га* м. и ж. 'наглый человек, невежа' пск., твер. (Даль); *вя́зга́* м. и ж. 'привязчивый, придирчивый человек' арх., новг., твер., влад., яросл., нижегор.; 'плакса, крикун' (о ребенке) влад./Покр. (СРНГ). Редки варианты с ⟨ к ⟩ и у образований на *-ыга: базы́га* м. и ж. 'лицо по отрицательному процессуальному признаку' новг./Валд., вят./Уржум., олон.; 'бранное слово' калуж./Мещов.; *базы́ка* м. и ж. 'сварливый, придирчивый человек' олон.; 'бранное слово' калуж./Покр. (СРНГ); *булы́га/булы́ка* (см. примеры выше); *прощелыга* разг., новг.; *прощелы́ка* м. и ж. 'насмешник, насмешница' каз. (Даль). Вариантность суффиксальных ⟨ к ⟩ и ⟨ г ⟩

[9] Słownik prasłowiański, t. 1, s. 69.

Карта 2. Основа множественного числа существительных, обозначающих молодые существа, с суффиксами *-енят-, -ененк-, -ятенк-* (типа ***цыпленята, цыпленененки, цыплятенки***)

1 – ***цыпленененок – цыпленята, козленененок – козленята*** и т.д.; *2* – ***цыпленок – цыпленята, козленок – козленята*** и т.д.; *3* – форма единственного числа неизвестна – ***цыпленята, козленята*** и т.д.; *4* – ***цыплятенки, козлятенки*** и т.д.; *5* – ***цыпленененки, козленененки*** и т.д.

К ст. Н.А. Липовской, с. 119

обусловлена, видимо, тем, что эти согласные противопоставлены по глухости/звонкости, а роль этого признака в качестве смыслоразличительного незначительна в субстантивном словообразовании. Сосуществование экспрессивов с ⟨ к ⟩ и ⟨ х ⟩ в суффиксе связано, вероятно, с тем, что суффиксы с задненебными ⟨ к ⟩ и ⟨ х ⟩ участвуют не только в деривации слов с модификационными словообразовательными значениями, но и слов с другими типами контекстно-зависимых словообразовательных значений. Например, по данным ДАРЯ, в говорах северо-восточной диалектной зоны известны варианты названий ягод на *-ика* и *-иха* (*брусниха, черниха,* и т. п.). Суффиксы с ⟨ г ⟩ в русском языке характерны для образований с модификационными словообразовательными значениями увеличительности, усилительности, субъективной оценки, собирательности. Вариантность ⟨ г ⟩, ⟨ к ⟩, ⟨ х ⟩ типична для экспрессивов мотивированных, с достаточно информативной производящей основой.

Принадлежность экспрессивов рассматриваемой группы к женскому субстантивному склонению на *-а* обусловлена, видимо, прежде всего продуктивностью наименований лиц среди дериватов с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный". Издавна к склонению типа *вода, земля* относились наименования лиц как женского, так и мужского пола типа *воевода, расстрига, юноша* и т. п. К моменту формирования категории слов общего рода наименования лиц мужского пола склонения типа *кость* (*гость, тать* и др.) представляли собой лексически ограниченную группу слов, склонявшихся уже, как правило, по типу существительных мужского субстантивного склонения. Кроме того, в склонении типа *вода, земля* были сосредоточены наименования лиц с модификационными словообразовательными значениями женскости и принадлежности/происхождения (прозвания жен по мужу, дочерей по отцу). Для мужского субстантивного склонения были характерны в период формирования категории общего рода стилистически нейтральные наименования лиц по процессуальному, качественному или предметному признакам, социальной или территориальной принадлежности. Принадлежность экспрессивов с суффиксами типа "гласный + задненебный согласный" к склонению на *-а* не является исконной. Образования с суффиксами этой группы могли в славянских языках относиться первоначально к мужскому и женскому роду и соответственно к мужскому и женскому субстантивным склонениям. В говорах сохраняются преимущественно уже немотивированные образования муж. рода с суффиксами рассматриваемой структуры: *бадо́г/бато́г* 'палка, посох'; *вертлю́г* 'непоседа' свердл.; *корчаг* влад./Ставров., ирк./Братск. 'корчага' (СРНГ) и др. ; в переводной литературе древнерусского периода встречается *работягъ* 'раб' (Срезн.). Тенденция к сокращению в русском субстантивном словообразовании числа суффиксов, участвующих в деривации слов разного грамматического рода и типа склонения, способствовала закреплению за экспрессивами — наименования лиц — одного морфологического, а за неодушевленными образованиями — одного грамматического рода.

Даль – *В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I–IV. СПб., 1903–1909. Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ.

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка, хранится в Институте русского языка АН СССР (Москва).

Васн. – Материалы для объяснительного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Вятка, 1907.

Герасим. – *Герасимов М.К.* Словарь уездного череповецкого говора. – Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3. СПб., 1913.

Добр. – *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914 .

Кулик. – *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.

Ономастикон – *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Подвыс. – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ОСКО – *Кирилова Т.В.* и др. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1–4. Л., 1967–1979.

Расторг. – *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 1–8. М., 1975–1981.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 1–2. Свердловск, 1964–1971.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, вып. 1–17. Л., 1965–1981.

Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1–3. СПб., 1893–1903.

ССП – *Немченко В.И., Синица А.И., Мурникова Т.Р.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

СЮК – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.

Тупиков – *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. I–IV. М., 1964–1973.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 1–8. М., 1974–1981. Под ред. О.Н. Трубачева.

О.Н. МОРАХОВСКАЯ

СПОСОБЫ НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕРЕБЯТ В НАЧАЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ

Гиппологическая лексика была объектом исследований главным образом в историческом аспекте. Как видно из обзора, сделанного в книге Г.Ф. Одинцова, специально посвященной истории гиппологической лексики[1], внимание ученых привлекали вопросы происхождения разных древнерусских названий лошадей (среди них много заимствованных), различий в их значениях, времени их появления в языке и т. д. Исследование Одинцова охватывает период с XI по начало XVIII в., хотя автор привлекал и более поздние данные – Словаря современного русского литературного языка,

[1] *Одинцов Г.Ф.* Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.

Словаря русских народных говоров и др. Для рассмотренного им периода наблюдается "терминологическая пестрота" в употреблении названий молодняка. Одинцов считает эту разнородность причиной того, что в современном русском литературном языке не существует системы слов, обозначающих жеребят различного возраста. Не ставя здесь вопросов исторического плана, отметим только, что в некоторых говорах (преимущественно на северо-востоке) существует только общее название жеребенка.

Как показало исследование, проведенное на материале ДАРЯ[2], в современных русских говорах существует большое многообразие названий жеребенка, относящихся к разным периодам его существования и к разным возрастам. При сопоставлении материалов по частным диалектным системам в ходе лингвогеографического исследования выявляется сложная структура диалектного различия как в собственно лингвистическом, так и в территориальном аспекте.

Названия жеребят в отдельные периоды их развития и в разные возрасты вместе с общим названием образуют довольно замкнутую лексико-семантическую группу "детеныш лошади", которая по говорам представлена разным соотнесением названий с денотатом – разными парадигмами[3].

Чаще всего в парадигме обнаруживаются родо-видовые отношения (гипонимия). В некоторых говорах гипонимические отношения осложняются включением в парадигму слов, различающих жеребят по принадлежности к мужскому и женскому полу. Названия, различающие жеребят по периодам или возрастам, могут быть образованы по общим словообразовательным моделям или от основ со сходными мотивирующими признаками[4]. Наконец, в части говоров, в которых названия существуют только для одного–двух периодов или вообще отсутствуют, есть тем не менее сформировавшийся способ обозначения отдельных периодов с помощью предложно-падежных конструкций, не характерных для других говоров[5].

---

[2] Весь материал ДАРЯ прокартографирован сначала по методике, описанной в статье: *Мораховская О.Н.* К методике картографирования сложных лексико-семантических различий. – В кн.: Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973. Затем составлена обобщающая карта.

[3] Формулировка вопроса "Программы" предусматривает только один тип парадигмы, и можно было ожидать, что полноценные ответы получены только для случаев, когда в ЧДС есть специальные названия для жеребят по первому, по второму и по третьему году жизни. Однако материал оказался достаточно полным для выявления гораздо большей сложности структуры диалектного различия.

[4] В этих парадигмах, видимо, обычно представлены отношения комплементарности, т. е. взаимозависимые значения, хотя по мотивирующим признакам некоторых названий следовало бы скорее говорить об отношениях автономности (см.: *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973). В.Г. Гак различает два типа группирующихся объектов номинации, соотносящихся между собой по разным признакам: дискретные или групповые объекты, которым, видимо, могут соответствовать отношения автономности (иногда детерминации) и скалярные объекты (сюда он относит и возраст), названия которых находятся в отношениях комплементарности (см.: *Гак В.Г.* К диалектике семантических отношений в языке. – В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976).

[5] Сформировавшимся мы в данном случае называем способ, который известен в том или ином ареале говоров, а не в отдельных ЧДС. В лингвистическом отношении, как можно понять из соотношения разных способов в территориальном аспекте

Так, в говорах северо-запада имеют местами довольно компактное распространение предложно-падежные сочетания *в бо́рону* или *в боро́нку, в со́ху* или *в со́шку*, обозначающие жеребят по второму и по третьему году. По течению р. Ловать известны конструкции *на первую* (*вторую, третью...*) *траву* или *по первой* (*второй...*) *травы*. В некоторых говорах соответствующие понятия передаются, как в литературном языке, аттрибутивными сочетаниями типа *годовалый жеребенок*.

В целом это сложное диалектное различие настолько многопланово и многочленно, что может быть пока охарактеризовано лишь в общих чертах. Ареалы, образуемые разными способами наименования и типами парадигм, очень неодинаковы по величине и компактности, причем преобладают мелкие компактные ареалы. Ниже охарактеризованы парадигмы названий жеребят по периодам и возрастам.

I. Вычленение отдельных периодов словами, различающимися по мотивирующему признаку.

1. Наиболее распространенными являются парадигмы, в которых представлены названия трех первых периодов. Наличие в парадигме общего названия прослеживается по нашему материалу далеко не всегда, хотя во многих случаях мы можем предполагать, что оно существует[6]. Общее название является родовым по отношению к частным — видовым, чаще всего относящимся к первому, второму и третьему годам. Лексика названий отдельных периодов почти всегда представлена словами с легко выявляемой мотивизацией. При этом парадигма может состоять из слов, мотивирующие признаки которых не соотносятся обязательно по возрастным признакам, а связаны с особенностями, присущими жеребятам соответствующего возраста. Например, все слова с корнем *сос-* — для первого периода, слов с корнем *стриг/стриж-* — для второго, с корнями *уч-* или *борон-* — для третьего и т. п. Таким образом, по отношению одного к другому слова, составляющие парадигму этого типа, по способам мотивизации оказываются противопоставлены единичными, только им свойственными признаками. Однако мы не можем без специального исследования с привлечением нового материала ответить на вопрос: являются ли мотивирующие признаки и главными дифференциальными признаками значения слов в парадигме или лишь сопутствующими основному значению, которое можно усматривать как из самой формулировки вопроса "Программы"[7], так и из ответов: в материалах по обширным ареалам

и в структуре отдельных ЧДС, этот способ, возможно, является одной из стадий образования некоторых названий, т. е. отражает скорее процесс формирования специальной лексики, чем сформировавшийся не собственно лексический способ наименования.

[6] В вопросе 186 "Программы" не спрашивается, есть ли общее название жеребенка, но во многих случаях оно приводится наряду с частными, особенно если это — диалектное название (молодяжка, коняжка и др.). С другой стороны, при повсеместном (или почти повсеместном) распространении слова *жеребенок* оно не везде является родовым (или только родовым) названием.

[7] Формулировка вопроса "Программы", несомненно, основана на предварительном практическом знании самой распространенной разновидности парадигмы — 'лошадь по первому году', 'по второму', 'по третьему', хотя при этом системность отношений в лексике еще до такой степени не принималась во внимание, что отсутствует весьма важный вопрос об общем названии жеребенка. Само слово *же-*

полностью отсутствуют "поправки" информантов к формулировкам этого вопроса, тогда как во многих других материалах, также территориально группирующихся, такие поправки настолько существенно дополняют представление о структуре диалектного различия, что позволяют выявить ареалы иных отношений слов в составе парадигмы.

Итак, наиболее распространенный тип парадигмы предположительно можно представить в схеме:

Лексическое наполнение этой схемы весьма разнообразно. Самое распространенное представлено словами: *жеребенок* – общее название; *сосун* 'по первому году' ~ *стригун* 'по второму году' ~ *третьяк* 'по третьему году'. Эти наименования распространены в разной степени, но в составе одной парадигмы они отмечены к западу, востоку и особенно к югу от Москвы (почти до границы с Украиной). Ареал этой парадигмы хотя и обширен, но не представляет сплошной территории. Целостность его нарушается в наибольшей степени другими образованиями с корнем *стриг-* для второго периода: лексический набор *сосун ~ стригач ~ третьяк* дает много небольших ареалов; набор *сосун ~ стриган ~ третьяк* представлен всего двумя небольшими ареалами, но он имеет свои ареалы преимущественного распространения – к северу от Москвы, а кроме того образует значительные ареалы на востоке.

В пределах ареала с набором *сосун ~ стригун ~ третьяк* возможны ареалы наборов, в которые входят слова от других корней. Для первого периода чаще всего это слово *жеребенок:* лексический набор *жеребенок ~ стригун ~ третьяк* распространен небольшими ареалами, количество которых увеличивается к западу. Появление этого слова в функции названия жеребенка отдельного периода может означать изменение самого типа парадигмы: нельзя быть вполне уверенным, что слово *жеребенок* имеет при этом всегда и общее значение 'детеныш лошади'. Косвенное указание на это находим в том, что в некоторых случаях (зафиксированных в непосредственной территориальной близости) общим названием служит слово *стригун,* а частные при этом неизвестны. Если слово *жеребенок* служит лишь названием жеребенка по первому году, а другого общего названия нет, тогда парадигма представлена одними видовыми названиями:

'лошадь по первому году'	'лошадь по второму году'	'лошадь по третьему году'

Из других лексических наборов, нарушающих целостность основного ареала, отметим наборы: *жеребенок ~ стригач ~ третьяк* в центральной части (с теми же оговорками по поводу типа парадигмы); *сосун ~ летош-*

ребенок часто содержится в ответах на вопросы раздела "Фонетика" №5 и 25 и "Морфология" № 80. При наличии других слов для обозначения по периодам можно предполагать, что *жеребенок* в этих случаях – общее название.

ник ~третьяк и *жеребенок ~летошник ~третьяк* в западной части ареала. Отметим также наличие небольших ареалов с некоторыми парадигмами, отличающимися по составу или по соотношению в названиях мотивирующих признаков. С юга к описанному ареалу примыкают ареалы с лексическим набором: *сосун ~стрижак ~третьяк,* перемежающиеся с ареалами, в которых первым членом набора становится слово *лошонок,* а также *лошак: лошонок* (или *лошак*) *~стригун ~третьяк; лошонок ~стригач ~третьяк; лошонок ~стрижак ~третьяк.*

На севере этот тип парадигмы часто реализуется в словах тех же корней (*сос-, стриг-/стриж-*), но только с другими суффиксами. Кроме упомянутого уже набора *сосун ~стриган ~третьяк* здесь отмечены наборы *сосок ~стриган ~третьяк* (к северо-востоку от Москвы), *сосун ~стрига/стрижка ~третьяк* и *соска ~стрига/стрижка ~третьяк* (или *трехлеток*) – (еще дальше к северо-востоку – в Заволжье).

Как мы видели, третьим членом набора до сих пор было почти исключительно слово *третьяк.* Вариативность создавалась за счет первого и второго членов. Слово *третьяк* – одно из самых распространенных названий жеребенка определенного периода развития, предшествующего формированию взрослой лошади. Оно представлено и в других наборах: *сосун ~ лонщак ~ третьяк* – ареалы к северу и северо-востоку от оз. Селигер; к востоку и юго-востоку от Москвы в нескольких значительных ареалах; *жеребенок ~лонщак ~третьяк* – большой ареал к югу и юго-востоку от Тихвина, а также в районе оз. Селигер и южнее; к западу от Новгорода. В наборах *жеребенок ~летошник ~третьяк* (довольно широко вокруг Торопца) и *жеребенок ~перезимок ~третьяк* (в южных и юго-западных р-нах Псковской обл.). В наборах *коняжка ~ стригун ~третьяк, коняжка ~стриган ~третьяк* и *коняжка ~лонщак ~ третьяк* – несколькими сливающимися ареалами вокруг Тамбова и южнее.

В большинстве перечисленных наборов слово *третьяк* отличается от двух других суф. *-ак-* – этот суффикс отмечен только для двух названий второго периода (*стрижак* и *лонщак*). Однако можно заметить, что эти последние наборы, в которых обнаруживается тенденция закрепления определенной словообразовательной модели хотя бы за двумя названиями, все же имеют довольно значительное распространение, хотя и меньшее, чем набор *сосун ~стригун ~третьяк,* в котором словообразовательная модель с суффиксом *-ун* объединяет названия жеребенка по первому и второму годам. Совсем невелики ареалы наборов *соска ~стрижка* (или *стрига*) *~третьяк* (*трехлеток, троелеток*), но в них можно отметить ту же тенденцию – одинаковую принадлежность слов *соска* и *стрига, стрижка* к основам на *-а* и тенденцию к закреплению модели с суф. *-к-*.

Переход в основы на *-а* отмечен и для последнего члена парадигмы: *третьяка* отмечено в наборах, первым членом которых являются слова *сосун* и *жеребенок,* а вторым – чаще всего слово *лонщина* (хотя возможно и слово *лонщак*)[8], т.е. опять-таки обнаруживается тенденция объеди-

[8] Однокоренные *лонщак* и *лонщина, третьяк* и *третьяка,* различаясь своим оформлением, принадлежностью к разным основам, возможно, различаются и родовой принадлежностью, но не в качестве противопоставленных членов парадигмы в одной ЧДС, а как междиалектные соответствия. Отметим, что при *лонщак* в одной ЧДС может быть сущ. ж. р. *лонщачка,* при *третьяк ~третьячка.*

нения двух слов набора (*лонщина* и *третьяка*) в одной модели основ на *-а*. Такие наборы распространены к западу и югу от Новгорода.

Довольно значительная территория вокруг Рыбинского водохранилища, особенно к юго-востоку от него, характеризуется наличием многих небольших ареалов, в которых первыми членами лексических наборов являются слова с корнем *сос- – сосун, сосок,* реже *соска,* вторым – чаще всего слово *стриган,* а третьим – такие слова, как *учка* (иногда *ученик*), *первопашка, гуляк.* Слово *гуляк* может быть и вторым членом набора, тогда в качестве третьего члена функционирует слово с корнем *борон-*.

Слова с корнем *борон-* в этой функции распространены меньше, чем слово *третьяк,* но тоже достаточно широко. Самое распространенное из них – *боронка,* но есть и другие, дающие небольшие, но более компактные ареалы. Они участвуют в наборах: *сосун ~стригун ~бороновик* – в Смоленской обл. (несколько небольших ареалов); *сосун ~стриган ~ боронка* или *бороныш* распространено к югу и юго-западу от Калинина, а со словами *боронщик* и *бороновалка* тот же набор отмечен к северу и северо-западу от Калинина. Западнее отмечены ареалы лексических наборов, в которых для жеребенка второго периода существуют слова *лонщак* и *лонщина,* а также – *лощак* и *лощина*[9]. На западе Калининской обл. отмечены преимущественно наборы со словом *сосун* для жеребенка первого периода и *боронник/боронщик* для третьего. На западе Псковской обл. отмечены соответственно наборы со словами *жеребенок* и *боронка.*

Выше охарактеризована в общих чертах та лексика, которая составляет наборы названий жеребенка в периоды развития, соответствующие одному году. Возможно, что жеребят уже во второй половине первого года жизни переводили на подножный корм, они переставали быть сосунами, но за ними сохранялось название. Во всяком случае, можно предполагать, что названия с корнем *стриг-/стриж-* появлялись здесь применительно к жеребенку после года потому, что только в конце первого года им подстригали гривку и хвостик. Возможно, напротив, что мотивированность этих слов забывалась, о чем можно судить по появлению слов *стригун* и *стриган* в качестве общего названия или названия уже в первый период[10].

Иные по длительности периоды вычленяются лексическими наборами, в которых последний период называется словами *лонщак, лонщина* или *полуторник.* В ответах, в которых отмечены эти наборы, имеются указания, что лишь первые полгода жеребенок назывался (и являлся) *сосуном,* что гривку и хвостик подстригали уже на 7–8 месяце, а после

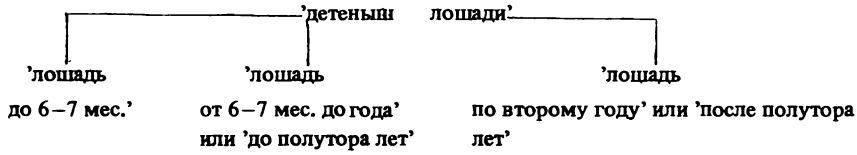
[9] Несомненна связь этих слов со словами *лонщак, лонщина,* о чем свидетельствует и характер их распространения. По мнению Даля, они возникли в результате контаминации слов *лонщак* и *лошак.* Утрата мотивированности может быть связана с отсутствием в говорах слов *лонись, лоньской*; в результате возможно переосмысление слова как образованного от корня *лоск-* по признаку гладкой и блестящей шерсти жеребенка.

[10] Указания на то, что *стригуном, стригунчиком* назывался новорожденный жеребенок, встречаются в материалах. См., например, ответ по д. Малые Килемары Шаранг. р-на Кир. обл.

года он уже получал название *лонщак* или *лонщина,* т.е. мотивирующий признак оставался и семантическим дифференциальным признаком слова.

Если названием третьего периода было слово *полуторник,* название вступало в силу ко времени, когда жеребенку исполнялось полтора года, а до этого лошадь называлась *стригуном* или *лонщаком.*

Можно предположить, что парадигма имеет то же строение, только периоды надо обозначать иначе:

Это соответствует приводимым в некоторых ответах указаниям, что лошадь по третьему году уже считалась рабочей.

Утратой мотивирующим признаком статуса дифференциального семантического признака, может быть, следует считать появление слов *стригун, стриган* в качестве первых в лексических наборах: *стригун/стриган ~лонщак/лонщина ~третьяк* (или слово с корнем *борон-*), хотя возможно, что название с корнем *стриг-* относилось к жеребенку не с самых первых месяцев, в течение которых он не имел специального обозначения, а назывался, как и все подобные ему детеныши, вскармливаемые молоком матери, *сосуном*[11].

2. Как уже говорилось, не во всех говорах период, в течение которого жеребенок имеет одно название, соответствует году. Кроме того, не везде лошадь по третьему году все еще считается жеребенком; в некоторых местах ее уже к концу второго года приучают сначала к бороне, потом к сохе, а на третий год она считается рабочей. Наконец, в некоторых говорах обозначение получили не только жеребята отдельных периодов, но и возрастов. Все это нашло отражение в строении еще некоторых парадигм, в которых представлены названия только для двух периодов или возрастов или же более чем для трех.

А. Названия есть для одного или двух периодов или возрастов. Почти повсеместно встречаются такие "усеченные" парадигмы, в которых кроме общего названия жеребенка есть только название для одного или двух периодов. Выделение только первого периода с названием *сосун* распространено сравнительно мало, чаще наряду с ним существует название еще для одного периода. Отмечены наборы: *сосун ~стригун* — преимущественно в тех пределах, где распространен тот же лексический набор с третьим членом — словом *третьяк; сосун ~стриган* — несколько ареалов, также тяготеющих к сходным наборам с третьим членом — словом *третьяк* (или *трехлеток*). Та же тенденция наблюдается в локализации наборов *сосок ~стригун, сосок ~стриган, соска ~стриган, сосун ~лонщак* и *жеребенок ~лонщак.*

---

[11] Наличие двух названий *жеребенок* и *стригун* (или *жеребенок* и *сосун*), отмечаемое иногда для первого периода, вероятно, свидетельствует не о синонимичности, а о каком-то расчленении языковым сознанием первого периода жизни жеребенка. Но ср. предшествующую сноску.

Названиями для жеребенка одного какого-нибудь периода при отсутствии названий других могут служить слова *стригун* (первого и/или второго), *стриган* и *стригач* (то же самое), *лонщак* или *лонщина* (одного года или по второму году), *полуторник* (по второму году или полутора лет), *селеток* (по первому), *коняжка* (по первому), *третьяк* (по третьему), *озимок* и *первозимок* (по первому).

Все эти слова, входя в набор из двух названий, обычно имеют тот же признак значения, который у них есть тогда, когда они представляют только один видовой член парадигмы, а именно: *стригун* или *стриган, стригач* 'по первому и второму году' ~*третьяк* 'по третьему'; *селеток* 'по первому' ~*лонщак* 'по второму'; *полуторник* 'по второму' ~*третьяк* 'по третьему'; *полуторник* 'полутора лет' ~*двухлеток* 'двух лет'; *молодяжка* 'по первому и второму году' ~*трехлеток* или *третьяк* 'по третьему'; *жеребенок* 'по первому и второму' ~*третьяк* 'по третьему'; *коняжка* 'по первому' ~*стригун* 'по второму'.

Несколько замечаний о локализации некоторых из этих лексических наборов и лексем. Лексемы и наборы со словом *полуторник* тяготеют к широкому северо-востоку в его внешней части, давая местами небольшие ареалы; лексемы и наборы со словом *третьяк* особенно характерны для запада Смоленской обл.; наборы со словом *молодяжка* образуют ареал в нижнем Поветлужье; лексемы и наборы со словом *коняжка* отмечены в Мещерском Крае.

Предположительное строение парадигм для случаев, когда названием выделяется только один период в развитии жеребенка, видимо, таково:

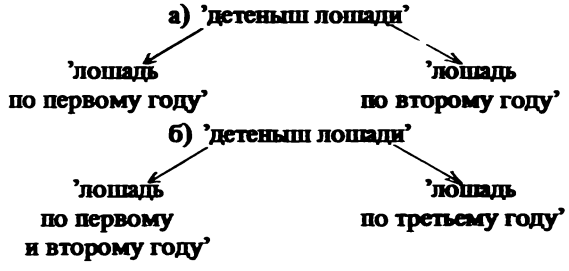
а) 'детеныш лошади'
↓
'детеныш лошади по первому году'

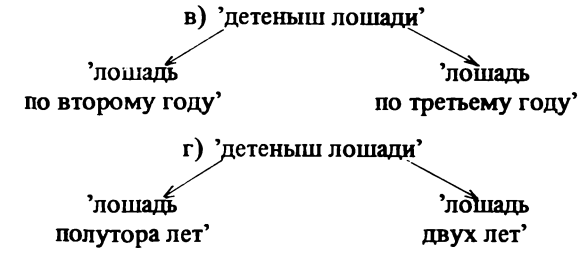
б) 'детеныш лошади'
↓
'детеныш лошади по второму году
или 'полутора лет'

в) 'детеныш лошади'
↓
'детеныш лошади первого и второго периодов
(которые мыслятся нерасчлененно)'

г) 'детеныш лошади'
↓
'детеныш лошади по третьему году'.

При наличии названий жеребят для двух периодов или возрастов можно предположить такие модели парадигм:

Б. Названия есть более чем для трех периодов и возрастов. Такое более дробное членение начального периода, когда лошадь не считается взрослой (иногда относящееся к более длительному временному отрезку), встречается сравнительно редко. Однако можно наблюдать известную локализацию некоторых лексических наборов.

Так, в Калининской области к северу от Калинина имеет известное распространение четырехчленный набор, в котором последний вычлененный период относится к четвертому году; мотивирующий признак основы слов указывает на приобщение лошади, которая еще не считается взрослой, к пахоте. Отмечены наборы названий, относящихся каждое к периоду в год: *сосун ~стриган ~боронка ~соха (сошка)* (д. Заболотье Меднов. р-на); *сосун ~стриган ~бороныш ~соха* (д. Почеп Кушалин. р-на); *жеребенок ~стриган ~боронка ~соха* (д. Александрово Лихослав. р-на). Несколько севернее наборы слов, относящихся тоже к годичным периодам, включают для второго периода слова *стригач* или *лонщак, лонщина*; в сочетании со словом *лонщина* для третьего года отмечено название *боронник*, для четвертого – *сошник*.

Последние периоды могут обозначаться аттрибутивными сочетаниями *первая соха, вторая соха, третья соха* (д. Кресты Санд. р-на). В деревне Лиховидово Любим. р-на Яросл. обл. в подобной же парадигме отмечен лексический набор: *сосун ~стриган ~третьяк ~первопашка.* В приведенных случаях число членов в парадигме увеличилось просто за счет прибавления одного или нескольких лет, в которые лошадь еще не считается вполне взрослой.

Парадигма получается более сложной, если в ней сочетаются названия жеребенка в отдельные периоды и возрасты. Например: *сосун* 'по первому году' *~одногодок* 'одного года' *~лонщак* 'по второму году' *~двухгодок* 'двух лет' *~третьяк* 'по третьему году' (д. Вотроса Пест- р-на Новг. о..л.).

К северу от Рыбинского водохранилища отмечен небольшой ареал подобных же парадигм, которые передаются лексическими наборами, включающими слово *озимок* в сочетании со словами *полуторник* и/или *двухлеток, трехлеток: сосунок* 'в первые месяцы' *~озимок* 'во второй половине первого года' *~полуторник* 'по второму году' *~двухлеток* 'по третьему году' *~трехлеток* 'по четвертому году' (с. Нелазское Черепов. р-на Волог. обл.); *сосун* 'по первому году' *~однолеток* 'одного года' *~озимок* 'по второму году' *~полуторник* 'по второму году после полутора лет' *~двухлеток* 'по третьему году' (д. Прягаево Кадуй. р-на Волог. обл.); *сосок* или *сосун* 'по первому году' *~озимок* 'по второму

году' ~*двухлеток* 'двух лет' ~*третьяк* 'по третьему году' (д. Раменье и Коровино Белозер. р-на Волог. обл.).

К востоку от Вологды встречаются лексические наборы, в состав которых входит слово *летник: сосунец* 'по первому году' ~*летник* 'около года' ~*полуторник* 'по второму году' ~*третьяк* 'по третьему году' (д. Залесье Орехов. р-на Костр. обл.) или *годовик: соска* 'по первому году' ~ *годовик* 'после года' ~*лонщак* 'по второму году' ~*полуторник* 'после полутора лет' ~*третьяк* 'по третьему году' (д. Загоскино Биряк. р-на Волог. обл.); *жеребенок* 'детеныш лошади' ~*стригун* 'по первому году' ~ *годовик* 'около года' ~*полуторник* 'полутора лет' ~*двухгодовик* 'двух лет' (д. Селезнево Солигалич. р-на Костр. обл.).

Парадигмы, в которых сочетаются названия жеребят определенных периодов и возрастов, можно графически представить в следующем виде:

сосок ' первые полгода' — *стриган* или *стрига* 'от полгода до полутора лет' (с. Халяво Маслов. р-на Яросл. обл.).

полуторник 'полутора лет'

двухлеток 'двух лет'

II. Вычленение отдельных периодов словами, сходными по мотивационному признаку.

1. В качестве таких слов могут выступать существительные, образованные от порядковых числительных. Одним из существительных этого типа является слово *третьяк*. В некоторых говорах для жеребенка второго периода распространено слово *другак* (редко *вторак*); очень редко для жеребенка первого периода используется слово *первак* – обычно парадигма бывает смешанной: только два слова из трех имеют сходный мотивирующий признак, для первого периода обычно существуют слова *сосун* и *жеребенок*. Слово *третьяк* образует аналогичную пару и со словом *полуторник*.

Первый лексический набор – *сосун* или *жеребенок* ~*другак* ~*третьяк* – образует значительные ареалы в южной половине Смоленской обл. и на севере Брянской, известен также кое-где к Востоку от Москвы. Набор *годовик* ~*полуторник* ~*третьяк* отмечен в говорах к северу от Горького.

2. Более значительное распространение имеют в совокупности лексические наборы, в которых представлены сложные слова, образованные от сочетаний числительных с существительными *год* и *лето* (в род. п. мн. числа) типа *двух годов, трех лет*.

В этих наборах наиболее распространенным первым членом также является слово либо несколько отличное по словообразовательной структуре (образовано по другой модели), либо отличающееся мотивирующим признаком одного из корней, либо вообще совсем иной словообразовательной модели и с иным мотивирующим признаком.

Лексический набор *селеток* ~*двухлеток* ~*трехлеток* распространен на севере центральной зоны Вологодской обл. и отдельными ареалами далее к востоку, уходя за границу картографируемой территории. С юга (но также к северу от Вологды) с ним смыкается ареал лексического набора, в котором второй и третий член те же, а в качестве первого известны главным образом *жеребенок* и *сосун*. Последний набор распро-

странен и во многих других говорах, главным образом, восточной половины территории ДАРЯ. Не образуют больших ареалов лексические наборы *годовик ~двухлеток ~трехлеток* и *годушка ~двухлеток ~трехлеток* (небольшой ареал последнего – к востоку от р. Суры), *однолеток ~ двухлеток ~трехлеток* и *перволеток ~второлеток ~третьелеток*. Набор *однолеток ~двухлеток ~третьяк* дает небольшой ареал в западной части Псковской обл. Лексические наборы *годовик ~двухгодовик ~трехгодовик* или *одногодок ~двоегодок ~троегодок* или *первогодок ~второгодок ~третьегодок* (которые далеко не всегда представлены в ответах всеми членами) распространены преимущественно в отдельных ЧДС на севере картографируемой территории.

3. Сложные слова, входящие в описываемые лексические наборы, могут представлять оформленные суф. *(о)к-* сочетания основ порядковых или падежных форм количественных числительных с корнем *зим-: первозимок ~второзимок ~третьезимок* или *однозимок ~двухзимок ~трехзимок* или *озимок ~двухзимок ~трехзимок* (ареалы к северу от Рыбинского водохранилища). Соотнесение с определенным временем года в данном случае наводит на мысль, что и сложные слова с корнем *лет-* не обязательно содержат соотнесение со временем длиною в год, а могут служить указанием на число прожитых летних периодов. Однако нужны специальные наблюдения за употреблением этих слов в контекстах, чтобы выяснить, каково их значение (с какими периодами времени они соотносятся).

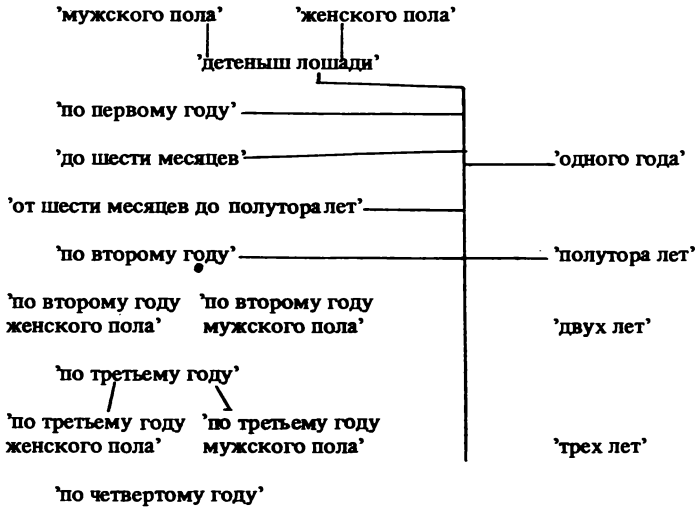
4. Интересны лексические наборы с отнаречными существительными в качестве второго члена набора, такими как *летошник* и *лонщак*, в сочетании со словами *селеток* и *нонешник* для первого периода; набор *селеток ~летошник ~третьяк* дает ареал в западной Брянщине; набор *нонешник ~ летошник ~ третьяк* распространен на юго-востоке Псковской обл., кое-где в Смоленщине и в районе оз. Селигер; *севолеток* (или *селеток*) ~ *лонщак ~трехлеток* (или *третьяк*) образует небольшие ареалы преимущественно к востоку от г. Тихвина, а также местами в пределах узкого северо-востока ДАРЯ.

III. Максимальная модель членения семантического пространства 'детеныш лошади'.

При всей вариативности этого сложного диалектного различия, его многочленности и многоплановости семантические отношения, существующие между входящими в него словами, можно представить максимальной моделью.

Как показано, сочетание некоторых значений членит семантическое пространство по определенным признакам как бы целиком. Такова наиболее распространенная парадигма выделения трех возрастов, соответствующих трем первым годам жизни. Такова же общая парадигма обозначения пола лошади. Таково и сочетание обеих парадигм в одной усложненной, в которой членение семантического пространства осуществлено и по признаку возраста, и по признаку пола (последнее – лексическими наборами *кобылка ~жеребчик, жеребка* или *жеребушка, жеребулька* и под. *~жеребок* или *жеребчик* и под., *лонщачка ~лонщак, третьячка ~третьяк* – разнокорневыми и однокорневыми наборами).

Однако во многих случаях системные отношения представлены таким

положением, когда семантическое пространство 'детеныш лошади' не расчленяется целиком, а в нем вычленяются лишь отдельные периоды или возрасты. Достаточно широкое распространение имеют говоры, в которых существует лишь общее название жеребенка, т.е. семантическое пространство не членится на лексическом уровне, а осуществляется описательными средствами.

О.Е. КАРМАКОВА

НАЗВАНИЯ ВЕЧЕРНИХ СОБРАНИЙ МОЛОДЕЖИ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Описания собраний молодежи имеют давнюю традицию в литературе по этнографии и фольклору, реже они встречаются в лингвистической литературе. В трудах этнографов история собраний молодежи (особенно праздничных) прослеживается по документам, начиная с XVI в. Однако подавляющее большинство материалов относится ко второй половине XIX в. В диалектных словарях названия собраний молодежи наиболее широко представлены также по материалам XIX в. Поскольку происшедшие социальные преобразования коренным образом изменили сущность и облик старой деревни, важно зафиксировать и описать для дальнейшего изучения обычаи, обряды, реалии (и их наименования), которые исчезли или же исчезают, оставаясь лишь в памяти носителей говоров. Задача статьи – соотнести распространение названий вечерних собраний молодежи по материалам ДАРЯ[1], собранным в середине XX в. от носителей языка старшего поколения, с диалектным членением русского языка, а также выявить наиболее продуктивные способы номинации, отмеченные в рассматриваемой лексико-семантической группе.

Следует заметить, что названия, отмеченные в этнографической литера-

[1] Имеются в виду ответы на вопрос 222 "Программы".

туре прошлого века, зафиксированы в тех же значениях на той же территории и в материалах ДАРЯ, хотя большинство наименований входит в настоящее время в пассивный словарный запас информаторов.

Коротко охарактеризуем материал атласа: прежде всего отметим, что он в разной степени снабжен пометами собирателей. Часть рассматриваемых ответов имеет подробное описание молодежных собраний, часть – краткие ремарки собирателей, касающиеся значения и употребительности названий, но встречаются и ответы, содержащие только перечень слов без каких-либо объяснений. Исходя из имеющихся данных, можно подразделить вечерние собрания молодежи на собрания: а) праздничные и будничные, причем последние бывают с работой и без работы; б) проводимые летом или в осенне-зимний период; в) проходившие в помещении или вне помещения. Используя семантические пометы, приводимые в рассматриваемых материалах, данные этнографии и диалектных словарей (в основном "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И. Даля, далее – Даль, и "Словаря русских народных говоров" под ред. Ф.П. Филина, вып. 1–18 – далее СРНГ), можно установить доминантное значение каждого из приводимых названий, т.е. то значение, в котором название преимущественно употребляется на определенной территории. Стержневым при характеристике молодежных собраний является цель их проведения: с работой (на таких вечёрах девушки пряли, вязали, шили, вышивали, плели кружева, а парни делали ложки, лапти) или с развлечением (здесь молодежь не только отдыхала, но и "высматривала себе пару", особенно на праздничных гуляньях, когда сходились молодые люди из соседних деревень).

Названия осенне-зимних трудовых собраний молодежи. Начало этих собраний связано с тем периодом аграрного календаря, когда заканчивались основные сельскохозяйственные работы и еще не начиналась подготовка к новому сельскохозяйственному циклу. В.И. Чичеров отмечает, что "посиделки, посидки, вечерки, супрядки и т.д. зимние сборища молодежи – в будни для работы, в праздники как развлечение, начинались задолго до рождественских дней. Начало их приурочивается к какому-либо празднику, имеющему значение в аграрном календаре, часто осмысляемому как начало зимних работ"[2]. По свидетельству ряда материалов ДАРЯ, собрания девушек с рукоделием, как правило, устраивались с Покрова (1 октября, ст. ст.) или же дня Флора и Лавра (18 августа ст. ст.) и продолжались до масленицы[3]. Наиболее распространенными названиями осенне-зимних собраний являются следующие: слова, производные от основы *бесед-* (*беседы, бесёды, беседки*), от корня *сид-/сед-* (*сиде́лки, посиде́лки, посиде́нки, по́седки, посе́дки, пос(е/и)дýхи* от корня *-пряд-* (*супрядки, попрядýхи*)[4]. Слово *бесе́ды*[5],

---

[2] *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. М., 1957, с. 166–167.

[3] У Даля начало работ приурочивается к 1 сент. ст. ст. – дню Симеона Столпника (Летопроводца).

[4] Следует отметить, что собрания с работой не исключали момента развлечения, так как часто к концу работы к девушкам приходили парни с гармошкой или балалайкой, начиналось гуляние.

[5] Напомним, что этимологически слово *беседа* восходит к корню **sěda* ("сиденье") и наречию **bez-* ("снаружи"), но нет оснований вычленять этот корень в современ-

имеющее самый большой ареал из всех названий, обозначающих сбор с работой, распространено почти на всей территории севернорусского наречия, а также в западных среднерусских окающих говорах южнее Ладожского озера и Финского залива, доходя до Старой Руссы. В варианте *бесёды* это название распространено в северном наречии: в онежской группе говоров, в северной части ладого-тихвинской группы, лачских говорах и на северо-востоке вологодской группы говоров. Территория бытования названия *бесе́дки* – восток Вологодской и бо́льшая часть костромской группы говоров, говоры вокруг Солигалича, севернее Торжка, южнее Весьегонска. Периферия ареала названий *беседы* и *беседки* приходится на среднерусские говоры, в большей степени восточные окающие (см. карту[6]).

Названия с корнем *сид-/сед-*, также обозначающие собрания с работой в подавляющем большинстве случаев, широко представлены на территории среднерусских говоров и в части говоров южного наречия, реже они встречаются в севернорусских говорах. Нередко имеются пометы собирателей: "старое название", "употреблялось раньше". Значительный ареал названий *сиде́лки* и *посиде́лки*[7] отмечен на восток от линии Борисоглебск – Мичуринск – Моршанск – Касимов. Кроме того, вариант *посиде́лки* широко распространен на юге западных среднерусских говоров и на юге территории ДАРЯ (Воронеж, Щигры, Старый Оскол), небольшие ареалы разбросаны по всей рассматриваемой территории русских говоров. Вариант *посиде́нки* локализуется вокруг Углича, Ярославля, на востоке среднерусских окающих говоров; небольшой ареал находится южнее Сольвычегодска. Слово *по́седки* зафиксировано у Калинина и на западе ладого-тихвинской группы северного наречия; *посе́дки* – преимущественно в восточных среднерусских окающих говорах, *посе⟨е/и⟩ду́хи* (чаще приводится в ед. ч.) – вокруг Тихвина.

Помимо названия молодежных собраний, слова *посе́дки* и *посиде́лки* приводятся в материалах ДАРЯ в качестве названий собраний женщин всех возрастов (небольшой ареал – 15 нас. п. – отмечен на юго-восток от Рыбинского водохранилища); в отдельных нас. п., как попутно отмечается собирателями материалов, указанные слова служат названием вечерних собраний пожилых людей (д. Закубежье Констант. р-на, д. Булаково Щелков. р-на и д. Назарово Пушкин. р-на Москов. обл.; д. Лонино

ном русском языке. Семантике слова *беседа* посвящена интересная статья И.А. Попова, в которой автор привлекает материалы словарей – этимологических, диалектных и древнерусского языка, а также попутно указывает территорию бытования этого названия в каждом из приводимых значений. В статье использованы и материалы ДАРЯ. См.: *Попов И.А.* Семантические особенности слова *беседа* в русских говорах. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1970.

[6] При составлении данной карты использовались следующие карты региональных атласов: карта 467 (автор Азарх Ю.С.) в "Атласе русских говоров центральных областей к северу от Москвы"; карта 454 (автор Феоктистова А.С.) в "Атласе русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы".

[7] Подробное описание обряда посиделок см.: *Успенский Д.* Посиделки. – Этнографическое обозрение, 1891, № 3; *Степанов В.И.* Деревенские посиделки и современные народные песни-частушки. – Этнографическое обозрение, 1903, № 4; Энциклопедический словарь. Брокгауз–Ефрон. СПб., 1895, т. XXIV.

Кардымов. р-на Смол. обл., д. Локонское Малоярославец. р-на и д. Крутицы Тарус. р-на Калуж. обл., д. Мелковка Юринск. р-на Марийск. АССР[8]). Кроме упомянутых названий, на описываемой территории встречаются другие образования от того же корня: *сида́к* (д. Кутафино Кромск. р-на Орлов. обл.), *си́дки* (д. Власово Константинов. р-на Москов. обл.), *сиде́нья* (д. Овинищи Гороховец. р-на Владимир. обл., д. Гавриловка Дзержин. р-на и д. Чернуха Кстовск. р-на Горьк. обл.), *сиже́нье* (д. Сомино Ефимовск. р-на Ленинград. обл.), *посиду́шки* (д. Калериново Понизовск. р-на и д. Калошино Духовщинск. р-на Смол. обл.), *поседу́нки* (д. Ворона, Кикнурск. р-на Киров. обл.).

Название *су́прядки*[9] имеет обширный ареал в западных среднерусских говорах (распространено на всей территории С.-Зап.), менее значительные ареалы – в южном наречии, в северном наречии фиксируется спорадически. Название *попряду́хи* (чаще приводится в ед. ч.) отмечено редко и только на юге территории ДАРЯ (см. карту). Указанные названия также употребляются для обозначения шерстяной толоки – коллективной женской помощи в прядении, устраиваемой хозяйкой для быстрейшего завершения работы (в этом значении распространено на востоке территории С.)[10].

Помимо слов, дающих обширные ареалы на всей территории ДАРЯ, существуют названия, известные только на определенной, весьма ограниченной территории. К ним относятся следующие наименования: *ке́льи* (отмечено на восток и на запад от линии Горький–Пенза), как объяснено информаторами, обозначает сбор девушек с рукодельем в специально нанятой избе, к ним часто приходили парни, начиналось веселье. В ряде ответов имеются пометы об изменении обряда: "раньше работали, а сейчас только гуляют". *До́светки*[11] (зафиксировано в 10 нас. п. севернее Белгорода) – слово обозначало работу девушек, устраиваемую ближе к полночи или с 4-х часов ночи до утра (ср. у Даля: *До́сви(ѣ)тки* ж. мн. юж... сходятся не с вечера, а встают вскоре по полуночи, досвѣту); *ночёвки*[12], *ночле́жки* (на юг от Смоленска по р. Сож) – собрание с прядением в течение всей ночи (см. карту).

Названия, употребляемые для обозначения гуляний – летом или зимой, на улице или в помещении, по будням или в праздники. Подобного рода наименований приведено в анализируемых материалах большее число. Особенно распространены названия, производные от основы *вечер-*: *вечера́, вечерки́, вечёрки, вечери́ны, вечери́нки, вечерёвки, вечеру́шки, вечерёва́нья*. Название *вечера́* встречается по всей

---

[8] Последовательно даны название деревни/села, район, область.

[9] Все рассматриваемые в статье названия, как правило, отмечены во мн. и ед. ч.: *бесе́ды–бесе́да, вечёрки–вечёрка, су́прядки–су́прядка* и т.д. Факт преимущественного употребления мн. ч. объясняется, скорее всего, многократностью проведения и групповым характером устраиваемого действия.

[10] Подробнее о названиях с корнем *-пряд-* в значении 'шерстяная толока' см.: *Кармакова О.Е.* Названия коллективной помощи в сельской работе. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

[11] Подробное описание проведения досветок см.: *Сумцов Н.Ф.* Досветки и посиделки. – Киевская старина, 1886, № 3.

[12] Отмечено в с. Юрсово Салтыков. р-на Пензенск. обл., д. Керш-Борки Моршанск. р-на Тамб. обл.

территории ДАРЯ, не образуя компактных ареалов; небольшие ареалы расположены в среднерусских говорах – на север от Осташкова и Вышнего Волочка, вокруг Иванова; название *вечёрки*, дающее ареалы на востоке северного наречия и среднерусских говоров, часто сопровождается на этой территории ремарками "новое", "теперь так называют"; в южном наречии данное слово имеет ареалы в р-не Мценска и Ефремова, севернее Вязьмы, на прочей территории ДАРЯ – лишь небольшие островковые ареалы; *вечери́ны* – локализуются вокруг Костромы, на север и запад от Тотьмы; *вечери́нки* – вокруг Курска, Москвы, Рязани; *вечеро́вки* – северо-западнее Великого Устюга; *вечеро́ва́нья* – вокруг Вельска; *вечеру́шки* – на юг от Задонска, в р-не Обояни и Белгорода. В части говоров зафиксированы другие словообразовательные варианты с данной основой: *вечерни́цы* (д. Челхов Чурович. р-на, д. Алейниково Воронок. р-на и д. Случевск Погар. р-на Брянск. обл., д. Будки Глушков. р-на Курской обл.), *вечерни́чки* (с. Красный Рог Почеп. р-на Брянск. обл.), *вечери́цы* (д. Заломье Арефин. р-на Ярослав. обл.), *вечеру́ха* (д. Стрелковская Каргопольск. р-на Арх. обл.), *вечеря́нки* (д. Гавриловка Дзержин. р-на Горьк. обл.). В большинстве ответов приведенные названия от основы *вечер-* обозначают гулянья зимой в помещении, по поводу *вечёрок* и *вечери́нок* встречаются замечания, что они "устраиваются с угощением"[13]. Довольно редко по материалам ДАРЯ перечисленные слова выступают как наименования святочных или рождественских гуляний, хотя в этнографической литературе название "святочные вечорки" – одно из самых употребительных. Можно предполагать, что это произошло в связи с утратой праздника: дезактуализация действа привела к забвению его названия.

В качестве названия праздничных увеселений в помещении или же на улице, часто с ремарками "старое", "устраивалось раньше", отмечается слово *и́грище*[14] (*игри́ща, игра́нье*), дающее значительный ареал на востоке вологодской и костромской группы говоров, встречается оно к юго-западу от Москвы, а также западнее линии Брянск–Сычевка.

Повсеместно в среднерусских и южнорусских говорах распространено название *у́лица* (*ву́лица, у́льца*), обозначающее гулянье летом вне помещения, вытеснившее, по указаниям информаторов, название *хорово́д* (*корогово́д*), редко приводимое в ответах и почти всегда с указаниями "было раньше". Сколько-нибудь компактной территории распространения названия *хоровод* в рассматриваемом значении выделить нельзя, так как слово отмечено в отдельных нас. п. на территории к юго-западу от Москвы и севернее Нижнего Ломова – всего в 65 нас. п.[15].

---

[13] В "Программе" нет специального вопроса, касающегося свадебного обряда и его составляющих, тем не менее довольно часто слова с основой *вечер-* приводятся как названия части свадебного обряда–вечера перед свадьбой, девичника, гулянья невесты с подругами (особенно часто приведены в северном наречии: вологодской и костромской группе говоров).

[14] В "Словаре русского языка XI–XVII вв." под ред. Г.А. Богатовой *игрище* отмечено как 'празднество с играми, забавами, увеселениями, зрелищами' уже по памятникам XI–XII вв.

[15] Однако лексема *хоровод* и ее варианты имеют широкое распространение на территории ДАРЯ, что видно из ответов на вопрос 67 "Программы".

Столь же употребительным, как *улица*, является наименование *гуля́нки, гуля́нье, гульба́* (*гу́льбище, гульби́на, гуле́нки*) для летних собраний молодежи на воздухе, бытующее в говорах западной диалектной зоны и в севернорусских говорах. В ряду названий, обозначающих собрания молодых людей с развлечениями, отмечены наименования, имеющие небольшие ареалы: *сумерики* (д. Котиха Сандовск. р-на Калинин. обл.), *сумерки* (зафиксировано восточнее Чудского озера в 11 нас. п.) проходят летом[16], *избе́нки* (д. Шалы Атюрб. р-на и д. Тазино Березников. р-на Морд. АССР), *избу́шки* и *изо́бки* (западнее и юго-западнее Москвы) обозначали собрания, устраиваемые только зимой для увеселения, в арендованной для этого избе (за аренду платили парни), или же поочередно друг у друга, если молодежи в деревне было немного[17]; *сби́тень* (только на территории Межевского и Мантуровского р-на Костромской обл.) – собирались зимой и летом; *домо́вник* (только в Московской обл.: д. Китенево Высоков. р-на, д. Ефимьево Волоколамск. р-на, д. Надмошье Коммунист. р-на, д. Богородское-Лакино Константинов. р-на, д. Волдынское Дмитр. р-на, д. Выхино Ухтомск. р-на, д. Зыкеево Лопасненск. р-на) собрание устраивалось девушками – или молодежью – у одной из подруг, оставленной домовничать, т.е. в отсутствие родителей вести хозяйство; *мата́ня* (на юг от Ефремова до Задонска и г. Ливны, всего в 30 нас. п.) обозначает гулянье летом на улице, часто сопровождается замечаниями "новое", появилось после войны", "употребляется с 1947 года", встречается у молодежи"[18]. Праздничные собрания молодежи, предполагающие съезд гостей из окрестных деревень, носят следующие названия: *сбо́рня* с. Петрово и д. Шереметьево Ряжск. р-на Ряз. обл., *сбо́рная* (д. Шишелево Брусов. р-на и д. Дальняя Троица Новоторжков. р-на Калинин. обл.), *своз, сво́за, сво́зы, сво́зки* (Ярослав., Костромск., Горьковск. и Вологодск. обл.), *пова́ды*[19] (с. Михайлово Грязовец. р-на Вологод. обл., Герасимово Лежск. р-на Вологод. обл.), *пова́дность* (с. Петрилово Ильинск. р-на Иванов. обл., д. Славитино Рязанцев. р-на Ярослав. обл.), *ско́пище* (д. Холы Ковжинского р-на Вологод. обл.), *гостьба́* (д. Васильево Солигалич. р-на Костр. обл.).

Необходимо отметить, что в ответах на вопрос "Программы" часто приводятся несколько названий, однако во многих случаях подобный факт не свидетельствует о наличии синонимии, так как значения приво-

---

[16] Названия *сумерник* (д. Ясново Лежнев. р-на Иванов. обл., д. Кочергино Балахнин. р-на Горьк. обл.), отмечены со значением 'собрания девушек с работой'.

[17] В СРНГ данные названия отмечены как проходящие с работой и без работы (Моск.).

[18] В статье Ф.Л. Скитовой о *матане* содержатся сведения о территории распространения частушки-матани в конце XIX в. (Нижегородская, Смоленская, Саратовская губ. – по данным исследователя частушек Е.Н. Елеонской) и в настоящее время; приводится мнение ряда ученых о заимствованном характере слова *матаня* из мордовского языка. См.: *Скитова Ф.Л.* Слово *матаня* в словарном запасе жителей Перми. – В кн.: "Живое слово в русской речи Прикамья". Пермь, 1978.

[19] "Если на посиденках много девиц из других деревень, то уже это собрание зовется не посиденкой, а повадой". *Дилакторский Н.* Святочные шалости в Пельшемской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии. – Этнографическое обозрение, 1898, № 4, с. 133.

димых слов различны. Так, при сосуществовании названий *беседы* и *посиделки* (особенно на территории среднерусских говоров на периферии бытования названия *беседы*), первое слово – *беседы* – обозначает гулянье, а второе – *посиделки* – собрание девушек с рукодельем зимой; *вечерованье* – собрание с работой, при этом *игра* – собрание, на котором танцуют, поют (вологодская группа северного наречия) и т.д.

При сосуществовании названий от основы *вечер-* значения их могли дифференцироваться таким образом: одно из слов означает будничное гулянье или гулянье без угощенья, другое – праздничное собрание или же собрание с угощеньем. В говорах западной диалектной зоны при сосуществовании названий *супрядки* и *ночлежки,* первое относится к собранию девушек с прядением днем (или вечером), тогда как второе – собрание вечером (или ночью); на востоке северного наречия – на *супрядках* только лен мнут, *посиденки* проходят с работой, *вечер* отмечается как современное название собрания, где гуляет молодежь.

Однако в связи с тем, что наименования, входящие в рассматриваемую лексико-семантическую группу, стали принадлежностью пассивного словаря носителей диалекта, наблюдается процесс утраты противопоставленности значений у ряда названий. При этом ранее различные наименования постепенно становятся в один смысловой ряд, превращаясь в синонимы, дублеты. Вероятно, именно поэтому в ответах порой приводится лишь перечень названий без семантических помет.

Остановимся на мотивирующих признаках, лежащих в основе наименования вечерних собраний молодежи. Исходя из имеющихся материалов ДАРЯ (с привлечением для проверки отдельных значений слов из словаря Даля и СРНГ), представляется возможным выделить следующие, наиболее продуктивные группы наименований (словообразовательный аспект при этом во внимание не принимался)[20].

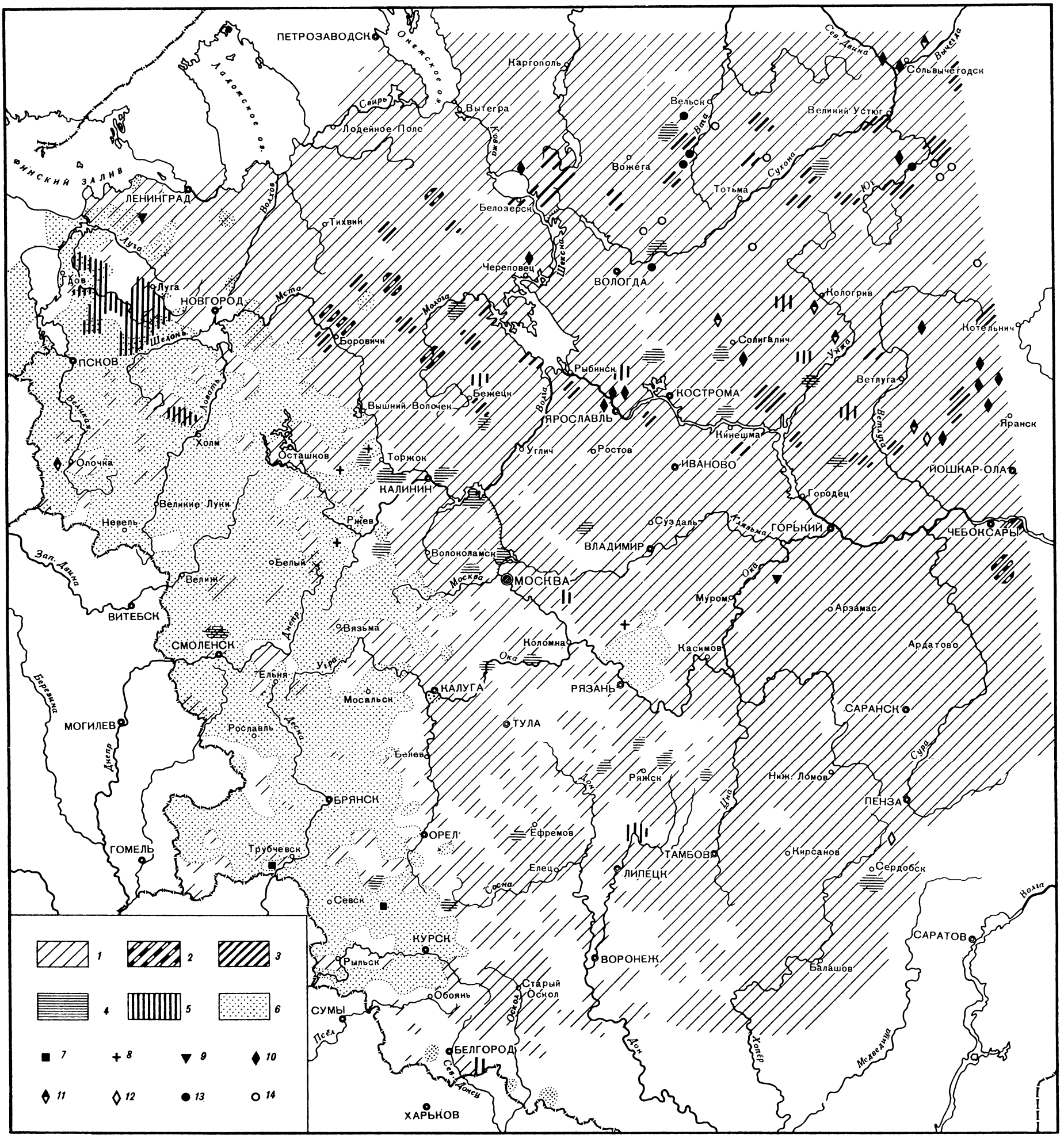
1. Наименования, в основе которых лежит действие субъекта или субъектов: *сиде́лки, посиде́лки, сиже́нье* и т.д. (*сидеть*); *своз* (*свозить*); *схо́дка, схо́дбище* (*сходиться*); *су́прядки* (*прясть*); *сбегу́шка* (*сбегаться*) (с. Погребное Солигалич. р-на Костром. обл.) и т.д.

2. Названия, в основе которых лежит темпоральная характеристика: по времени суток: *вечера́, су́мерки, ночёвки, до́светки, заря́нка* (в 30 нас. п. на северо-восток от Костромы; д. Лапино Тургинов. р-на Калинин. обл., д. Большая Журавка Аркаданск. р-на Саратов. обл.; в СРНГ – "вечеринка, раньше на зарянке до утра гуляли. Моск."); *рося́нка* (вероятно, также названо по времени гуляний – вечером, когда выпадает роса; д. Введенское Некоуз. р-на Ярослав. обл.); по дню недели: *суббо́та, суббо́тки*[21] (д. Жеребут Лужск. р-на Ленинград. обл., д. Костронь и д. Остров Батецк. р-на Новгород. обл., д. Кошкино Пушкиногор. р-на Псков. обл.); по месяцу: *ма́евка* (есть замечания собирателей, что устраивались гулянья весной, название более позднее; отмечено в 8 нас. п. Вологодской обл.; ср. в СРНГ:

---

[20] Всего по материалам ДАРЯ приведено более 150 названий собраний молодежи.

[21] Подробнее о *субботках* см.: *Нефедьев Ф.Ф.* Торопецкие субботки. – В кн.: *Снегирев И.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. II. СПб, 1886.

Карта. Названия коллективной помощи в сельской работе

1 – по́мочь и/или по́мощь; *2* – помоча́; *3* – по́мочи; *4* – помо́га, по́мога, подмо́га; *5* – посо́бие и др. слова с тем же корнем; *6* – толока́, то́лока; *7* – тола́ка; *8* – префиксальные образования с тем же корнем, *9* – суффиксальные образования с тем же корнем; *10* – *12* – су́прядки: *10* – коллективная помощь в обработке льна, *11* – коллективная помощь в обработке шерсти, *12* – коллективная помощь; *13*–*14* – дожи́нки – и др. слова с тем же корнем: *13* – коллективная помощь во время жатвы, *14* – коллективная помощь.

К ст. О.Е. Кармаковой, с. 148

1. *Ма́ёвка.* Колхозный праздник после посевной кампании. Ср. Урал, 1979;

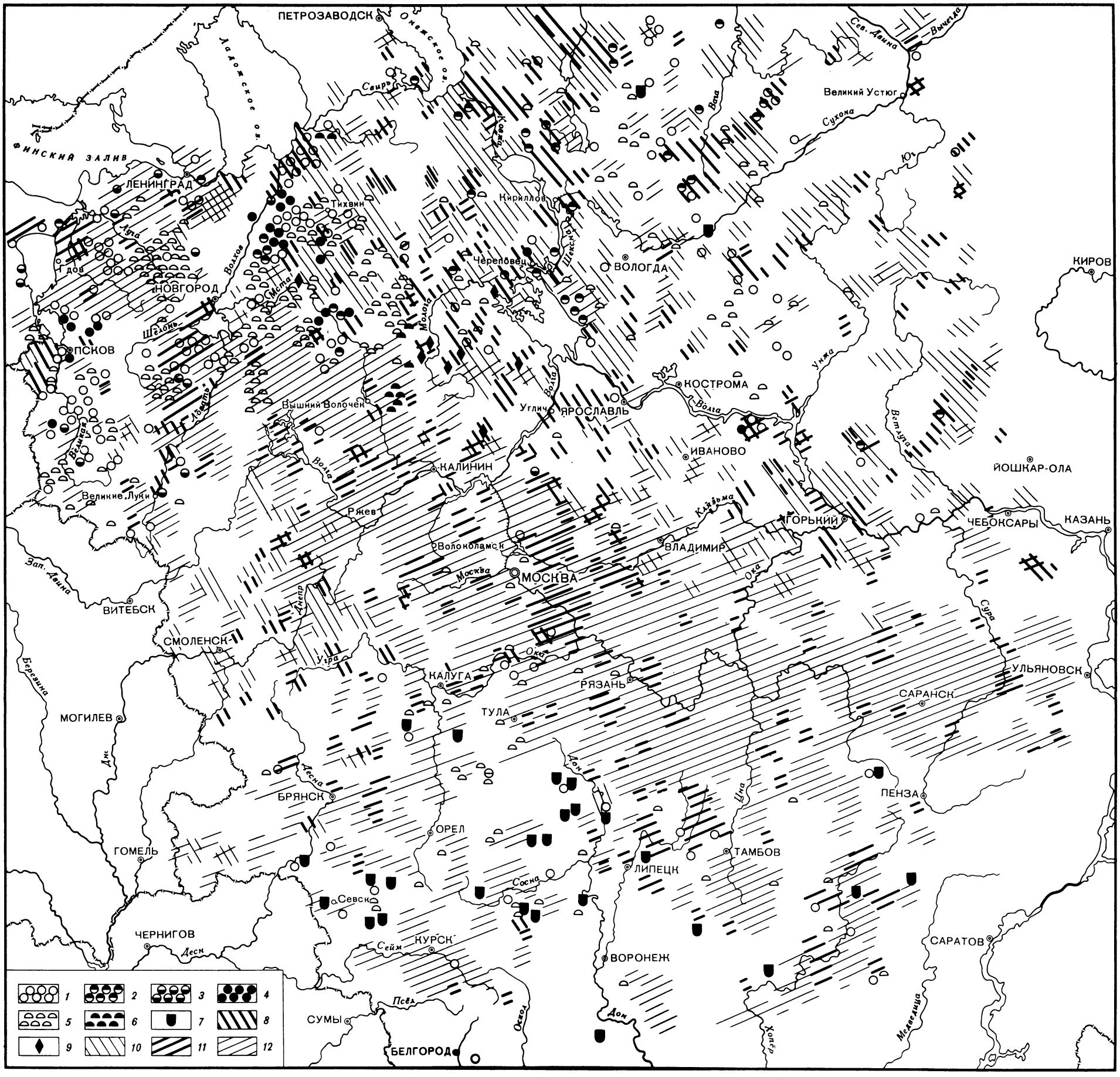
2. *Маёвка.* Прогулка за город, пикник в праздник дня железнодорожников. Читин., 1969.

3. Названия, в основе которых лежит локальная характеристика: наименования даны по названию помещения, в котором происходило собрание: *избу́шки, изо́бки, ке́льи* (так называли дома одиноких стариков, вдов, которые, как правило, снимала, "откупала", молодежь), *ба́ня* (д. Нехочи Хвостов. р-на Калуж. обл., д. Горожанка, д. Красная Слобода, д. Страчево Суземск. р-на и д. Ворки Навлинск. р-на Брянск. обл.), *клуб* (Калуж. обл.) и т.д.; наименования даны по месту, где происходило собрание (вне помещения): например, у подножия горы, на месте бывшего пожара, на завалинке, лавке, на определенном углу деревни и пр.[22]: *уго́р* (д. Повечерняя Никольск. р-на Вологод. обл.), *га́рище* (д. Шамокша Лодейнопольск. р-на Ленинград. обл.), *зава́лины* (д. Нетесово Солигалич. р-на Костромской обл.), *уголки́* (д. Подболотное Кривандинского р-на Моск. обл.), *ла́вочки* (д. Тазино Березник. р-на Морд. АССР), *пятачо́к* (отмечено широко в качестве места для гуляния или танцев с пометой "новое": д. Семеновская Ковжинск. р-на Вологод. обл., д. Дольское Детчинск. р-на, д. Сугоново и д. Воино Ферзиковск. р-на, с. Курганы Дзержинского р-на Калуж. обл., д. Арнеево Серпухов. р-на Моск. обл., д. Буево Погорельск. р-на и д. Архангельск Конаковск. р-на Калинин. обл.) и т.д.

4. Названия, данные по наименованию одного из элементов гулянья – песни, частушки, пляски, игры и пр.: *хоровбд* – массовый танец или народная игра, участники которой ходят по кругу с песнями и прибаутками; *круг* (с. Большое Куликово Богородск. р-на и д. Березники Дальне-Константин. р-на Горьк. обл., д. Савелки Химк. р-на и д. Дудино Красногорск. р-на Моск. обл.) в СРНГ отмечено со значением 'хоровод'; *берёзка* (д. Мышино Пустошкин. р-на и д. Пружки Опочец. р-на Великолук. обл.) возможны два объяснения происхождения названия: от народной пляски (упоминается в СРНГ) и от песни "Александровская береза", часто исполняемой на гуляньях; *лунёвка* (д. Окороки Молвотин. р-на Новгород. обл.) – не исключено, что по танцу *лунёк,* который у Даля отмечен в Пск-ой губ.; *бара́бушка* (д. Погорелово, д. Рукавишниково Велико-Устюгск. р-на и д. Томашево Усть-Алексеевск. р-на Вологод. обл.): можно предположить два объяснения – от пляски (в СРНГ отмечено в Киров., Свердл. обл.) или песни, частушки (СРНГ отмечает в Свердл. обл.); *мата́ня* – от названия танца или частушки (ср. в СРНГ: *матаня* – 'частушка, в которой поется о матане' (милом, милой). Сарат., Нижегор. 'Танец сельской молодежи'. Орл., 1940–1950. 'Вечернее гулянье, вечеринка колхозной молодежи'. Орл., 1940–1950); *мата́нья* – 'вечернее гулянье сельской молодежи'. Орл., 1940–1950; *му́зыка* (д. Ведерники Глинковск. р-на Смол. обл.); *волы́нка* (д. Ивачево Вытегор. р-на Вологод. обл.) – от названия музыкального инструмента (по данным СРНГ так называется гармоника особого строя в Костромской обл.); *столбу́шки* (д. Доро-

---

[22] Подобные названия возникли в большинстве своем как окказионализмы, а затем вошли в словарь данного языкового коллектива.

Карта. Значения слов *подвал, подполье* и *подпол*

1–6 – подвал в значении: *1* – 'подполье', *2* – 'подполье со входом снаружи', *3* – 'подполье со входом изнутри дома', *4* – 'вход в подполье', *5* – 'вход в подполье снаружи', *6* – 'погреб (вне дома)'; *7–9 – подполье* в значении: *7* – 'подполье', *8* – 'подполье со входами снаружи и изнутри', *9* – 'ход в подполье'; *10–11 – подпол* в значении: *10* – 'подполье', *11* – 'вход в подполье'

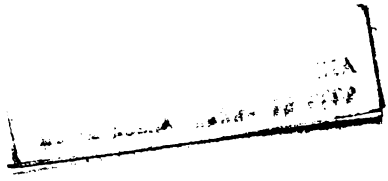
К ст. О.Н. Мораховской, с. 139

Зак. 542

ватка Биряковск. р-на Вологод. обл.) – по Далю – род горелок, а также круговая игра; *шуми́ха* (д. Немоево Сошихинск. р-на Пск. обл.) – естественно, что всякое гулянье проходит с шумом, отсюда и название; *бадёрка* (у Даля 'нарядко одетая женщина', как известно, на праздничные собрания девушки наряжались, возможно, так назвали и гулянье; д. Узкое Усвятск. р-на Великолук. обл.), *балы*[23] (без ударения, д. Гоголевка Монастырщинск. р-на Смоленск. обл.) – возможны два объяснения происхождения названия: *бал* фр. вечернее собрание для пляски (Даль) и *балы́* мн. ч. (баловать?) лясы, балясы, росказни, пустой забавный разговор, шутки, веселье, остроты (Даль), т.е. то, что всегда имеет место на собраниях молодежи и т.д.

Данный перечень не исчерпывает всех возможных способов образования наименований, а лишь указывает на наиболее употребительные.

В заключение следует отметить, что старые, традиционные названия (*беседы, посиделки, игрища* и пр. – см. приведенные в статье пометы "старое", употреблялось раньше" и под.) обладают большой устойчивостью; они продолжают функционировать в диалектах, наполняясь новым содержанием, приобретая новые значения (так, старые названия нередко употребляются как наименование современных молодежных гуляний). Как видно из материалов, сохраняется различие в употреблении приведенных выше слов: старшее поколение, называя новые по существу молодежные собрания, пользуется традиционными названиями, а в речи более молодого поколения употребимы как старые, так и новые образования, с преобладанием последних (*матаня, танцы, маевка* и пр.).

[23] Ср. в СРНГ – *Бал* 'безделье, пустые разговоры, веселое времяпрепровождения' (Канд. Волог., Мещов. Калуж.), 'званая вечеринка по поводу именин' (Боров. Новг.).

СОДЕРЖАНИЕ

С.В. Бромлей. О морфологическом выпуске Диалектологического атласа русского языка 3

Е.Г. Бурова. Протетические гласные в позиции первого предударного слога в русских говорах 25

Р.Ф. Пауфошима. Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах. 35

В.Н. Теплова. О вокализме заударного конечного открытого слога после твердых согласных в акающих говорах русского языка 44

К.Ф. Захарова. Был ли переход *е* > *о* в заударном положении? (на материале личных окончаний глаголов I спряжения в говорах Владимирско-Поволжской группы) 55

Л.Л. Касаткин. Особенности воздействия мягкого заднеязычного согласного, стоящего после твердого согласного, на предшествующий гласный в русских говорах. 60

Н.Н. Пшеничнова. Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах (о комплексном подходе к исследованию языковых явлений) 72

А.И. Сологуб. О синкретизме форм в склонении существительных женского рода единственного числа по диалектным данным 82

И.А. Букринская. Ударенное окончание *-и* в предложном падеже существительных второго типа склонения в русских диалектах. 89

Н.А. Липовская. Формы родительного падежа множественного числа существительных женского рода с основой на парный твердый согласный 93

Л.Н. Булатова, Т.Ю. Строганова. Гипотеза С.П. Обнорского о происхождении окончаний *-уя, -аю, -аи, -ами* в формах прилагательных в свете данных Диалектологического атласа русского языка 100

Е.В. Немченко. К вопросу об инновациях в морфологии причастий (о полных формах в русских говорах) 105

Ю.С. Азарх. Существительные на *-а* с экспрессивными суффиксами типа "гласный + задненебный согласный" в русских говорах 108

О.Н. Мораховская. Способы наименования жеребят в начальные периоды жизни 121

О.Е. Кармакова. Названия вечерних собраний молодежи в русских говорах. 132

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ

Лингвогеографические исследования

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Редактор издательства *Е.В. Фурманова*
Художник *Е.П. Батаева*
Художественный редактор *Т.П. Поленова*
Технический редактор *Г.И. Астахова*

ИБ № 26739

Подписано к печати 08.06.83. Формат 60 X 90 1/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,0 + 1,6. Усл. кр.-отт. 10,7
Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 3400 экз. Тип. зак. 361
Цена 1 р. 30 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука".
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

вышли из печати:

Вести-Куранты. 1648–1650 гг. 28 л. 3р. 20к.

Книга продолжает издание рукописных материалов, которые предшествовали появлению в России печатных газет. В ней представлены переводы западноевропейских газет, в которых содержатся сообщения о событиях политической, экономической и культурной жизни, военных действиях в странах Западной Европы и Азии, о содержании мирных договоров между европейскими государствами и др.
Для специалистов-филологов и историков, преподавателей вузов и аспирантов историков-филологических факультетов.

Горшков А.И. **Теоретические основы истории русского литературного языка.** 12 л. 1 р. 20 к.

Монография посвящена теоретическим проблемам одной из самых молодых отраслей современной русистики – истории русского литературного языка. В ней рассматриваются и обобщаются идеи советских филологов о происхождении и развитии русского литературного языка.
Для специалистов-филологов, преподавателей вузов и средних школ, студентов и аспирантов филологических факультетов.

Пауфошима Р.Ф. **Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах.** 10 л. 1р. 50к.

Монография посвящена исследованию явлений сегментной фонетики слова в зависимости от фразовых условий в говорах севернорусского наречия – проблеме новой и практически малоисследованной.
Для специалистов в области общей и русской фонетики, а также для диалектологов-русистов.

Готовятся к печати:

Словарь русского языка XVIII века: Вып. 1 (А – Беспошлинный). 30 л. 2р. 20к.

Словарь характеризует словоупотребление русского языка в важный период складывания нового литературного языка на национальной основе. Толкование слов сопровождается грамматической и стилистической характеристикой, указанием вариантности форм слова, сведениями о динамике словоупотребления (неологизмы, архаизмы, расширение или сужение употребительности). По структуре Словарь – алфавитный, с элементами гнездования. Содержит иллюстративный материал из памятников письменности XVIII в. Вып. 1 содержит более 3500 слов.

Для филологов, историков, литературоведов, студентов и преподавателей вузов.

Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем: Указатель источников. 10 л. 70 к.

Книга предваряет выпуск "Словаря русского языка XVIII века", содержит правила пользования Словарем, краткие сведения о картотеке цитат, на основании которой составляется Словарь, библиографические сведения о его источниках с принятыми для них в словаре условными сокращенными обозначениями. Для лексикографов, лексикологов, историков языка, литературоведов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов "Книга–почтой" "Академкнига":

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

Готовятся к печати:

Словарь русского языка XVIII века: Вып. 1 (А – Беспошлинный). 30 л. 2р. 20к.

Словарь характеризует словоупотребление русского языка в важный период складывания нового литературного языка на национальной основе. Толкование слов сопровождается грамматической и стилистической характеристикой, указанием вариантности форм слова, сведениями о динамике словоупотребления (неологизмы, архаизмы, расширение или сужение употребительности). По структуре Словарь – алфавитный, с элементами гнездования. Содержит иллюстративный материал из памятников письменности XVIII в. Вып. 1 содержит более 3500 слов.

Для филологов, историков, литературоведов, студентов и преподавателей вузов.

Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем: Указатель источников. 10 л. 70 к.

Книга предваряет выпуск "Словаря русского языка XVIII века", содержит правила пользования Словарем, краткие сведения о картотеке цитат, на основании которой составляется Словарь, библиографические сведения о его источниках с принятыми для них в словаре условными сокращенными обозначениями. Для лексикографов, лексикологов, историков языка, литературоведов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов "Книга–почтой" "Академкнига":

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

1 р. 30 к.